

**ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(СПбГУ)**

ЦХЕ КРИСТИНА ВЛАДИМИРОВНА

«ЗАПИСКИ О ПУТЕШЕСТВИИ В СТОЛИЦУ» ЛЕ ХЫУ ЧАКА

Направление 032100 «Востоковедение и африканистика»

Выпускная квалификационная работа
(Профиль «Вьетнамско-китайская филология»)

Научный руководитель: кандидат филологических
наук, доцент, Кнорозова Е. Ю.

Рецензент: ассистент Колтыга О. В.

Санкт-Петербург

2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. БИОГРАФИЯ ЛЕ ХЫУ ЧАКА (1720–1791)	7
ГЛАВА II. «ЗАПИСКИ О ПУТЕШЕСТВИИ В СТОЛИЦУ» КАК ЧАСТЬ «СУЖДЕНИЙ ОБ ИСТОКАХ ВРАЧЕВАНИЯ ХАЙТХЫОНГА»	19
ГЛАВА III. ДНЕВНИКИ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ КУЛЬТУРНОМ РЕГИОНЕ	32
ГЛАВА IV. ДНЕВНИК ЛЕ ХЫУ ЧАКА «ЗАПИСКИ О ПУТЕШЕСТВИИ В СТОЛИЦУ»	40
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	60
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ	62
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. КАРТА ВЬЕТНАМА В XVIII ВЕКЕ	68
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	69
ГЛАВА I. ПОКИДАЯ РОДНЫЕ КРАЯ, ЕДУ В СТОЛИЦУ	69
ГЛАВА II. В ПРАВИТЕЛЬСТВЕ	80
ГЛАВА III. НОСТАЛЬГИЯ	85
ГЛАВА IV. ГОТОВЛЮ ЛЕКАРСТВА И ПИШУ СТИХИ	99
ГЛАВА VI. НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА С ДАВНИМ ЗНАКОМЦЕМ	111
ГЛАВА X. ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ	113

ВВЕДЕНИЕ

Знаменитый медик Ле Хыу Чак (1720–1791) является ключевой фигурой для вьетнамской культуры. Большую часть жизни он посвятил медицине. Интерес к ней проявился в конце 1740-ых годов — в то время, когда страдавший от долгой болезни Ле Хыу Чак находился на лечении в провинции Нгеан у Чан Дока, специалиста по восточной медицине.¹ С тех пор и до последних дней своей жизни Ле Хыу Чак занимался изучением традиционной медицины. Итогом многолетних исследований и врачебной практики стал 66-томный труд в 28 частях «Суждения об истоках врачевания Хайтхыонга» (*Хай Тхыонг И Тонг Там Линь — Hải Thượng Y Tông Tâm Lĩnh*, сокр. Тамлин), в котором собраны 2854 не только старинных, но и бытовавших в то время в народе рецепта.² В «Суждениях» последовательно изложены классификация болезней, способы и методы лечения, основы медицинской этики, а также биография самого автора и дневник, тема настоящей дипломной работы — «Записки о путешествии в столицу» («*Thượng kinh ký sự*»).

«Записки о путешествии в столицу» являются последним томом «Суждений об истоках врачевания Хайтхыонга». В 1782 году по приказу главы клана Чинь прославленному к тому времени медику пришлось проделать непростой для пожилого человека путь — из современной провинции Хатинь до нынешнего Ханоя (в прошлом — Тханглонга). Дорога заняла примерно две недели. Дневник Ле Хыу Чака начинается со дня получения приказа и заканчивается возвращением домой, охватывая, таким образом, период в девять месяцев.

«Записки о путешествии в столицу» писались образованным, тонко чувствующим интеллигентом, жившим в то время, когда страна фактически управлялась могущественной феодальной группировкой — *тьюа* Чинь, а император лишь номинально считался правителем. Крестьянское восстание Тэйшонов (1771–1802) охватило всю страну. На это смутное время и пришлось

---

¹См. *Hải Thượng Lãn Ông / Lê Hữu Trác. Hải Thượng Y Tông Tâm Lĩnh (Суждения об истоках врачевания Хайтхыонга)*. — Hà Nội, 2014. — Тт. 5 – 6

²История Вьетнама. Пер. с вьет / [Отв. ред. С.А. Мхитарян]. — М.: Наука, 1983. — С. 274–275

поездка Ле Хыу Чака в столицу. Любимый дневник — это отражение личности автора. В то же время человек, ведущий его, является представителем конкретной эпохи, культуры, социальной группы. Интересные для историков значимые события проходят через фильтры индивидуального сознания и остаются (или же нет) в таком виде запечатлёнными в дневнике. «Дневник представляет большую ценность, т.к. там точно указаны даты и место действия. С одной стороны, дневник — более достоверный исторический документ, т.к. при воспоминаниях происходит модификация информации (перемещение событий во времени, сглаживание и т.д.), незначительные детали могут выступить на первый план, а действительно важные для историков вещи ускользнуть от внимания автора. Дневник отражает состояние человека, его внутренний мир и систему ценностей его социальной группы. Это нужно изучать, чтобы понять, как мыслили и что чувствовали люди в том времени и в том месте. Сопоставление данных дневника и других, более надежных источников, позволяет определить, насколько объективным было восприятие человеком современных ему событий».¹

Вьетнам относится не только к странам Юго-Восточной Азии, но и к странам дальневосточного культурного региона, которые также называют странами иероглифической письменности. Помимо Вьетнама к ним относятся Китай, Корея, Япония. На определённых этапах своего развития Вьетнам, Корея, Япония испытали влияние культуры Поднебесной. Это проявилось в заимствовании китайского иероглифического письма и использовании литературного языка *вэньяня*, овладение которым требовало долгих лет учёбы: во Вьетнаме он назывался *ханван*, в Корее — *ханмун*, в Японии — *камбун*.

Вэньянь стал для этих стран связующим звеном. Благодаря общему письменному языку образованные представители Вьетнама, Кореи, Японии не только могли свободно общаться друг с другом, но и имели возможность приобщиться к литературному, философскому, историческому наследию Китая. Вместе с *вэньянем* во Вьетнам, Корею и Японию проникли и другие элементы

---

¹Балика З.С., Балика А.Д. Сравнительный анализ понятий «дневники» и «воспоминания» // Воспоминания и дневники как историко—психологический источник: материалы XXIX Междунар. Науч. Конф. — Санкт Петербург, 16–17 мая 2011г. — СПб: Полторак, 2011. — С. 20–21

китайской культуры, такие как система государственных экзаменов на чиновничью должность, конфуцианство, буддизм и даосизм, литературные жанры, поэтическая образность. В Японии в VIII—IX вв. пользовался популярностью Бо Цзюйи, по китайским образцам были созданы несколько руководств по стихосложению. В сборниках буддийских легенд появились сюжеты о японских праведниках, аналогичные индийским и китайским.¹ В корейской поэзии и прозе имена героев китайской литературы и «устойчивые поэтические выражения, заимствованные из сочинений китайских классиков ... служили знаками определенных ситуаций, предметов и их качеств — они были “штампами красивого высказывания”».² Вьетнамские поэты в течение веков черпали «из китайской поэзии, прежде всего танской эпохи (VII—начало X в.), а также более раннего и более позднего времени, образы и сравнения», заимствовали систему стихосложения, любовь к литературным реминисценциям, тематику произведений. Они даже упоминали в стихах снег, бывший для Вьетнама экзотическим явлением, а также многое другое, узнанное из китайских книг и путешествий в Поднебесную.³ «Во Вьетнаме, Корее, Японии сложилась традиция при подготовке к изданию произведений своей классики обследовать и комментировать подчас каждую строку, сопоставляя с произведениями китайской литературы и выясняя источник... того или иного образа или выражения, сюжета или мотива».⁴ В «Записках о путешествии в столицу» Ле Хыу Чака, написанном на *ханване*, часто встречаются отсылки к классикам поэзии, философии и медицины Поднебесной, историческим и мифологическим персонажам. Это является подтверждением связи образованных представителей стран иероглифической письменности с культурой Китая. По этой причине темой прошлых работ был обзор дневников и путевых заметок в данном регионе.

---

¹См. *Горегляд В.Н.* Классическая культура Японии: Очерки духовной жизни. — СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2006. — С. 280

²*Троцевич А.Ф.* История корейской традиционной литературы (до XX в.). — СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2004. — С.6

³*Никулин Н.И.* Вьетнамская литература X-XIX вв. — М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1977. — С. 16

⁴Там же. — С. 21

Цель данной работы — дать представление о вьетнамской дневниковой литературе на примере «Записок о путешествии в столицу» вьетнамского медика XVIII века Ле Хыу Чака.

Дипломная работа состоит из Введения, четырёх глав, Заключения, Списка использованной литературы и источников, Приложения 1 и Приложения 2. В **Главе I** представлена полная биография Ле Хыу Чака. В **Главе II** «Записки о путешествии в столицу» рассматриваются как часть «Суждений об истоках врачевания Хайтхыонга». В **Главе III** представлен обзор путевых заметок в дальневосточном культурном регионе. В **Главе IV** рассмотрены характерные особенности «Записок о путешествии в столицу». В **Заключении** подведён итог данной работы. В **Приложении 1** представлена карта Вьетнама времён Ле Хыу Чака и отмечен путь медика до столицы. В **Приложении 2** дан перевод большей части текста «Записок о путешествии в столицу». Дневник Ле Хыу Чака переводился с *ханвана* на современный вьетнамский язык несколько раз. Так, есть переводы, выполненные Нгуен Чонг Тхуатом (Nguyễn Trọng Thuật, первые издания 1923 и 1924 гг.) и Фан Во (Phan Võ, 1959). В 1972 году вышел подробно откомментированный французский перевод «Записок», выполненный исследователем Французского института Дальнего Востока (*L'École française d'Extrême-Orient — EFEO*) Нгуен Чан Хуаном (Nguyễn Trần Huân). Во вьетнамских изданиях «Записки» в переводе Фан Во состоят из десяти глав (в **Приложении 2** представлен перевод шести из них). Однако во вьетнамском переводе большая часть стихотворений, как и объяснение многих медицинских терминов, отсутствуют. По этой причине при переводе текста «Записок» для данной дипломной работы были одновременно использованы не только переиздание перевода Фан Во, но и перевод Нгуен Чан Хуана.¹

ГЛАВА I. БИОГРАФИЯ ЛЕ ХЫУ ЧАКА (1720–1791)

---

¹*Hải Thượng Lãn Ông / Lê Hữu Trác. Thượng kinh ký sự (Записки о путешествии в столицу) / Phan Võ dịch. — Т.Р. Hồ Chí Minh: Trẻ; Gia Lai: Nxb. Hồng Bàng, 2012; Thượng kinh ký sự = Relation d'un voyage a la capitale (Записки о путешествии в столицу) / Lan Ong; traduction et annotations par Nguyen Tran Huan. — Paris: Publications de l'École française d'ExtrêmeOrient. T. 87, 1972*

Ле Хыу Чака величают «вьетнамским Гиппократом». Его именем называют улицы во многих городах страны, а «Суждения об истоках врачевания Хайтхыонга» (*Hải Thượng Y Tông Tâm Lĩnh*, сокр. Тамлинь) до сих пор переиздаются и изучаются специалистами по восточной медицине. Ле Хыу Чак прославился не только как медик, но и как поэт. «“Основа стихов — в мыслях, — писал Ле Хыу Чак. — Если мысль глубока, то и стихи прекрасны”». ¹ Двадцать девять стихотворений, сочинённых им на досуге, включены в первый том «Тамлинья» и известны как «Сельские речения, составленные во время отдыха от врачебных трудов, демонстрирующие мои идеалы» (*Y Lý thân nhân lý ngôn phụ chí - И ли тхау нян ли нгон фу ти*). ² В наши дни лекари восточной медицины на пенсии, любители поэзии, собираются в созданном ими в Ханое клубе, где читают друг другу стихи собственного сочинения. ³

Когда авторы дальневосточного культурного региона в своих произведениях говорили о временах нестабильности и больших перемен, они употребляли выражение 沧海桑田 (*цанхай сантянь*) — «где было синее море, там ныне тутовые рощи». Эта фраза также бытовала с изменённым порядком слов — 桑田 沧海 (*сантянь цанхай*) — т.е. «где были тутовые рощи, теперь там синее море». Два иероглифа — «сан» и «цан» встречаются в названии прозаического сборника «Случайные записки о превратностях судьбы» («*Tang thương ngẫu lục*» — 桑沧偶錄 — *Танг тхыонг нгау люк*) известного вьетнамского литератора и учёного-энциклопедиста, современника Ле Хыу Чака, Фам Динь Хо (*Phạm Đình Hồ*, 1768–1839). Фам Динь Хо писал о современных ему событиях, потрясших всю страну, в связи с чем и вынес усечённый вариант упомянутого выражения в название

¹Никулин Н.И. Вьетнамская литература X-XIX вв. — С. 205

²См. *Hải Thượng Lãn Ông / Lê Hữu Trác. Hải Thượng Y Tông Tâm Lĩnh* (Суждения об истоках врачевания Хайтхыонга). — Тр. 44 — 66

³*Huu Ngoc. «Monsieur le Paresseux» Hải Thượng Lãn Ông, toujours actuel* («Ленивый старец» Хай Тхыонг Лан Онг современен всегда) // <http://lecourrier.vn/monsieur-le-paresseux-toujours-actuel/111550.html> (дата посл. обращения 29.04.2016)

сборника.¹ Ле Хыу Чак, как и Фам Динь Хо, также застал крестьянское восстание Тэйшонов (1771–1802). Однако столь мощному потрясению устоев общества предшествовали и другие, не менее драматичные события, которые повлияли на жизнь и мировоззрение многих людей того времени.

Вьетнаму пришлось неоднократно, на протяжении примерно тысячи лет, противостоять военному вторжению Китая. Периоды политической зависимости страны от Поднебесной в исторической литературе принято называть «*периодами Северной зависимости*». Последний период пришёлся на 1407–1427 гг. Владычеству Китая положил конец национальный герой Ле Лой, основатель династии Поздних Ле (1428–1788), известный под храмовым (т.е. посмертным) именем Ле Тхай-то (1428–1433). «Золотым веком» истории Вьетнама считается правление его внука Ле Тхань-тонга (1460–1497). Однако уже в начале XVI века проявились все признаки слабости правящего дома: знать проводила время в увеселениях, не заботясь о жизни народа. С 1511 года в стране вспыхивали разрозненные крестьянские восстания.² Слабеющая центральная власть искала поддержки у служилого сословия, и именно поэтому военные с самого основания династии Поздних Ле пользовались преимуществами при прохождении государственной службы и милостью двора.³ С XVI века крупнейшие военизированные феодальные группировки Мак, Нгуен и Чинь неоднократно, с переменным успехом, сталкивались в вооружённой борьбе за влияние на императора. С уходом в XVII веке с политической арены клана Мак противостояние группировок Чинь и Нгуен усилилось. Длительный военный конфликт (1627–1672) не смог разрешить разногласий между ними. В ходе мирных переговоров главы кланов разделили страну на сферы влияния по реке Зянь на Дангнгоай («внешняя сторона») на севере, где располагалась императорская столица Тханглонг, и Дангчонг («внутренняя сторона») к югу от

---

¹См. Кнорозова Е. Ю. Странствия в бесконечном: Вьетнамская традиционная проза малых форм / Е. Ю. Кнорозова; рук. проекта Н. В. Колпакова; отв. ред. В. П. Леонов; предисл. Т. И. Виноградовой. — СПб.: БАН; Альфарет, 2009. — С. 108–109

²См. История Вьетнама. — С. 193–194

³См. Федорин А. Л. К вопросу о государственном аппарате и системе власти в северном Вьетнаме в XV–XVIII вв./ сборник «Феномен восточного деспотизма. Структура управления и власти». — М., 1993. — С.362–380

реки. Главы кланов Чинь и Нгуен назывались *тьюа*. Клан Чинь закрепился на севере страны. Главы домов Чинь и Нгуен формально не претендовали на трон, хотя у них были собственные правительства. Императоры династии поздних Ле фактически превратились в марионеток *тьюа* Чинь.¹

Во Вьетнаме, как и в других странах дальневосточного культурного региона, император считался «сыном Неба». «Небо», высшая инстанция, даровало императору право владеть и управлять государством и подданными. Император, получивший «разрешение» Неба, считался обладателем «*небесного мандата*». Благодаря ему правитель мог быть проводником небесной благой энергии и распространять её на подданных. Император мог лишиться «*небесного мандата*» в результате совершения «неправильных» поступков. Например, если правитель привлекал на службу нерадивых чиновников, взяточников, а сам проводил время в увеселениях, не заботясь о благе государства и т.п. Смуты, голод, засуха и прочие природные и социальные катастрофы в стране объяснялись утратой правителем «*небесного мандата*». По этой же причине первые правители любой династии связывали своё восхождение на престол с обретением «*небесного мандата*», который последний правитель предыдущей династии вследствие несправедных деяний утратил. Поскольку император считался сыном Неба, то важнейшие культы отправлялись им лично. Во Вьетнаме важнейшим культом государственной значимости была церемония жертвоприношения Небу и Земле — *Намзяо*, в первый день весны (первый день первого месяца по лунному календарю). Отправление культа оставалось привилегией императоров династии поздних Ле. Даже когда в 1724 году император Ле Зу-тонг (1706–1729) остался во дворце по болезни, *тьюа* Чинь Кыонг (1709–1729) категорически отказался отправлять культ *Намзяо* вместо него.²

XVIII век — время многочисленных крестьянских бунтов. На подавление мятежников клан Чинь бросал все свои экономические и военные ресурсы. Правительственные войска не останавливались ни перед чем: доходило до того,

¹См. История Вьетнама. — С. 197

²*Đặng Phương Nghi*. Les institutions publiques du ViêtNam au XVIIIe siècle (Общественные институты во Вьетнаме в XVIII веке). — Paris: École française d'ExtrêmeOrient. Т. 64, 1969. — P. 44

что армия разрушала дамбы и топила поля и деревни бунтовавших крестьян.¹ Самое мощное и продолжительное восстание Тэйшонов (1771–1802), начавшееся в *Дангчонге*, вскоре охватило всю страну. Тэйшон — селение, родина трёх братьев, предводителей восстания: Нгуен Няка, Нгуен Лы и Нгуен Хюэ. Захватив весь *Дангчонг*, армия Тэйшонов дошла в 1786 году до Тханглонга и покончила тем самым с господством на севере клана Чинь.

В это непростое время родился и жил Ле Хыу Чак (*Lê Hữu Trác*), который также был известен как Ле Хыу Хуан (*Lê Hữu Huân*), Тхуан Тянь (*Thuần Chân*), Ле Хыу Тянь (*Lê Hữu Chân*). Просторечное имя — «Седьмой сын чиновника», псевдоним *Хай Тхыонг Лан Онг* (*Hải Thượng Lãn Ông* — «Ленивый старец из Хайтхыонга») или *Лан Онг* (*Lãn Ông* — «Ленивый старец»). Точный его год рождения не совсем ясен — в источниках встречаются разные даты. В них указаны либо 1720, либо 1724 год.² Официально годом рождения великого медика принято считать 1720 год — так, в 1970 году в театре города Хайфонг был поставлен исторический спектакль в восьми актах в рамках празднования 250-летия со дня рождения Ле Хыу Чака. Пьесу написал и поставил партийный функционер Лам Нгок (*Lam Ngọc*), шесть–семь поколений семьи которого занимались изготовлением лекарств согласно канонам восточной медицины.³

Ле Хыу Чак родился в двенадцатый день одиннадцатого месяца по лунному календарю в деревне Лиеуса провинции Хайзыонг (совр. пров. Хынгиен), ушёл из жизни пятнадцатого числа первого месяца по лунному календарю 1791 года на родине своей матери в деревне Баутхыонг уезда Хыонгшон провинции Нгеан (в совр. пров. Хатинь).

Ле Хыу Чак происходил из очень знатной и известной семьи. Его отец Ле Хыу Мыу (*Lê Hữu Mưu*, 1685–1739) служил Левым помощником главы Министерства общественных работ при императоре Ле Зу-тонге (1706–1729).

¹См. История Вьетнама. — С. 216

²См. *Nguyễn Văn Thang*. *Hải Thượng Lãn Ông và tác phẩm Lãn Ông Tâm Lĩnh* (Хай Тхыонг Лан Онг и труд Лан Онга Тамлинь). — Hà Nội, 1998. — Тр. 8; *Maurice M. Durand et Nguyen Tran Huan*. *Introduction à la littérature vietnamienne* (Введение во вьетнамскую литературу). — Collection Unesco d'introduction aux littératures orientales. — Paris: G. P. Maisonneuve et Larose, 1969. — P. 169

³*Đỗ Ngọc Thuận*. *Vở ca kịch lịch sử Hải Thượng Lãn Ông* (Исторический спектакль в честь Хай Тхыонг Лан Онга) // *Hội đồng y Việt Nam. Viện nghiên cứu đông y* (Медицинское сообщество Вьетнама. Институт изучения традиционной медицины). — Hà Nội, 1971. — Тр. 247

Дядя, родной брат отца Ле Хыу Чака, Ле Хыу Киеу (Lê Hữu Kiêu, 1691–1760) в разные годы возглавлял Министерство ритуалов, Министерство юстиции и Военное министерство.

О дяде Ле Хыу Чака, Ле Хыу Киеу (псевдоним *Тон Чай*) стоит упомянуть отдельно. В 1737 году он отправился с посольством в Китай и составил там «*Стихи в подражание нахмурившейся красавице,¹ сочинённые послом на Север*» (*Bắc sứ hiệu tân thi — 北使效顰诗, Бак ши хиеу тан тхи*).² История о Ле Хыу Киеу — «Господин Ле Хыу Киеу» упоминается в сборнике Фам Динь Хо «Случайные записки о превратностях судьбы». В сборнике, речь о котором пойдёт позже, собраны истории об известных деятелях вьетнамской истории и культуры. Упоминание дяди Ле Хыу Чака в «Случайных записках» подтверждает, что Ле Хыу Киеу в глазах современников был не только знатным сановником, но кем-то большим, чем просто чиновником:

«Господин Ле в молодости не терпел никаких ограничений, он обучался у господина лауреата тхамхоа по имени Ву Тхань, который высоко ценил его. Некогда Ле Хыу Киеу был последователем совершенномудрого человека Фам Виана. Как-то господин тхамхоа дал ему тему для литературных упражнений: “Перешёл на сторону княжества Чу, жители Чу не поверили. Перешёл на сторону княжества Хань, жители Хань испугались.”³ Куда бы в таком случае отправиться?» Совершенномудрый шутки ради написал сочинение, отдал Ле Хыу Киеу, попросив отнести проверить. Господин тхамхоа удивился и сказал: “Это написал находящийся среди обычных людей небожитель”. Он приказал пригласить его, но Фам Виен отказался и не пришёл. Господин Ле следовал за совершенномудрым несколько месяцев, потом тот посоветовал ему вернуться.

¹«Подражание нахмурившейся красавице» — отсылка к притче из «Чжуан-цзы», философского трактата древнекитайского философа Чжуан-цзы (IV-III вв. до н.э.): «В старину красавица Сиши из-за болей в сердце была печальна. Увидала её некая Уродина и, вернувшись домой, тоже стала хвататься за сердце и охать на виду у всех. Однако богачи, завидев её, бросались запира́ть ворота, а бедняки, повстречав её, убегали прочь вместе с домочадцами. Уродина понимала только, что быть печальной красиво, но не понимала, почему это так». Чжуан-цзы. Ле-цзы / Пер. с кит., вступ. ст. и примеч. В. В. Малявина. — М.: Мысль, 1995. — С. 149

²Gasparone E. Bibliographie annamite (Аннамитская библиография). — Hanoi: Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient. T. 34, 1934. — P. 119

³Воюющие друг с другом княжества древнего Китая. Т.е. больше идти некуда [прим. Кнорозовой Е. Ю.]

После того, как преуспел на экзаменах, Ле Хыу Киеу оставался душевно чистым человеком, ни перед кем не заискивал. Особенно он ненавидел буддистов и их учение. Когда господин был с посольством в Китае, он зашёл в пагоду и, проходя по коридору, заметил золотую табличку с надписью: “Ле Хыу Киеу — бодисатва”. Внезапно просветлился, стал странствовать, и сердцем проник в закон. Он вышел в отставку, открыл буддийскую школу, стал давать наставления. Там постоянно обучались несколько сотен человек, среди них было много людей, известных в среде почитателей учения тхиен.¹ Те, кого Минь-выонг и Тинь-выонг сделали настоятелями монастырей, все они относились к последователям Ле Хыу Киеу».²

Знаменитый вьетнамский учёный-энциклопедист, историк и литератор Ле Куи Дон (Lê Quý Đôn, 1726–1784) в сочинении «Краткие записи об увиденном и услышанном» (Kiến Văn Tiểu Lục — *киен ван тиеу люк*) сохранил предисловие Ле Хыу Киеу к собранию стихов поэта XVIII в. Май Хо в качестве образца изящной прозы. Предисловие автор озаглавил как «Не вполне удачное». В нём он пишет о себе: «Я совсем не утончённый стихотворец: в молодости [в сочинении стихов] был неуклюжим и неискусным, вырос я и, к своему счастью, преуспел на экзаменах; потом погрузился в деловые, служебные бумаги, перестал совершенствоваться в литературных занятиях; но каждый раз, читая стихи своих друзей, встречая исполненные новизны и переливающегося смысла строки, отбивал я ритм и, наслаждаясь, напевал их».³ Ле Хыу Киеу был известен как тонкий ценитель и знаток поэзии. В «Предисловии» дядя Ле Хыу Чака определяет суть поэзии, пишет о качествах, необходимых любому поэту.

Сам Ле Куи Дон тоже в какой-то мере приходился родственником Ле Хыу Чаку — историк взял в жёны дочь Ле Хыу Киеу, двоюродную сестру Ле Хыу Чака.⁴

---

¹Тхиен (кит. чань, яп. дзен, кор. сон, санскр. дхьяна — медитация) — ведущее направление вьетнамского буддизма

²Кнорозова Е. Ю. Странствия в бесконечном: Вьетнамская традиционная проза малых форм. — С. 242–243

³Восточная поэтика: Тексты. Исследования. Комментарии. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. — С. 321–322

⁴См. Nguyễn Văn Thang. Hải Thượng Lãn Ông và tác phẩm Lãn Ông Tâm Lĩnh (Хай Тхыонг Лан Онг и труд Лан Онга Тамлинь). — Тг. 10

Мать Ле Хыу Чака Буй Тхи Тхыонг (Vùi Thị Thượng) происходила, как и её супруг, из знатной семьи. Отец её, дед Ле Хыу Чака, занимал высокую должность в армии, прекрасно разбирался в медицине.¹ Буй Тхи Тхыонг была второй женой Ле Хыу Мыу — всего у него их было три. Мать Ле Хыу Чака родила Ле Хыу Мыу шестерых детей: двух девочек и четверых мальчиков. Ле Хыу Чак был у неё пятым ребёнком, а среди всех детей отца — одиннадцатым, предпоследним. Но поскольку он был седьмым по счёту сыном, то его звали *Tueu бай* (Chiêu bảy — «Седьмой сын знатного чиновника»)² Продолжая семейную традицию, Ле Хыу Чак также держал конкурсные экзамены на чиновничью должность. Экзамены состояли из трёх ступеней, при успешной сдаче на каждом из этапов присуждалась учёная степень. До экзаменов высшего уровня — дворцовых, допускались только самые лучшие. Ле Хыу Чаку довелось учиться в столице и даже там жить. Однако в 1739 году умер его отец, и молодой человек, бросив учёбу, вернулся в родную провинцию Хайзыонг. Однако и там было беспокойно — в *Данггоае* крестьянские восстания вспыхивали одно за другим. Засухи, эпидемии, наводнения привели к голоду, который принял особо острые формы в 1741 году.³ Молодой Ле Хыу Чак нашёл убежище у некоего старца из семьи Ву, который научил его гаданиям.⁴

Через какое-то время Ле Хыу Чак отправился в столицу на военную службу к клану Чинь. Он прекрасно разбирался в тактике ведения боя — этим он заслужил уважение и доверие *тюа*, которым нужны были талантливые молодые люди в столь мятежное время. Но Ле Хыу Чак не мог больше участвовать в междоусобных войнах и искал повод бросить службу. Однажды он, будучи ещё в армии, серьёзно заболел. В 1749 году в провинции Нгеан Ле Хыу Чак нашёл лекаря традиционной восточной медицины по имени Чан Док. Ле Хыу Чак провёл у него больше года. Чан Док обучил его основам медицины. Там же Ле Хыу Чак

---

¹Thuong kinh ky-su = Relation d'un voyage a la capitale (Записки о путешествии в столицу). — P. XXI

²См. *Nguyễn Văn Thang. Hải Thượng Lãn Ông và tác phẩm Lãn Ông Tâm Lĩnh* (Хай Тхыонг Лан Онг и труд Лан Онга Тамлинь). — Tr. 10

³См. История Вьетнама. — С. 214

⁴Thuong kinh ky-su = Relation d'un voyage a la capitale (Записки о путешествии в столицу). — P. XXI

ознакомился с трудом китайского медика Фэн Чжао Чжана (вьетн. Phùng Triệu Trương — *Фунг Чиеу Чыонг*) «Ценные советы семьи Фэн» (вьетн. Phùng Thị Cẩm Nang, кит. 馮氏錦囊 — *фэн ши цзинь нан*). Вскоре повод бросить службу нашёлся — умер пятый брат Ле Хыу Чака, живший на родине их матери в деревне Баутхыонг уезда Хыонгшон. Ле Хыу Чак уехал туда ухаживать за матерью, где и жил до самой своей смерти. В 1750 году военные силы клана Чинь отправились в провинцию Нгеан на подавление восстания под предводительством Нгуен Хыу Кау (1741–1751). Ле Хыу Чаку приказали присоединиться к армии, обещая щедрое вознаграждение. Однако Ле Хыу Чак отказался, ссылаясь на необходимость поддерживать пожилую мать.¹ Таким образом, престижная карьера в армии *тюа* Чинь у Ле Хыу Чака так и не сложилась. Вместо этого он изучал медицину, живя на родине матери. Там Ле Хыу Чак и взял себе псевдоним *Хай Тхыонг Лан Онг* («Ленивый старец из Хайтхыонга») или *Лан Онг* («Ленивый старец»). *Хай* — первый иероглиф названия родной провинции *Хайзыонг*, *Тхыонг* — второй иероглиф названия деревни его матери *Баутхыонг*. Лукавой ссылкой на «лень» Лан Онг прикрывал своё нежелание служить трону.²

В 1754 году Ле Хыу Чак совершил поездку в столицу за медицинскими трактатами и другими полезными ему материалами. В Баутхыонге Ле Хыу Чак приступил к созданию «Суждений об истоках врачевания Хайтхыонга» («*Тамлия*»). В 1760 году скончалась его мать. В том же году Ле Хыу Чак открыл для желающих изучать восточную медицину школу. Слава о талантливом медике дошла даже до Тханглонга (расстояние от Баутхыонга до нынешнего Ханоя около 300 км). В 1782 году пожилому Ле Хыу Чаку пришлось отправиться в столицу по приказу главы клана Чинь, *тюа* Чинь Шама (Trịnh Sâm, годы правления 1767–1782). Ослушаться медик не смел, но и ехать не хотел:

«В двенадцатый день того месяца [т.е. первого месяца по лунному календарю — *Ц.К.*] **ко мне явились двое посыльных с письмом от чиновника-**

¹ Thân thế và sự nghiệp. y học của Hải Thượng Lãn Ông (Жизнь и врачебная деятельность Хай Тхыонг Лан Онга). — Hà Nội, 1966.— Тр. 17

² См. Новая история Вьетнама. — М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1980. — С. 629

тхычана.¹ Не подозревая даже, по какому делу я мог понадобиться столь высокопоставленному лицу, распечатал конверт, в котором обнаружил два листа. Первый был копией Высочайшего указа [т.е. тюа Чинь Шама — Ц.К.]... Другой листок содержал послание от самого чиновника-тхычана... [Я] сел за ответ чиновнику-тхычану, давнему знакомому: писал я, что по старости и слабости своей не смогу проделать такой путь из провинции до столицы, потому и просил его предоставить официальное разрешение, освобождающее меня от изнурительной обязанности ехать в Тханглонг. Ответ пришёл на следующий день: “Провинциальное начальство уже отправило за Вами лодку. Срочно выезжайте. За промедление Вы можете быть наказаны”».²

Возможно, что на месте Ле Хыу Чака другой человек, удостоившись такой чести — быть приглашённым в столицу самим главой клана Чинь, обрадовался бы. Но медик так не считал:

«Однажды кто-то, пытаясь меня утешить, сказал: “Вы получили прекрасное образование, Ваши познания в медицине глубоки и обширны, Вы сами человек выдающихся талантов. Раз уж не получилось стать знаменитым полководцем, то почему бы тогда не прославиться как величайший медик? Скрыть блики и похоронить свет — это действительно благородно.³ Однако же слава о Вас дошла до самих Восточных палат — не это ли знак высочайшей милости и благодати?” На это я удручённо ответил: “Вот взгляните на то дерево — на нём растут прекрасные цветы. И что же? Их срывают. А что

¹Чиновник-тхычан — чиновник, временно исполняющий обязанности главы провинции

²См. *Hải Thượng Lân Ông / Lê Hữu Trác*. Thượng kinh ký sự (Записки о путешествии в столицу). — Тр. 13–17

³Т.е. человек выдающихся талантов и глубоких познаний, избегающий мирской славы и почестей, поступает благородно и правильно, как и подобает истинному мудрецу-отшельнику. Знаменитый китайский историк Сыма Цянь (II-I вв. до н.э.) в «Исторических записках» («Шицзи») писал: «Я, тайшигун [Сыма Цянь о себе — Ц. К.], скажу так. Когда женщина, красавица она или уродина, появляется в [хоу]зуне, она вызывает зависть; когда чиновник, мудрый он или бесталанный, попадает ко двору, к нему относятся с предубеждением. Потому-то и Бянь Цяо, при всем его [врачебном] искусстве, навлек на себя несчастье, а Цан-гун, замечая следы, скрывался, и его должны были подвергнуть [телесному] наказанию... Поэтому Лао-цзы и говорил: “Прекрасное [в человеке] и [его] таланты — это свойства, предвещающие несчастье”». По мнению комментаторов, цитата в данном отрывке «Исторических записок», приписываемая Лао-цзы, о талантах в человеке — парафраз начала 31 *чжана* «Даодэцина»: «Оружие недоброго знамения вестник. Поэтому все существа оружие и брань всем сердцем ненавидят. Поэтому тот муж, что Дао обладает, его не применяет никогда». См. *Сыма Цянь*. Исторические записки: Ши цзи. [В 9 т.]. Т.8 / Пер. с кит. Р. В. Вяткина и А. М. Карапетьянца, коммент. Р. В. Вяткина и А. М. Карапетьянца, вступ. ст. Р. В. Вяткина. — М.: Вост. лит., 2002. — (Памятники письменности Востока: Осн. В 1965 г.; XXXII, 8). — С. 273, С. 429; *Торчинов Е. А.* Даосизм. «Дао-Дэ цзин». — 2-е изд. / Пер. Е. А. Торчинова. — СПб.: «Азбука-классика»; «Петербургское Востоковедение», 2004. — С. 222

тогда происходит с людьми, которые пользуются брэнной мирской славой? Они чахнут. Так что может быть приятнее бегства от подобной славы?»¹

Малолетний наследник клана Чинь Кан (Trịnh Cán, годы жизни 1777–1782), сын любимой наложницы Чинь Шама — Данг Тхи Хюэ (Đặng Thị Huệ), был серьёзно болен. Старания придворных медиков ни к чему не привели. На Чинь Шама огромное влияние оказывали мать Чинь Кана и сановник-*тяньдыонг* (условно говоря — премьер-министр) Хоанг Динь Бао (Hoàng Đình Bảo). От них во многом зависела политика правительства. Чинь Кхай (Trịnh Khải, годы жизни 1763–1786), старший сын главной жены, имел все законные права на престол. Однако Чинь Шам в обход старшему сыну наследником сделал Чинь Кана. Это вызвало недовольство в определённых придворных кругах. Ле Хыу Чак, можно предположить, понимал, что мог оказаться в центре интриг при дворе *тюа* Чинь. Не кто иной, как Хоанг Динь Бао посоветовал Чинь Шаму Ле Хыу Чака:

«Я помнил сановника-тяньдыонга: около четырёх-пяти лет тому назад он занимал высокую должность в провинции Нгеан, и мне пару раз доводилось его лечить. Сановник был очень гостеприимен и обходился со мной как с самым дорогим гостем: щедро поил и кормил, даже усадил рядом со своей циновкой. После блестящей победы в морском сражении сей господин получил нынешнее назначение — при дворе он пользовался бесконечным доверием правителя. Узнав о таком возвышении, я долго не мог успокоиться, не раз повторяя ученикам: “Рано или поздно и мне придётся уехать в Тханглонг и забыть в городской суете и блеске столичной жизни о счастливых безмятежных временах, предав память о родных краях!”²

Ночью семнадцатого числа первого месяца по лунному календарю 1782 года Ле Хыу Чак тронулся в путь. Ночью первого числа второго месяца по лунному календарю он прибыл в Тханглонг. Ранним утром того же дня Ле Хыу Чака вызвали ко двору правительства клана Чинь осмотреть наследника. Медик выписал мальчику рецепт и передал его сановнику-*тяньдыонгу*. Долгое время Ле

---

¹*Hải Thượng Lãn Ông / Lê Hữu Trác. Thượng kinh ký sự (Записки о путешествии в столицу).— Тр. 16*

²*Ibid.— Тр. 15*

Хыу Чак не знал ничего о результатах лечения по выписанному им лекарству, однако покидать столицу ему было строжайше запрещено. Как выяснилось позже, придворные медики отговорили главу клана давать наследнику рекомендованные Ле Хыу Чаком средства. Чинь Шам последовал их совету, однако медика он не отпускал.

Болезнь Чинь Кана усугублялась, а Ле Хыу Чака допустили к наследнику практически в последний момент. Выписанное медиком лекарство немного улучшило состояние больного, однако болезнь была слишком запущена. Сам Чинь Шам неожиданно скончался в девятом месяце по лунному календарю. Наследником клана Чинь официально провозгласили малолетнего Чинь Кана. Ле Хыу Чака отпустили на родину — двенадцатого числа десятого месяца по лунному календарю он покинул столицу, а *«второго числа одиннадцатого месяца по лунному календарю я вернулся в родные горы и увидел жену и детей»*.¹

В Тханглонге Ле Хыу Чак надеялся опубликовать *«Тамлинь»*, но воплотить свой замысел ему не удалось. *Полностью «Суждения об истоках врачевания Хайтхыонга»* с внесёнными в труд дополнениями Ле Хыу Чака по возвращении из столицы (например, *«Записки о путешествии в столицу»* были включены медиком в состав *«Тамлиня»* в 1783 году) были опубликованы в 1885 году.

Чинь Кан после смерти отца правил при регентстве своей матери и Хоанг Динь Бао недолго — около двух месяцев. Старая болезнь дала о себе знать, и он скончался. После смерти Чинь Кана Хоанг Динь Бао убили, *«стацив его крючьями со спины слона»*,² а Данг Тхи Хюэ покончила с собой. Клан Чинь возглавил Чинь Кхай (1782–1786), сын старшей жены Чинь Шама. Ле Хыу Чак так написал об этом в своём дневнике: *«Через несколько дней [после приезда домой — Ц.К.] до меня дошли вести о смерти сановника-тяньдыонга и всей его семьи. Я опечалился»*.³

---

¹*Hài Thượng Lân Ông / Lê Hữu Trác. Thượng kinh ký sự (Записки о путешествии в столицу). — Тг. 198*

²См. *Нгуен Ван Хоан. Столетие народных восстаний и развитие национальных художественных традиций во Вьетнаме XVIII – начала XIX в. // Традиционное и новое в литературах Юго-Восточной Азии. — М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1982. — С. 99*

³*Hài Thượng Lân Ông / Lê Hữu Trác. Thượng kinh ký sự (Записки о путешествии в столицу).— Тг. 199*

Ле Хью Чак, вернувшись в конце 1782 года в Баутхьонг, больше дома не покидал — там он жил и работал до конца своих дней, до 1791 года.

ГЛАВА II. «ЗАПИСКИ О ПУТЕШЕСТВИИ В СТОЛИЦУ» КАК ЧАСТЬ «СУЖДЕНИЙ ОБ ИСТОКАХ ВРАЧЕВАНИЯ ХАЙТХЫОНГА»

«Записки о путешествии в столицу» являются отдельным томом «Суждений об истоках врачевания Хайтхыонга».¹ Поскольку Ле Хыу Чак практически всю жизнь (с конца 1740-ых–1791) посвятил медицине, то представляется уместным рассматривать его дневник не только как самостоятельное произведение, имеющее культурную и литературную ценность, но и в контексте монументальных «Суждений».

В «Записках о путешествии в столицу» Ле Хыу Чак фиксирует «*виденное, слышанное, прочувствованное*». «Записки» не похожи на дневник профессионального медика, который подробно описывает симптомы болезни, методы её лечения и пр. В них автор предстаёт больше как образованный и рефлексирующий представитель интеллигенции своего времени. Однако в них встречаются характерные для традиционной восточной медицины понятия, которые неподготовленному читателю понять достаточно сложно. Цель данной главы — дать общее представление о традиционной вьетнамской медицине и некоторых врачебных методах, которые встречаются на страницах «Записок».

Вьетнамская культура испытала огромное влияние китайской цивилизации в разных сферах. Во многом это связано с китайскими завоеваниями (периоды *Северной зависимости*). Во времена Северной зависимости в рамках реализации политики культурной ассимиляции лучшие умы Вьетнама отправлялись в Китай — на службу или учёбу. Это способствовало проникновению и распространению идей и свойственных китайской культуре явлений во Вьетнаме: «...вьетнамские правители — вассалы Поднебесной, регулярно отправляли туда послов. Их миссия (*раскрыв глаза и уши* — т. е. внимательно. — Ц.К.) заключалась в

---

¹Труд Ле Хыу Чака «Суждения об истоках врачевания Хайтхыонга» рассматривался отечественной исследовательницей О.Л. Калмыковой. См. *Калмыкова О.Л.* Врачевание во Вьетнаме: традиции и современность: Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата медицинских наук. — М., 1993.— с. 16

изучении достижений китайской науки, которые могли бы пригодиться и на родине...».¹

В традиционной медицине Вьетнама выделяют два направления: собственная «южная медицина» *тхуокнам* (thuốc nam) и китайско-вьетнамская «северная медицина» *тхуокбак* (thuốc bắc). Тропический климат, богатые флора и фауна способствовали развитию собственной медицинской традиции. Считается, что первое упоминание средства элементарной гигиены содержится в легенде о возникновении бетеля во времена правления Хунга-вьонга Четвёртого (2252–1913 до н. э.).² Как и у многих народов Юго-Восточной Азии у вьетнамцев был обычай покрывать зубы чёрным лаком, что предотвращало преждевременное разрушение и гниение зубов. В Китай из Вьетнама уже до нашей эры ввозили такие растения, как *бусенник обыкновенный*, *бородач*, *алойное дерево*.³ Вьетнамские целители применяли при лечении несколько сот лекарственных растений (*алоэ*, *корица*, *сандал*, *иньям* и т.д.), вещества минерального и животного происхождения

¹См. Vietnamese traditional medicine (Традиционная вьетнамская медицина) / [Trần Đoàn Lâm]. — Hà Nội: Thế giới, 1999. — Р. 8

²«Во времена Хунг-вьонга Четвёртого жил знатный человек очень высокого роста... У него родились два сына, старшего назвали Тан, младшего — Ланг. Наставником у них был даос из рода Лыу. В семье Лыу росла девушка. Когда ей исполнилось семнадцать или восемнадцать лет... ей приглянулись юноши, приходившие к своему учителю, но кто из них старший, девушка не знала. Тогда красавица придумала такую уловку: она наготовила разных кушаний и пригласила обоих угоститься, но палочки для еды подала одни. Конечно, младший уступил их старшему. Узнав, что Тан старший брат, девушка попросила родителей выдать её за него замуж. Вскоре сыграли свадьбу. Молодые души друг в друге не чаяли. А Ланг загрустил. Он затаил в сердце обиду, ведь Тан все свободное время проводил с женой, да и обращался с ним не так ласково, как раньше. Наконец он не выдержал и ушёл из дома. Долго блуждал юноша и вот вышел к какой-то деревушке. Дорогу ему преградила река — как тут переправиться? Сел он и залился слезами. Долго плакал Ланг, потом умер и превратился в дерево. Заметив отсутствие младшего брата, Тан забеспокоился и отправился его разыскивать. Так уж случилось, что пошёл он той же дорогой. Дойдя до места, где не стало Ланга, бросился он на землю возле корней дерева и лишил себя жизни. После смерти стал он каменной глыбой. Жена, удивлённая, что Тан покинул её и долго не возвращается, стала его искать. Поняв, что муж умер, она упала на землю, обняла камень и умерла, став лианой, обвинившей вокруг глыбы. Листья этого растения отличались приятным ароматом и резковатым привкусом. Сюда же в поисках дочери добрались и родители женщины. Узнав, что случилось, они горько заплакали, а после воздвигли храм и стали приносить жертвы. Проходившие мимо люди тоже заходили в него, возлагали дары, курили благовония, считая нежную дружбу братьев и супружескую верность достойными поклонения. Как-то в седьмой-восьмой луне мимо проезжал государь Хунг. Солнце нещадно палило, и он решил здесь отдохнуть. Правитель наслаждался тенью и прохладой, стоя перед храмом на камне и любуясь листьями лианы, обвинившей всё вокруг. Услыхав о случившейся здесь некогда истории, он приказал сорвать плод дерева (это был арек), взял лист лианы и стал их жевать. Затем государь сплюнул на камень, тот сразу покраснел в этом месте. Обнаружив, что смесь приятна на вкус, Хунг вьонг приказал взять с собой изрядный запас плодов и листьев и вернулся во дворец. Государь велел также обжечь камень, получилась известь. Он смешал ее с плодом дерева и листом лианы и пожевал, при этом губы правителя окрасились в красный цвет. Вкус ему понравился, и он послал гонцов рассказать повсюду о чудесном кушанье. Именно с того времени берет начало обычай жевать бетель — так называлась лиана, потом этим словом стали именовать и всю эту смесь. С тех пор к свадьбам, к большим и малым торжествам люди прежде всего готовили запасы бетеля». См. *Кнорозова Е. Ю.* Мифы и предания Вьетнама. — СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2000. — С. 95–97

³См. Vietnamese traditional medicine (Традиционная вьетнамская медицина). — Р. 2

(жемчуг, бивни слонов и носорогов, перья зимородков).¹ Лекарства направления *тхуокбак* были дороги. Обычные люди использовали средства направления *тхуокнам*, «оформителем» которого считается живший в XIV веке буддийский монах Туэ Тинь (Tuệ Tĩnh). Он является автором двух медицинских трактатов: «Чудодейственные лекарства Юга» (Nam dược thần hiệu — *Нам зыок тхан хиеу*) и «Тринадцать принципов врачевания» (Thập tam phương gia — *Тхан там фьонг за*). В «Чудодейственных лекарствах Юга» Туэ Тинь описал 499 лекарственных растений — 82 из них не имели китайских аналогов. Основные идеи Туэ Тиня — в «Тринадцати принципах врачевания»: «Будучи учеником древних мудрецов (*т.е. китайцев*), уважай их учение, / Однако используй лекарственные средства Юга, когда лечишь людей Юга (*т.е. вьетнамцев*)».²

Наибольший вклад в развитие традиций *тхуокнам* внёс Ле Хыу Чак. Он дополнил труд Туэ Тиня новыми описаниями лекарственных средств. В отличие от своих предшественников и современников, Ле Хыу Чак вёл не только записи историй болезней, но и наблюдал за погодными изменениями, которые, как считал медик, влияли на здоровье людей и были также связаны со вспышками эпидемий. Ле Хыу Чак учитывал влияние климатического фактора на состояние людей.³ Для предотвращения болезней он советовал соблюдать следующие правила: сохранять душевное спокойствие, не гнаться за славой и богатством; рано ложиться и рано вставать; придерживаться умеренности во всём (в пище, в половой жизни, избегать употребления алкоголя и табака), не переутомляться и пр. Ле Хыу Чак видел связь между распространением болезней и социальными катаклизмами, такими как голод, нищета и пр. Он считал, что благородный муж⁴ должен всегда, даже не будучи чиновником и отойдя от государственных дел, в меру своих

---

¹Калмыкова О.Л. Врачевание во Вьетнаме: традиции и современность. — С.6

²Vietnamese traditional medicine (Традиционная вьетнамская медицина). — Р. 15

³Thân thể và sự nghiệp. y học của Hải Thượng Lãn Ông (Жизнь и врачебная деятельность Хай Тхьонг Лан Онга). — Тг. 19

⁴Благородный муж (*цзюньцзы*) — идеал личности в конфуцианстве. *Цзюньцзы* должен быть прямодушным, бесстрастным, пронизательным, осмотрительным в речах и осторожным в делах. Относясь безразлично к богатству, жизненным удобствам и материальным выгодам, благородный муж посвящал всего себя высоким идеям, служению людям, поискам истины. Он должен обладать следующими добродетелями: человеколюбием (*жэнь*), долгом (*и*), нормами поведения (*ли*), знанием (*чжи*), верностью (*синь*), сыновней почтительностью (*сяо*)

возможностей помогать людям. Медик, как утверждал Ле Хыу Чак, должен одинаково внимательно относиться ко всем больным, вне зависимости от их социального и материального положения: «...Даже если пациент — проститутка, мы всё равно должны отнестись к ней внимательно и с почтением, как и к женщине из хорошей семьи».¹

Влияние китайской цивилизации на вьетнамскую культуру проявляется и в общей мировоззренческой системе. Основополагающими понятиями не только китайской философии, но и медицины являлись понятие *у-син* (五行, вьетн. ngũ hành — *нгу хань*), дуализм инь—ян (阴阳, вьетн. Âm dương — *ам зьонг*), энергия *ци* (气, вьетн. khí — *кхи*). Согласно традиционным представлениям, человек — часть Космоса. Законы, которым подчинялись все процессы в природе, действовали также на человека, а его организм представлялся уменьшенной копией космоса. Набор первопринципов (*у-син*, *инь—ян*) представлял собой сложную систему взаимозависимых составляющих. В концепцию *у-син* вписывались пять стихий (*дерево, огонь, земля, металл, вода*), каждой из которых соответствовали пять цветов (*зелёный, красный, жёлтый, белый, чёрный*), пять частей света (*север, юг, запад, восток и центр*), пять вкусов (*кислый, горький, сладкий, острый, солёный*) и т.д. Внутренние органы делились на две группы по принципу *инь* и *ян*, а каждый из органов одновременно соответствовал одному из элементов пятичленной модели (*у-син*). Дуализм «*инь—ян*»² — основополагающий концепт всей китайской культуры: происхождение мира,³

---

¹Vietnamese traditional medicine (Традиционная вьетнамская медицина). — Р. 19

²«Все древнейшие народы Евразии при формировании своих наиболее ранних онтологических представлений черпали из единого источника. Видимо, раньше всего теоретическое осмысление символики и разработка дуалистической концепции произошли на Ближнем Востоке. Значительно позже все это появилось в Китае — не случайно отдельные авторы пытаются сблизить санскритское “*тео*” и “*дью*” (“*бог*”, “*небо*”) с “*тянь*” и “*дао*”, бывшими, как известно, основными религиозно-философскими категориями в древнем Китае...Наиболее обстоятельно эта теория заимствования идей разработана швейцарским исследователем Г. Золлингером, который из шумерско-аккадской дуалистической концепции (активное и пассивное начало, *рам* и *рем*) путем весьма сложных аналогий и ассоциаций выводит истоки древнекитайской дуалистической концепции инь—ян». См. *Васильев Л.С.* Культы, религии, традиции в Китае. 2-е изд. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. — С. 79 *Инь* и *ян* были созданы в результате образования из первобытного хаоса мира: «Дао породило Одно. Одно породило Два. Два породили Три. Три породили десять тысяч существ. Десять тысяч существ носят на спине *инь* и обнимают *ян*». См. *Элиаде М.* История веры и религиозных идей. В 3 т. / Т. 2: От Гаутамы Будды до триумфа христианства. Перев. с фр. — М., Критерион, 2002. — С. 24

отношения между людьми, между правителем и подданными, гадательная практика, медицина — вот одни из немногих «затрагиваемых» этой парой сфер.

Первоначальное значение иероглифов *инь* и *ян* — теневой (северный) и солнечный (южный) склоны горы. В литературе принято объяснять взаимодействие *инь* и *ян* как соединение двух взаимодополняющих и взаимопереходящих первоначал — светлого мужского *ян* (символа юга, света, жизни, неба, солнца, нечётных чисел) и тёмного женского *инь* (символа севера, тьмы, смерти, земли, луны, чётных чисел и пр.). Их не рассматривали по отдельности, *инь* и *ян* являлись целостным образом: «Для обыденного сознания всё это [т.е. *инь* и *ян* — *Ц.К.*] вместе и неразделимо, и никто не рассматривает их в одном проявлении, исключая другие... Категория пола обнаруживает свою действенность, когда речь заходит об упорядочении людских объединений. Она выступает принципом общей классификации. С этого мгновения совокупность противоположных явлений распадается на две противостоящие группы с мужской или женской природой. Они [т. е. китайцы — *Ц.К.*] не отделяют Инь и Ян от социальной действительности, ибо те вносят в неё ритмический порядок... принцип [т. е. *инь* и *ян* — *Ц.К.*] всегда оставался неизменен. Его применение всегда предполагало анализ *целостности*, воспринимаемой как нечто более или менее сложное, и всегда данный анализ исходил из образа».¹

Внутренние органы человека традиционно делились на две группы: на пять «пустотных» органов *инь* (печень, сердце, селезёнка, лёгкие, почки) и шесть «плотных» органов *ян* (желчный пузырь, тонкая кишка, толстая кишка, желудок, мочевой пузырь, «тройной обогреватель»)² Каждый из этих органов (кроме «тройного обогревателя») соотносился с одним из элементов *у-син*. Например, *дереву* соответствовали *зелёный* цвет, *кислый* вкус, *печень*. Каждый внутренний

---

¹См. Гране М. Китайская мысль от Конфуция и Ляоцзы / Марсель Гране. /пер. с фр. В. Б. Иорданского/. — М.: Алгоритм, 2008. — С. 101–102

²Аналога «тройному обогревателю» в европейской медицине нет. В.В. Малявин в «Китайской цивилизации» отмечает, что в китайской медицине (в Китае на протяжении столетий вскрытие трупов было под запретом) существует символическая топография тела, состоящая из «энергетических», неразличимых на материальном уровне органов. Таким образом, понятие «орган тела» имеет весьма отдалённую связь с анатомией. См. Малявин В.В. Китайская цивилизация.— М.:«Издательство Апрель», ООО «Изд-во АСТ», Издательско-продюсерский центр «Дизайн. Информация.Картография», 2000. — С. 346

орган имел и внешние проявления. Печень, например, «проявляется на ногтях и открывается в глаза».¹

В теле человека по энергетическим каналам циркулирует *ци* (*кхи*). *Ци* — особая энергия, поступающая в организм разными способами. «Главная, грудная» *ци* образуется при соединении поступающих извне *ци* воздуха и *ци* пищи. «Питательная» *ци* и «защитная» *ци* образуются из *ци* пищи. «Врождённая, изначальная» *ци* передаётся человеку родителями при рождении».² Нарушение правильного потока *ци* считалось причиной болезней.

Диагностика болезней состояла из четырёх основных этапов: *осмотра*, *выслушивания*, *опроса*, *ощупывания*. Во время *осмотра* медик оценивал состояние глаз, носа, ушей, рта, языка, кожи, а также принимал во внимание особенности фигуры больного, реакции, выражение лица. Во время *выслушивания* обращали внимание на такие характеристики голоса, как громкость, тональность, дыхание; наличие стонов, кашля, икоты, отрыжки и пр. Также во время *выслушивания* учитывали запах, идущий от тела пациента, изо рта, выделений. *Опрос* состоял из уточнения таких деталей, как образ жизни пациента, пищевые привычки, время возникновения болезни и пр. *Ощупывание* заключалось в пальпации поверхности тела и пульсовой диагностике. При пальпации определялись физические изменения в мышцах и мягких частях тела, в органах брюшной полости, исследовались температура отдельных частей тела, определялась влажность или сухость кожи.³

Пульсовая диагностика играла большую роль при определении болезни. Внутренние органы были связаны с соответствующими энергетическими каналами, и благодаря пульсовой диагностике медик определял «проблемные» зоны, где нарушалась нормальная циркуляция энергии. Пульсы классифицировались по различным признакам. Ле Хыу Чак описал двадцать восемь видов пульса. Восемь из них он делил на следующие парные группы: *частый* — *редкий*; *поверхностный* — *глубокий*; *гладкий* — *шероховатый*; *мягкий*

¹См. *Малявин В.В.* Китайская цивилизация. — С. 346

²См. *Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Т.5: Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование.* — С. 406

³См. Там же. — С. 413—414

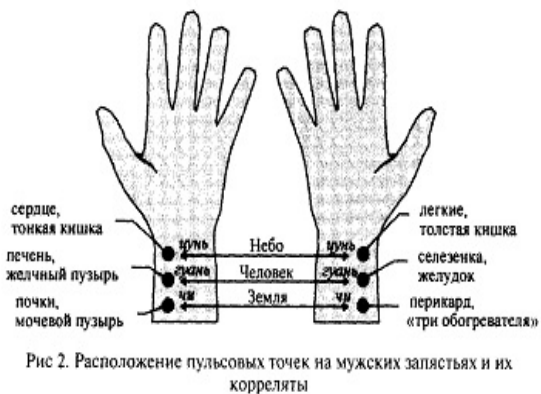

Рис 2. Расположение пульсовых точек на мужских запястьях и их корреляты

Рис. 1. См. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Т.5. — С. 414

возможны комбинации этих пульсов».²

Самым популярным методом диагностики пульса было прослушивание пульса по трём точкам: средний палец накладывается на точку *гуань*, указательный — на точку *цунь*, безымянный — на точку *чи* (См. рис. 1). «Надавливая на точки, выясняют глубину, частоту, ритмичность, силу и форму пульсовой волны, затем, сравнивая пульс в разных точках и при разной степени надавливания (лёгкой, средней и сильной), определяют общий пульс по трём точкам на правой и левой руке».³

Краткий обзор традиционной медицины был представлен известным литератором Фам Динь Хо в эссе «Китайская [т.е. традиционная. — Ц.К.] медицина» (*Y học Trung Hoa — И хок Чунг хоа*), в сборнике авторских заметок и коротких рассказов «Записи вслед за кистью, сделанные во время дождя» (*Vũ trung tùy bút — Ву чунг туй бут*), посвящённых отдельным явлениям вьетнамской

маленький — большой твёрдый.¹ Часто использовались двенадцать основных видов: «поверхностный, глубокий, редкий, частый, недостаточный, избыточный, струнный (очень сильный и напряжённый), свободный, нитевидный, резкий, “узловатый”, перемежающийся. У больного

¹См. Калмыкова О.Л. Врачевание во Вьетнаме: традиции и современность. — С.7

²См. Духовная культура Китая: энциклопедия : в 5 т. / Т.5. — С. 415

³См. Там же. — С. 415

культуры, истории, географии и проч.⁴ В эссе автор упоминает своего знаменитого современника — Ле Хью Чака:

«Основоположниками медицины считаются *Вием-де*¹ и *Хоанг-де*,² им помогали *Лэй-гун* и *Ци-бо*.³ Совершенномудрые мужи древности открывали вещи, вершили дела,⁴ радея о благе для всех людей... Великие медики оставляли после себя труды, с каждым днём их становилось больше. В целом всё можно свести к восьми продольным правилам и восьми поперечным правилам. Каковы восемь продольных правил? Это — иглоукалывание, надрезы, прижигание моксой, отвары, пилюли, порошки, мази, пластыри. Повреждения мышц и кожные болезни требуют лечения порошками и пластырями. К каналам, по которым циркулирует энергия *ци*, и внутренним органам применяют такие методы, как иглоукалывание, надрезы и прижигание моксой. Отвары, пилюли и порошки — для наружного применения. Всё это мы называем *восемью продольными*

4Исследователь Французского института Дальнего Востока (*L'École française d'Extrême-Orient — EFEO*) Нгуен Чан Хуан, в сфере научных интересов которого была традиционная вьетнамская медицина, в «Бюллетене Французского института Дальнего Востока» представил перевод этой заметки на французский язык с подробными комментариями и указаниями некоторых терминов в китайской иероглифике. Указание Нгуен Чан Хуаном характерных только для традиционной восточной медицины терминов в иероглифике во многом облегчает понимание текста заметки. В переводах на современный вьетнамский язык иероглифических обозначений нет. По этой причине при переводе на русский язык заметки Фам Динь Хо для данной дипломной работы был использован не только перевод на современный вьетнамский язык, но и французский перевод Нгуен Чан Хуана. См. *Phạm Đình Hồ. Vũ trung tùy bút* (Записи вслед за кистью, сделанные во время дождя). — Hà Nội, 1960. — Tr. 96–101; *Nguyen Tran Huan. La médecine vietnamienne au XVIIIe siècle, texte original de Phạm Đình Hồ, extrait du «Vu Trung Tuy But»* (Вьетнамская медицина в XVIII веке, текст Фам Динь Хо из сборника «Записи вслед за кистью, сделанные во время дождя»). — Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient. Т. 60, 1973. — pp. 375–384

1*Вием-де* — кит. *Янь-ди*, повелитель юга, пламени, бог солнца. Образ Янь-ди на ранних этапах контаминировался с образом *Шэнь-нуна*. *Шэнь-нун* — покровитель земледелия и медицины. Считается, что он разослал своих помощников во все концы страны для сбора образцов растений, камней, металлов и, изучая их целебные свойства, испробовал действие каждого на самом себе. См. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Т. 2. Мифология. Религия. — 2007. — С. 756, 770.

2*Хоанг-де* — кит. *Хуан-ди*, т.е. «Жёлтый император», один из легендарных императоров древности (III тыс. до н.э.)

3*Лэй-гун* — кит. Бог грома. *Ци-бо* и *Лэй-гун* были советниками Хуан-ди

4Цитата из «Сицы-чжуань» («Большого комментария») к «Книге Перемен» («Ицзин»): «Мудрец сказал: “Так что же такое Перемены?” (И ответил): “Перемены — открывают вещи, вершат дела, копируют Дао Поднебесной, вот это — и всё”. Основываясь на этом, совершенномудрый человек проникает в стремления Поднебесной, определяет дела Поднебесной, решает сомнения Поднебесной». «Книга Перемен» — один из самых сложных для понимания среди китайских классических текстов. Значение «Книги Перемен» в культуре Китая и других стран дальневосточного культурного региона велико. «Она оказывала свое влияние в самых разных областях: и в философии, и в математике, и в политике, и в стратегии, и в теории живописи и музыки, и в самом искусстве: от знаменитого сюжета древней живописи—“8 скакунов” — до заклинательной надписи на монете-амulette или орнамента на современной пепельнице». Основной текст «Книги Перемен» состоит из двух частей. В первой части представлены толкования 64 *гексаграмм* — комбинаций целых и прерванных черт. Во второй части — комментарии к тексту. Комментарии к афоризмам, которые относятся к гексаграммам, представляют собой своего рода трактат, известный как *сицы-чжуань*, или *да-чжуань* — «Большой комментарий». См. И-Цзин: древняя китайская «Книга Перемен». — М.: Эксмо, 2009. — С. 490, С. 498; Лукьянов А. Е. Начало древнекитайской философии («И цзин», «Дао дэ цзин», «Лунь юй»). М.: «Радикс», 1994. — С. 57

правилами. Также следует знать и уметь применять в соответствии с обстоятельствами *восемь поперечных правил*, таких как *осмотр, выслушивание, опрос больного, ощупывание пульса, правило атаки, укрепление, восстановление и распределение*. Во время *осмотра* больного мы рассматриваем внешние проявления заболевания. Во время *выслушивания* медик обращает внимание на голос больного. *Опрос* позволяет узнать и оценить происхождение и причины заболевания. При *ощупывании пульса* мы проверяем все шесть органов. Если болезнь сильна — необходима *стратегия атаки*. Если же наоборот — то нужно прибегнуть к *тактике укрепления*. То, что криво — восстанавливаем. То, что закупорено — распределяем. Все перечисленные шестнадцать методов необходимы при лечении, и забывать о них не следует.

После этого можно говорить о врачебной практике. Надрезать кожу, прочистить кости, промыть желудок и кишечник — трудные задачи, они под силу самым лучшим врачам, которые могут проделать эти операции в одиночку.

В нашей стране ... забыли о традициях врачевания. *Иглоукалывание* и *надрезы* — *продольные* методы, как и два из восьми *поперечных* методов — *осмотр* и *выслушивание* больного, рассматриваются наравне с такими средствами, как пресный мясной бульон или *вода для возлияний*.¹ Те, кто занимаются иглоукалыванием, даже не знают назначения большинства точек на медной статуе.² Те, кто прощупывают пульс, даже не знают основных методов. Из шестнадцати методов отбросили шесть. То, что требует глубины познаний, отброшено. Методы лечения изучают поверхностно. Забыли, что значит действовать тонко, знают лишь грубые методы. Как же мы, имея медиков с такими познаниями и следуя только заветам древних, можем надеяться на исцеление от тяжёлых заболеваний и продление жизни?

...В наши дни медицина делится на два направления: *внешнего* лечения и *внутреннего* лечения. Три школы следуют *внешнему* направлению: первая — семьи Нгуен из деревни Баоты, вторая — семьи Нгуен из деревни Фунинь, третья

---

¹Т.е. вино

²Модель человека, предназначенная для изучающих иглоукалывание

— семьи Нгуен из деревни Ванлунг. Члены этих семей хранят свои рецепты и передают их из поколения в поколение. Приготовленные ими мази и пластыри оказывают благотворное воздействие на организм.

Средства метода *атаки*, предназначенные для внутреннего применения, используют давно. Они обладают сильным воздействием на организм и могут довести его до истощения. Во внешней медицине часто используют мази и пластыри, которые также применяются и во внутренней медицине. Польза от этого небольшая, но и вреда почти нет. Во *внутреннем направлении* медицины выделяют две школы. В первой школе при лечении используют методы, чтобы укрепить и взбодрить организм. Ревень и глауберова соль почитаются у них за врагов. При лечении заболеваний *хы*¹ могут порой пригодиться бодрящие средства, но использовать их для лечения болезней *тхык*² — всё равно что добавлять масло в огонь. Если заболевание вызвано природным воздействием, то применять подобные средства — то же, что и повышать заграждения, дабы сдерживать потоки воды. Подобное убийство даже опаснее отравления... Те, кто для *распределения* и *атаки* применяют женьшень и корицу, так же опасны, как и мышьяк...

Древние говорили: “Медики подобны полководцам. В их руках — жизни людей, как в руках полководцев — судьба государства. Хотя размах их деятельности и отличен друг от друга, но смысл один. Управляя страной, нужно знать, где стоит быть добродетельным, а где — наказать. При лечении следует знать, для каких хронических болезней нужно использовать бодрящие средства. Это как полководец, который знал, подобно *Шэнь* и *Ханю*,³ где нужно было проявить добродетель, а где не стоило строго наказывать...”

---

¹*Хы* — хронические заболевания

²*Тхык* — острые заболевания, при которых у больного ещё есть силы и надежда на полное выздоровление

³*Шэнь* — Шэнь Бу-хай. *Хань* — Хань Фэй. Мыслители-легисты. Легизм (или «школа закона» — *фацзя*) — сформировавшееся в IV–III вв. до н.э. теоретическое обоснование тоталитарно-деспотического управления государством и обществом, которое первым добилось статуса единой официальной идеологии в первой централизованной империи Цинь (221–207). *Шэнь* (IV в. до н.э.) выступал за управление государством посредством законов. Определяющим аспектом закона, по его мнению, являлось понятие *шу* — «техника, искусство», т.е. умение контролировать аппарат управления. Суть *шу* заключалась в назначении на должности по способностям, умении требовать исполнения чиновником своих обязанностей, «держат в [своих] руках рукоять [его] жизни и смерти, изучать возможности чиновника». *Хань Фэй*, последователь идей *Шэнь Бу-хая*, был первым сановником основателя династии Цинь Цинь Ши-хуана. См. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Т. 1. Философия.—2006. — С. 291–294, 476, 634

В молодости я слышал о медике *Ле Лан Онге*, уроженце деревни Лиеуса, который жил в провинции Нгеан. Он считается *Хэ* и *Бянем* наших дней.¹ Он составил “Полное собрание Лан Онга”...Его приглашали в столицу к *Тинь-выонгу*.² Там на шестидесяти больших свитках представил он свой труд господину *Нгуену*, ответственному за *чайную церемонию*³ при дворе *тюа*, уроженцу деревни Суанзук, назначенному на должность чиновника-*тхамнги*.⁴ Эрудиты нашего времени называют труд медика “Нефритовыми и жемчужными речениями”. Я видел его работы несколько раз. Их автор — человек широкой культуры, в своих трудах он приводит справедливые и убедительные доводы. Он также не является сторонником жёстких методов лечения... Жалею только, что не довелось ознакомиться с полным собранием его трудов».⁵

В «Записках о путешествии в столицу» Ле Хыу Чак часто упоминает о пульсовой диагностике при определении заболевания: «*Кланяясь, я приблизился к принцу [Чинь Кану. — Ц.К.] и, сев у кровати, приступил к исследованию пульса*».⁶ «*Не прожил я и половины месяца в столице [т.е. за пределами Запретного города — Ц. К.], как обо мне узнали многие — от чиновников и вояк и до простых горожан. В шуме и сутолоке приходилось выписывать просителям рецепты и проверять им пульс*»,⁷ «*Сын чиновника-тяньдыонга пригласил меня осмотреть его жену. Судя по пульсу, супруга хау [т.е. сына чиновника. — Ц.К.] была уже на третьем месяце беременности, и у неё был мальчик*»,⁸ «*я приступил к осмотру*

1Бянь Цяо/Цюэ—букв. *Бянь Сорока*. Знаменитый врач эпохи Восточной Чжоу. Точное время жизни неизвестно. Он лечил множество болезней с помощью лекарств и иглотерапии. Современные исследователи предполагают, что пульсология была открыта в Китае в V—IV вв. до н.э. школой, связывавшей себя с именем Бянь Цяо. И-Хэ – врач древности, которому приписывается создание медицинской теории, согласно которой болезни объясняются нарушением баланса «шести пневм» (*лю ци*) — *инь* и *ян*, ветра, дождя, мрака и света. (См. Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / Т. 5. — С. 396, 685–686)

2Т.е. к главе клана Чинь – Чинь Шаму

3Т.е. за лечение Чинь Кана, наследника клана Чинь: «Поскольку в этом зале престолонаследник “пьёт чай”, он называется “чайная комната” — дело в том, что во дворце избегают использовать слово “лекарство”, и вместо него говорят “чай”». См. *Thượng kinh ký sự* (Записки о путешествии в столицу). — Тр. 48

4Чиновник в провинциальной администрации

5*Phạm Đình Hồ*. Vũ trung tùy bút (Записи вслед за кистью, сделанные во время дождя). — Hà Nội, 1960. — Тр. 96–101; *Nguyen Tran Huan*. La médecine vietnamienne au XVIIIe siècle, texte original de Phạm Đình Hồ, extrait du «Vu Trung Tùy Bút» (Вьетнамская медицина в XVIII веке, текст Фам Динь Хо из сборника «Записи вслед за кистью, сделанные во время дождя»). — pp. 375–384

6*Hải Thượng Lân Ông / Lê Hữu Trác*. Thượng kinh ký sự (Записки о путешествии в столицу). — Тр. 50

7Ibid. — Тр. 62

8Ibid. — Тр. 85

хозяина дома. Шесть пульсов были тягучими, а двух пульсов сить будто бы и не было.¹ Это встревожило меня. Я подумал, что долго чиновнику-хиенши не прожить. Озвученный мной диагноз оказался верным»,² «Однажды один из зятьёв тюа [Чинь Шама. — Ц.К.] по имени Кунг, сын Куан-куанконга,³ одного со мной уезда, пригласил меня к себе — осмотреть его жену, страдавшую от метроррагии.⁴ Я проверил пульс»⁵ и пр. Исходя из полученных в ходе анализа пульса данных, таких как соотношение в организме начал «ам» и «зыонг», характер энергии кхи, медик определяет подходящую в конкретном случае тактику лечения и выбирает соответствующие средства: «Каждый раз, вступая во врачебные дискуссии, он [сановник-тяньдыонг. — Ц. К.] ратовал за тактику «нападения»: как считал чиновник-тяньдыонг, во время болезни нужно лечить саму болезнь, а когда она проходит — следует укреплять здоровье больного. По его мнению, это и есть единственно верный общий способ лечения. По-моему, причина болезни принца именно в том, что он дни и ночи проводит за шёлковыми занавесками, много ест, слишком тепло одевается без особой на то надобности — это всё и привело к ослаблению внутренних органов. Долгая болезнь, сухая кожа лица, огромный живот, слабые мышцы, худые конечности — все признаки больного организма налицо. Причиной тому — серьёзное повреждение субстанции кхи. Если подбирать типичные средства «тактики нападения», то неизвестно, к чему лечение приведёт: подобные лекарства очень сильны, они могут ещё больше ослабить организм. В этом случае лучше всего прописать укрепляющие средства, однако результат их действия проявится не сразу».⁶

В «Записках о путешествии в столицу» подробно расписаны только один осмотр и один рецепт: «Во время осмотра я отметил, что шесть пульсов принца были тягучими и слабыми, пульс “куан” на правой руке более ярко выражен, пульс “сить” — слабо. “Ам” селезёнки слабый, огонь в животе сильный, в нём не

¹Это указывает на серьёзные проблемы с почками и толстой кишкой

²*Hải Thượng Lãn Ông / Lê Hữu Trác. Thượng kinh ký sự* (Записки о путешествии в столицу). — Тр. 96

³Куанконг — титул, присуждаемый за заслуги

⁴У жены Кунга во время беременности начались маточные кровотечения

⁵*Hải Thượng Lãn Ông / Lê Hữu Trác. Thượng kinh ký sự* (Записки о путешествии в столицу). — Тр. 80

⁶*Ibid.* — Тр. 51–52

могут содержаться “ам” и “зыонг”. Когда огонь перестает функционировать — появляются вздутие и опухоль. Общее состояние вызвало впечатление “внутренней пустоты” и “наружной плавучести”. Следует укрепить в селезёнке элемент земли. Сейчас нужно принимать следующее лекарство:

Атрактилодес крупноголовый (один ланг)¹ — замочить в рисовом отваре, затем три раза поджарить; избегать сильного огня, чтобы сохранить аромат, стимулирующий работу селезёнки; Корень рехмании (три донга)² — высушить, но так, чтобы сохранился запах. Укрепляет “инь” селезёнки; Имбирь (2 донга) — поджаривать до потемнения. Выступает в качестве ветрогонного средства; Смесь из пяти элементов (1 донг)³ — поддерживает работу лёгких и нормализует мочеиспускание. Все ингредиенты перемешать и подогреть до кашеобразного состояния. Давать больному по чайной ложке с крепким отваром женьшеня во время еды».⁴

В остальных случаях Ле Хыу Чак ограничивается беглым упоминанием характера пульса и самой болезни. Представляется вероятным, что включение в дневник полного лекарства связано с важностью персоны, для которой оно было предназначено, ведь в *Дангнгоае* реальная власть сосредотачивалась в руках представителей клана Чинь. И вполне возможно, что в дальнейшем на примере всем известного в Северном Вьетнаме Чинь Кана Ле Хыу Чаку было бы удобнее наглядно разъяснить ученикам некоторые теоретические и практические моменты в медицинской практике.

---

¹1 ланг = 37, 301 г

²1 донг = 3, 78 г

³Лимонник китайский, кадсура японская, укрепляющее для почек, укрепляющее для лёгких, средства от импотенции

⁴*Hải Thượng Lãn Ông / Lê Hữu Trác. Thượng kinh ký sự (Записки о путешествии в столицу). — Тг. 53*

ГЛАВА III. ДНЕВНИКИ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ КУЛЬТУРНОМ РЕГИОНЕ

В странах дальневосточного культурного региона жанр дневников и путевых заметок получил широкое распространение. Дневникам и путевым заметкам Кореи, Китая и Японии посвящён ряд работ таких отечественных исследователей, как В.Н. Горегляд, Е.А.Серебряков, В.Н. Топоров, А.Ф. Троцевич.¹ На русском языке о вьетнамских дневниках опубликована только одна работа, посвящённая дневнику известного вьетнамского литератора и учёного-энциклопедиста Фам Динь Хо (1768–1839).²

Первые дневники в Корее, Китае и Японии были оставлены буддийскими монахами-паломниками, которые отправлялись за священными текстами в Индию или Китай (в случае Кореи и Японии). В «Записках о буддийских странах» (*Фо го цзи*) китайский монах Фа-сянь оставил много описаний монашеских обычаев, уставов монастырей, буддийских реликвий, которые ему встречались по пути в Индию (399–414). Повествование в «Записках» по структуре напоминает карту, которая сложилась в памяти китайцев-буддистов благодаря проповедям и преданиям — каждое посещённое в Индии место соотносится с местным преданием, буддийской притчей или святыней.³ Монах Сюань-цзан в «Записках о западных странах, составленных в правление великой династии Тан» (*Дай Тан си юй цзи*) оставил описание 128 сопредельных с Китаем больших и малых стран, их положение, географические особенности, столицы, климат. В результате паломничества в Индию (629–645) он привёз на родину «657 сочинений буддийского канона, большинство из которых попали в Китай впервые, а также

¹Горегляд В.Н. Дневники и эссе в японской литературе X–XIII вв. — М.: изд-во «Наука», главная редакция восточной литературы, 1975; Серебряков Е.А. Путевой дневник «Юйи чжи» известного сунского литератора Оуян Сю (1007–1072) // Вопросы филологии стран Азии и Африки. Вып. 2. — Л., 1973; Лу Ю. Поездка в Шу / Пер., коммент. и послесловие Е.А.Серебрякова. — Л., 1968; Топоров В. Н. Два дневника (Андрей Тургенев и Исикава Такубоку) // Восток—Запад. Исследования. Переводы. Публикации. Выпуск четвертый. — М., 1989; Троцевич А.Ф. История корейской традиционной литературы (до XX в.). — СПб.: Изд-во С.—Петербур. Ун.—та, 2004

²Кнорозова Е.Ю. Путевые заметки Фам Динь Хо (конец XVIII в.) // Петербургское востоковедение. Вып. 4.— СПб., 1993

³См. Александрова Н.В. «Путь и текст. Китайские паломники в Индии». — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2008. — С.37–41

всевозможные предметы буддийского культа, в том числе статуи будд».¹ Японский монах Эннин (794–864), прибывший в 838 году с посольством Фудзивара Цунэцугу (796–840) в Китай, много путешествовавший по Поднебесной и Корее вплоть до возвращения на родину в 847 году, оставил «Описание паломничества в страну Тан в поисках дхармы» (*Нитто гухо дзюнрэй коки*).² В литературе Кореи одним из самых известных путевых дневников было «Хождение в пять индийских царств» (*Ван очхончхуккук чон*) монаха Хечхо (704–787), совершившего в 723–727 гг. паломничество в Индию. Однако сам оригинал «Хождения...» был утерян, на протяжении долгого времени о нём знали лишь благодаря сочинению китайского буддиста Хуэй-линя «Чтение и значение слов всех канонов» (рубеж VIII и IX вв.).³ Во Вьетнаме от первых веков распространения буддизма (II–V вв. н.э.) эпиграфических памятников осталось крайне мало. Проповедовавшие во Вьетнаме буддизм паломники из Индии и Китая, возможно, сами же и переводили на местный язык священные тексты. В сочинении китайского монаха и переводчика буддийских текстов Ицзина (635–713) «Жизнеописания достойных монахов, в правление Великой Тан искавших дхарму в Западных краях» (*Да Тан си юй цю фа гао сэн чжуань*), написанном им на острове Суматра, имеются сведения о 57 монахах Китая, Кореи и Вьетнама, которые совершили паломничество в Индию с 641 по 691 годы. Шесть жизнеописаний посвящены вьетнамским монахам. Однако неизвестно, оставили ли они какие-либо путевые заметки и дневники.⁴

Одними из первых «светских» путевых заметок были «Записи [человека], направляющегося на службу в далекие края» (*Юйи чжи*) китайского поэта и государственного деятеля Оуян Сю (1007–1072). Следует заметить, что занятия литературой были уделом образованных людей. В странах дальневосточного культурного региона получавшие образование происходили, как правило, из

---

¹«Шихуа о том, как Трипитака Великий Тан добыл священные книги». — М.: Изд-во «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1987. — С.30

²См. *Горегляд В.Н.* Классическая культура Японии. — С.99, С.241–242

³См. *Троцевич А.Ф.* История корейской традиционной литературы (до XX в.). — С.37

⁴См. *Антология традиционной вьетнамской мысли.* — X – начало XIII вв. — М., 1996. — С.14

зажиточных слоёв общества — не каждая семья имела возможность на протяжении десяти и больше лет платить за обучение ребёнка. Достойным применением полученных за долгие годы учёбы знаний считалась чиновничья служба. Для получения должности требовалось сдать конкурсные экзамены, которые проводились примерно раз в три года. Для успешной сдачи экзаменов от конкурсантов требовалось не только знание классических конфуцианских трудов, но и владение изящным слогом, умение писать стихи на заданные рифмы и тему. В среде образованных мужей занятия литературой были одним из способов приятного проведения досуга. Вышедшие в отставку чиновники, в избытке располагая свободным временем, нередко полностью занимали его, сочиняя стихи или составляя сборники занимательных историй. Оуян Сю (1007–1072), много лет занимавший высокие чиновничьи должности, в 1036 году отправился в ссылку в Хубэй, поскольку незадолго до этого, оказавшись при дворе, он показал себя противником министра Люй И-цзяня. Оуян Сю обвинял министра и его сторонников в том, что они не заботились о благе народа и государства.¹ По дороге из тогдашней столицы Кайфэна в Хубэй Оуян Сю начал вести дневник «Записи [человека], направляющегося на службу в далекие края» (*Юйи чжи*).² Название путевых заметок отсылает к начальным строкам песни из «Шицзина»:³ «На службе у князя супруг далеко — / Не знаю, когда он вернется ко мне, / И где он теперь, и в какой стороне?». ⁴ Каждый образованный в конфуцианском духе учёный муж знал наизусть канонические книги. Именно поэтому ссылка на определенный текст в «Книге песен» подразумевалась уже в самом названии дневника Оуян Сю, и это создавало для читателя определенное настроение до ознакомления с текстом.

---

¹Алимов И. А. Лес записей: Китайские авторские сборники X–XIII вв. в очерках и переводах. — СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2009. — С.246

²См. Серебряков Е.А. Путевой дневник «Юйи чжи» известного сунского литератора Оуян Сю (1007–1072) // Вопросы филологии стран Азии и Африки. Вып. 2. — Л., 1973. — С.167–168

³*Шицзин* («Книга песен») — один из древнейших памятников китайской литературы. Состоит из 305 стихотворных и песенных текстов разных жанров. *Шицзин* включён в состав «Пятикнижия» — сборник канонических конфуцианских текстов, таких как *Ицзин* («Книга Перемен»), *Шуцзин* («Книга истории/преданий/документов»), *Лицзи* («Записки [о правилах] благопристойности»), *Чуньцю* («Вёсны и осени»)

⁴Шицзин. — М., Изд. АН СССР, 1957. — С.85

Авторство первых путевых заметок в японской литературе принадлежит знаменитому поэту, придворному чиновнику Ки-но Цураюки (?—946). Его «Дневник путешествия из Тоса» (*Тоса никки*, 935 г.) включает 55 поденных записей. «В 26 записях в текст вставлены стихи (общим числом 60 стихотворений), сложенные участниками путешествия, лодочниками или провожающими. Все стихотворения японские; упомянутые в ходе повествования китайские стихи в дневнике не цитируются».¹ Для повествования характерно обильное использование китаизмов — не только лексических заимствований, но и литературных приёмов и оборотов. Это свидетельствует о прекрасном знании автором китайской литературы.²

Знаменитый корейский поэт, писавший на *ханмуне*, Ли Кюбо (1168–1241), отправленный чиновником на юг в провинцию Чончжу, по итогам двухлетней службы написал «Записки по дням и лунам о странствии по югу» (*Намхэн ворильки*, 1201 год). В дневнике литератор поденно ведёт записи о произошедших с ним во время путешествия случаях и событиях, делится своими мыслями, описывает впечатлившие его пейзажи.³

Все рассмотренные выше дневники были написаны на *вэньяне* (в случае Китая) и на его региональных вариантах (*камбун*, *ханмун*). Самые известные вьетнамские путевые заметки были написаны Ле Хыу Чаком и Фам Динь Хо (Phạm Đình Hồ, 1768–1839) на *ханване*. Дневник Фам Динь Хо «Записки о прогулке к горе Фаттить» входит в сборник «Случайные записки о превратностях судьбы» («Tang thương ngẫu lục»).

Фам Динь Хо, как и его современник Ле Хыу Чак, жил в *Дангнгоае*, где безраздельно властвовали *тюа* Чинь. Фам Динь Хо получил традиционное конфуцианское образование и успешно выдержал испытания на провинциальных экзаменах. Однако он, как и многие образованные люди его времени, оказался не у дел — применить свои таланты, как полагалось конфуцианскому мужу, на

---

¹Горегляд В.Н. Дневники и эссе в японской литературе X-XIII вв. — М.: изд-во «Наука», главная редакция восточной литературы, 1975. — С. 65

²Там же. — С.66

³См. Троцевич А.Ф. История корейской традиционной литературы (до XX в.). — С. 81

поприще государственной службы он не смог из-за разразившихся в стране драматических событий. С 1789 года ему пришлось «зарабатывать себе на жизнь, скитаясь по разным местам». Он смог вернуться в родную деревню Данлоан (совр. пров. Хайзыонг) только в 1797 году.¹

В 1802 году на престоле воцарилась династия Нгуен (1802–1945). Столицу перенесли в город Хюэ. Императоры новой династии были заинтересованы в привлечении на службу талантливых людей. К тому времени о Фам Динь Хо как о человеке великолепных познаний и литературных дарований знали все. Император Нгуен Тхань-то, правивший под девизом *Минь-манг* (1819–1841), в ходе поездки по стране в 1821 году лично пригласил Фам Динь Хо на службу. Фам Динь Хо принял предложение. С 1821 года он не раз уходил в отставку, но всё равно возвращался на чиновничью службу. В 1839 году он скончался в родной деревне.²

Фам Динь Хо больше всего известен как автор двух сборников короткой прозы «Случайные записки о превратностях судьбы» (*Tang thương ngẫu lục — Танг тхыонг нгау люк*) и «Записи вслед за кистью, сделанные во время дождя» (*Vũ trung tùy bút — Ву чунг туй бут*). «Записи вслед за кистью» состоят из девяноста одного озаглавленного рассказа. Первый рассказ — это автобиография. Остальные посвящены разным сторонам культуры, истории, литературы Вьетнама.³ Например, эссе «Традиционная медицина», переведённые отрывки которого приведены в **Главе II** настоящей работы, является тридцать девятым рассказом данного сборника.

«Случайные записки о превратностях судьбы» Фам Динь Хо написал в соавторстве с Нгуен Аном, своим другом. «Случайные записки» появились примерно в конце XVIII — начале XIX века. Сборник состоит из девяноста небольших озаглавленных рассказов, объём которых варьируется от нескольких строк до нескольких страниц.⁴ Тематика произведений также различна. Например,

---

¹Кнорозова Е. Ю. Странствия в бесконечном: Вьетнамская традиционная проза малых форм. — С. 105

²Там же. — С. 106

³Там же. — С. 130–131

⁴Там же. — С. 107

ряд рассказов посвящён известным государственным и историческим деятелям Вьетнама: Ле Хыу Киеу (см. **Глава I**), чиновнику Уонг Ши Доану (см. **Приложение 2. Глава IV. Готовлю лекарства и пишу стихи**). Есть и очеркоинформативные рассказы о достопримечательностях («Старинная крепость Чаокхау», «Пагода Кимлиен», «Стела на горе Тханьнам») и др.¹ В сборник входит написанный в 1796 году в соавторстве с Нгуен Аном дневник «Записки о прогулке к горе Фаттить» (Bài ký chơi núi Phật Tích (Chùa Thầy) — *бай ки тьой нуй Фат тить – (тюа тхай)*).

Объём «Записок о прогулке к горе Фаттить» небольшой — около пяти листов ксилографа.² В дневнике Фам Динь Хо описывает короткое путешествие к горе Фаттить (недалеко от современного Ханоя, в прошлом — Тханглонга). Прогулка носила развлекательный характер и продолжалась два с небольшим дня: в «12-й день третьей луны года биныпхин³ я вместе с достопочтимыми Нгуен Нгуи Минем, Чан Ван Ти, Нгуен Куе Нямом, Хоанг Хи До отправился посетить гору Фаттить... В 14-й день рано тронулись в путь и направились к горе Хоафат... В час муй⁴ возвращаемся обратно на восток. В деревне Ван-кань заночевали в деревянном домике моего старшего двоюродного брата по материнской линии — чиновника уездной канцелярии из рода Фам».⁵ Как и другие авторы путевых заметок дальневосточного культурного региона, Фам Динь Хо точно указывает временные и пространственные координаты: «В час ты перешли через мост Нгуеттиен», «В час муй спустились по северному склону горы в пагоду Фуклам». Дневник содержит сведения различного характера. Исторические и легендарные: «...остановились в Куокоае⁶ в храме госпожи Нгуен. Госпожа была младшей сестрой супруги Минь-выонга.⁷ Она ушла в монастырь и привела в порядок все пагоды в Тхиен-фуке. Местные жители приносят ей жертвы»; географические:

¹Кнорозова Е. Ю. Странствия в бесконечном: Вьетнамская традиционная проза малых форм. — С. 113

²Кнорозова Е.Ю. Путевые заметки Фам Динь Хо (конец XVIII в.). — С. 106

³1796 год [примечания Кнорозовой Е.Ю.]

⁴Час муй — 13–15 ч [примечания Кнорозовой Е.Ю.]

⁵Кнорозова Е.Ю. Путевые заметки Фам Динь Хо (конец XVIII в.). — С. 110

⁶Куокоай — область провинции Шонтэй [примечания Кнорозовой Е.Ю.]

⁷Правитель Чинь Зоань (1740 – 1767) [примечания Кнорозовой Е.Ю.]

«...Храм прилегает к горе, граничащей с двумя уездами — Тхиенфук и Тхуйкхуе. В исторических сочинениях ее называют горой Тхатътхат, в народе — горой Тхай»¹ и др. Как практически все дневники дальневосточного культурного региона, «Записки о прогулке к горе Фаттить» были записаны уже после самого путешествия: «Записал Донг Зя Тиеу [т.е. Фам Динь Хо — Ц.К.] по прозвищу Тунг Ниен в час нго² в 15 день».³

В конце дневника Фам Динь Хо отмечает: «Краткие сведения о горе Фаттить изложены бессвязно — как говорится, то, что коснулось моих ушей, то, что попало мне на глаза. Но и это не бесполезно».⁴ Таким образом, автор намекает, что свои записки он писал не для себя, а для читателя.

Рассмотренные в данной главе путевые заметки были оставлены широко известными в своих странах людьми (Оуян Сю, Ки-но Цураюки, Ли Кюбо, Фам Динь Хо), занимавшими в тот или иной период своей жизни чиновничьи должности. Владение письменностью требовало получения образования, которое не все могли себе позволить. Культурное влияние Китая на Корею, Японию и Вьетнам проявилось в использовании в названных странах китайской иероглифики в делопроизводстве и литературе (хотя местные варианты письменности также имели хождение). Вместе с изучением *вэньяня* будущие чиновники осваивали классические произведения Поднебесной, поэтому в целом для авторов дальневосточного культурного региона характерны отсылки к китайским поэтам, легендам, историческим персонажам.

В дальневосточном культурном регионе для получения чиновничьей должности требовалось не только знать канонические произведения, но и уметь писать сочинения различных жанров, в том числе и стихи. Любовь к поэзии характерна для учёных мужей данных стран. Все названные авторы (кроме Фам Динь Хо) в своих дневниках приводят сочинённые как ими самими, так и их друзьями, знакомыми, родственниками и др. стихи.

---

¹Кнорозова Е.Ю. Путевые заметки Фам Динь Хо (конец XVIII в. — С. 110

²Час нго — 11-13 ч. [примечания Кнорозовой Е.Ю.]

³Кнорозова Е.Ю. Путевые заметки Фам Динь Хо (конец XVIII в.). — С. 114

⁴Там же. — С. 114

Многие вышедшие в отставку чиновники занимали свой досуг сочинением стихов и составлением сборников занимательных рассказов разной тематики; поэтому для дневников дальневосточного культурного региона характерно присутствие в тексте историй и преданий, связанных с посещёнными авторами местностями.

ГЛАВА IV. ДНЕВНИК ЛЕ ХЫУ ЧАКА «ЗАПИСКИ О ПУТЕШЕСТВИИ В СТОЛИЦУ»

Характеризуя духовную жизнь народов дальневосточного культурного региона, исследователи используют термин «религиозный синкретизм», т.е. сосуществование и взаимодействие китайских «трёх учений» (кит. 三教, *сань цзяо*; вьетн. Tam giáo, *там зяо*; т.е. конфуцианство, буддизм, даосизм) с местными верованиями. В Японии в понятие «три учения» входят конфуцианство, буддизм и *синто* — национальная и государственная религия японцев. В Корее «три учения» «вступали в контакт с местными культурными представлениями, которые были воплощены в мифах и ритуалах». ¹ Пришедший во Вьетнам и в Корею даосизм во многом перекликался с местными народными верованиями.

Зарождение и распространение буддизма, конфуцианства и даосизма относится к общемировому «осевому времени» — периоду примерно между IX и III веками до н.э. В Китае тогда жили Конфуций, Лао-цзы, возникли все направления китайской философии. Люди «осевого времени» ощущали близость катастрофы, и поэтому они стремились «помочь пониманием, воспитанием, введением реформ». ² История мыслилась как «последовательная смена различных образов мира: либо в сторону постоянного ухудшения, либо как круговорот или подъём». ³ И повсюду сохранялось «воспоминание о духе предшествующей эпохи. Он стал образцом и объектом почитания. Его творения и великие люди *стояли* у всех перед глазами и определяли содержание обучения и воспитания (династия Хань конструировала конфуцианство, Ашока — буддизм)». ⁴

Буддизм, зародившийся в одном из северных индийских царств примерно в VI в. до н.э., распространившись за пределы Индии, претерпел значительные изменения. В каждой новой стране он накладывался на местные традиции.

¹Троцевич А.Ф. История корейской традиционной литературы (до XX в.).— С. 6

²Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. — М.: Политиздат, 1991. — С. 35

³Там же. — С. 36

⁴Там же. — С. 36

Распространённый в дальневосточном культурном регионе буддизм Махаяны (букв. «Великая колесница», кит. 大乘, *да чэн*; вьетн. *Đại thừa, дай тхья*) существует в двух основных формах: китайской и тибетской. Распространение буддизма в Корее и Японии связано с принятием китайского варианта буддизма, который, в свою очередь, адаптировал пришедшее на его территорию учение в начале нашей эры из Индии к местным условиям. Ламаизм (Тибет, Монголия, Бурятия, Тыва, Калмыкия) стал основой центральноазиатской школы буддизма. Китайский и тибетский буддизм, ставшие эталоном для упомянутых выше стран, взаимодействовали «с субстратными формами местной духовной культуры, претерпевая те или иные трансформации».¹

В основе буддизма лежат «четыре благородные истины»: существует страдание, причина страдания, освобождение от страдания (*нирвана*) и путь, ведущий к нирване. Страдание возникает из-за привязанности живого существа к жизни. Эта привязанность является причиной перерождений. У каждого человека своя *карма* — совокупность поступков («плохих» и «хороших»). *Карма* определяет форму перерождения живого существа после смерти — например, бедняк своими благими деяниями в этой жизни может «обеспечить» в следующей жизни «хорошее» перерождение и родиться в богатой и знатной семье. Любой человек, сумма грехов которого превышает количество «хороших» поступков, в следующей жизни переродится, например, в насекомое. Цепь бесконечных перерождений называется *сансарой*. Цель человека — разорвать порочный круг перерождений и достичь *нирваны*, состояния *вне бытия*.² В наш мир с определённой периодичностью приходят *будды* — просветлённые существа, чтобы научить людей и помочь им достичь нирваны. Сиддхартха Гаутама — один из последних (но не единственный) будд, пришедших в наш мир. Разные направления буддизма отличаются в видении способов постижения *нирваны*. В Хинаяне («Малая колесница», а также *Тхеравада* — «учение старейших», кит. 小

¹Торчинов Е.А. Буддийская школа Тхиен (становление и история развития) // Кунсткамера. Этнографические тетради. Выпуск 2-3. — СПб., 1993. — С. 73

²См. Введение в востоковедение: Общий курс.— СПб.: КАРО, 2011. — 313–314

乘, *сяо чэн*; вьетн. *Tiêu thừa, тиеу тхья*) личное спасение являлось главной целью каждого буддиста. В Махаяне, напротив, существует представление о «бодисатве, от которой до будды, до спасения, лишь один последний шаг. Однако бодисатвы остаются в этом своём статусе и не погружаются в Нирвану».¹ Напротив, они остаются в этом мире и помогают остальным живым существам.

Во Вьетнаме в начале нашей эры проповедовали как паломники из Индии, так и, особенно в начальные периоды Северной зависимости, из Китая. С VI века во Вьетнаме течение *тхиен* (*thiền*; кит. 禪, *чань*; кор. *сон*; яп. *дзен*, санскр. *дхьяна* — медитация) распространяется из Китая. Суть *чань* (*тхиен*) можно свести к следующему: не стоит «стремиться к туманной Нирване. Не следует думать только о будущем, стараться стать бодисатвой или буддой и ради этого во всём ограничивать себя в настоящем. Следует жить сейчас, беря от жизни всё, что она может дать».² Одна из особенностей вьетнамского *тхиен*-буддизма — включение культа национальных героев, посвятивших себя защите страны и пр.³ Особая школа вьетнамского направления *тхиен* — *чуклам* (вьетн. *Trúc Lâm*; кит. 竹林 *чжу линь*), не имеющая, как отмечается синологом Е. А. Торчиновым, китайского аналога, пользовалась в XIII веке государственной поддержкой.⁴

Конфуцию (551–479 гг. до н. э.) принадлежит заслуга отбора и передачи существовавших до него традиций, которые легли в основу морально-этического и политического учения, позже названного конфуцианством.⁵ Конфуцианство (儒教, *жу цзяо*; вьетн. *Nho giáo, ньо зяо*) на протяжении своей истории впитывало в себя идеи разных учений. Например, бывших у власти во времена первого императора объединённого Китая Цинь Шихуана, жестоко преследовавшего последователей учения Конфуция, легистов. Китайский философ Чжу Си (1130–1200) оформил буддийские, даосские и конфуцианские идеи и концепции в учение, известное как *неоконфуцианство*. Оно играло большую роль в государственном управлении не

¹Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. 2-е изд. — С.300

²Там же. — С.338

³См. Торчинов Е.А. Буддийская школа Тхиен (становление и история развития). — С. 90

⁴См. Там же. — С. 89

⁵См. Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. — С. 94

только в Китае, но и во Вьетнаме, в Корее и Японии.¹ Вообще сфера «деятельности» конфуцианства — общественная и политическая жизнь. Для сдачи экзамена на чиновничью должность было необходимо знать сочинения, входившие в конфуцианский канон, и комментарии к ним («Четверокнижие», «Пятикнижие», «Тринадцатикнижие»). Считалось, что достойно применить свои таланты и знания учёный муж может только на поприще государственной службы, помогая тем самым правителю и народу. Если же действия государя приносят вред стране и народу, то истинный конфуцианский муж должен сообщить правителю о губительных последствиях такого поведения и предложить применить меры по улучшению конкретной ситуации. И если никакие увещания не действовали, то учёный муж считал себя обязанным подать прошение об отставке.

Основоположником даосизма (道教, *дао цзяо*; Đạo giáo, *дао зяо*) принято считать Лао-цзы (примерно VII–VI вв. до н.э.), изложившего свои взгляды в трактате «Даодэцзин» («Книга о пути и добродетели»). Важнейшая в китайской культуре категория *дао* (道 — «дорога, путь»), обозначающая высший принцип и *высшее начало*, в конфуцианстве и даосизме понимается неодинаково. Конфуцианцы *дао* больше связывают с благими поступками человека. В «Даодэцзине» сказано, что *дао* нельзя определить, его нельзя почувствовать, его нельзя описать. Человек должен познать *дао*, встав на путь «естественности», под которой имеется в виду слияние с природой. «Своеобразным выражением протеста против социальной несправедливости является отшельничество и аскетизм, иначе говоря — возврат к “естественности”. Отшельники–даосы во все времена уединялись на лоно природы и стремились “слиться” с нею для достижения “гармонии мира”».²

«Три учения» создавали в массовом сознании и «политической мысли» своеобразную биполярную структуру: с одной стороны, рациональное начало, приземлённость и стремление к решению насущных общественных задач,

¹См. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Т. 1. Философия. — С. 593

²См. Сидихменов В. Я. Китай: страницы прошлого. — М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1974. — С. 67–68

присущие конфуцианству, а с другой — мистика и внешняя аполитичность даосов и отрешённость от суетного мира буддистов».¹

Родственники Ле Хыу Чака как по отцовской, так и материнской линии были чиновниками высших рангов. Получить возможность достойным образом применить собственные знания и заработать тем самым себе на жизнь, не идя в чиновники, можно было преподаванием, каллиграфией, написанием текстов на заказ по случаю похорон, свадеб и пр. Однако чиновничья служба считалась более престижной, чем названные занятия (бывшие обычно уделом тех, кто не смог сдать экзамены на должность). Ле Хыу Чак отказался от службы в столице (1750 г.) — он предпочёл её жизни в деревне на родине матери. Несмотря на то, что мать умерла в 1760 году, Ле Хыу Чак не вернулся в столицу. В Тханглонге медик мог иметь больше возможностей в плане профессионального роста. Там же ему было бы легче приобрести нужные пособия по традиционной медицине. Однако Ле Хыу Чак деревню предпочёл городу, и когда в 1750 году он, которому было около тридцати лет, приехал к матери в Баутхыонг, то взял себе псевдоним «Ленивый старец». Подав в отставку, Ле Хыу Чак показал себя как конфуцианец — т.е. ушёл со службы, противоречившей его моральным убеждениям, и уехал, как и должен каждый почтительный сын, ухаживать за пожилой матерью. И в то же время в псевдониме медика и неоднократно высказанной на страницах дневника любви к природе можно увидеть и даосские мотивы. Ле Хыу Чаку для полного соответствия идеалу мудреца-отшельника не хватало настоящего ухода от мира. Возможно, он на самом деле и не стремился им стать, ведь ему приходилось не только зарабатывать себе на жизнь медициной, но и преподавать. И оставаться равнодушным к больным он не мог.

Ехать в столицу в 1782 году по приказу *тюа* Ле Хыу Чак не стремился: работа над «Суждениями об истоках врачевания Хайтхыонга» не была завершена, а самому ему было около шестидесяти лет. Разумеется, что медик боялся не успеть закончить работу. Однако приказу *тюа* пришлось подчиниться — и Ле Хыу Чак отправился в путь.

---

¹Введение в востоковедение: Общий курс. — С.398

Дневник Ле Хыу Чака как и рассмотренные в предыдущей главе произведения авторов дальневосточного культурного региона был написан на ханване.

Как и упомянутые в **Главе III** данной дипломной работы Оуян Сю, Ки-но Цураюки, Ли Кюбо, Фам Динь Хо, Ле Хыу Чак в «Записках о путешествии в столицу» точно указывает время. В основном он обозначает дни, изредка — часы. Подобно другим авторам дальневосточного культурного региона, Ле Хыу Чак записал о произошедших с ним событиях после самой поездки: повествование начинается с двенадцатого дня первого месяца по лунному календарю 1782 года, домой медик вернулся второго числа одиннадцатого месяца по лунному календарю того же года, дневник медик закончил через год — в 1783 году.

В приведённых в **Приложении 2** **Главах I, II, X**, связанных с получением приказа, дорогой в столицу и прибытием в Тханглонг (**Глава I**); осмотром наследника клана Чинь, болезнь которого и послужила причиной вызова пожилого медика в столицу (**Глава II**); дорогой домой и прибытием в родные места (**Глава X**), — есть указание дат. *«На следующий день, семнадцатого числа по лунному календарю, я собрал вещи», «Восемнадцатого числа первого месяца по лунному календарю мы сошли на берег и отправились на поклон к чиновнику-тхычану», «Двадцать пятого числа по лунному календарю мы продолжили путь уже по суше», «На рассвете первого числа второго месяца по лунному календарю я услышал сильный и громкий стук в дверь», «шестнадцатого числа [одиннадцатого месяца. — Ц.К.] по лунному календарю я тронулся в путь — в деревню Нгуенса, уезда Хоайан, где жили родственники моей жены. Ранним утром восемнадцатого числа мы уже были там», «Второго числа одиннадцатого месяца по лунному календарю я вернулся в родные горы и увидел жену и детей».*

В **Главах III, IV и VI**, посвящённых будничным занятиям медика в столице, даты уже не встречаются. Дни и месяцы указываются приблизительно: *«Мы распрощались. Через пару-другую дней сановник-тяньдыонг вернулся к себе во дворец — теперь я наконец-то мог навестить чиновника и выразить ему*

*благодарность», «Вот уже больше месяца я живу во дворце чиновника-чунгкиена», «Однажды ко мне пришли с визитом две монахини... На следующий день [после визита монахинь. — Ц.К.] я подозвал к себе ученика по имени Тай» и т.п. В **Главах III, IV, VI** указывается примерное время суток: «Однажды ночью меня разбудил солдат, бывший у меня на службе, — примерно во время второй стражи,¹ и сказал, что меня ожидает богато украшенный, с двумя фонарями паланкин», «Мы проговорили до позднего вечера и только тогда разошлись», «Был поздний вечер. Луна отбрасывала свою тень на навес во дворе, лёгкий ветерок ласкал нежные побеги бамбука, тонкой нитью пробежали едва видимые ручейки, капельки росы застыли на лепестках цветов, источающих тонкие ароматы — вот уж действительно отрадная картина!», «Закончив с чтением этих стихов, мы принялись декламировать стихотворения древности — и сидели допоздна. Виен Хинь покинул меня только утром — ему нужно было идти по делам. И только он ушёл, как ко мне пришёл попрощаться студент из Нонлиеу». В **Главе VI** месяц упоминается только один раз: «Был уже **пятый месяц по лунному календарю**. Я просил у чиновника-тяньдыонга разрешения вернуться домой — близился день поминовения моих предков».*

Вероятно, что Ле Хыу Чак точно датирует лишь важные для него события, такие как путь в столицу, осмотр наследника клана Чинь и возвращение домой. Указание на месяц встречается только в **Главе VI** — это связано с особым поводом, так как близился день поминовения предков, а медик не мог отправить культ предкам на родине в кругу семьи, поскольку был вынужден остаться в столице. Указание на время суток связано со встречами Ле Хыу Чака с друзьями, сочинением стихов — обычно поздним вечером, когда под влиянием тихих лунных ночей медик, тоскуя о доме, сочинял стихи.

В «Записках» много стихотворений — как сочинённых Ле Хыу Чаком, так и тех, что прислали ему друзья или даже почитатели литературного таланта медика. Присланные Ле Хыу Чаку стихотворения обычно писались на тему его собственных. В странах дальневосточного культурного региона сочинение

---

¹Примерно девять — одиннадцать часов вечера

«стихотворных ответов» или же стихов на заданные рифмы или темы было излюбленным развлечением учёных мужей. Подобные произведения выдерживались в даосском или буддийском духе: образы гор и рек, вечно странствующих отшельников, размышления о быстротечности жизни и мирских «пустых» благ часто встречаются как в написанных Ле Хыу Чаком, так и в присланных ему стихотворениях. Ведь каждый образованный в конфуцианском духе интеллигент всегда в душе был немного даосом. «Конфуцианский рационализм, действуя преимущественно в сфере социально-семейных отношений, господствовал лишь в общественной жизни, т.е. в той степени, в какой каждый человек ощущал себя частью большого или малого коллектива. За пределами этой полосы, в недрах человеческой психики (“души”) всегда оставалось немало смутного, мистического, иррационального, индивидуального, что никак не могло вписаться в строгие рамки рационализма и авторитаризма. Высокообразованные и рафинированные конфуцианские цзюнь-цзы должны были обращать как можно меньше внимания на эти подспудные силы, на всю неконтролируемую сферу чувств, которая считалась проявлением низшего, животного, асоциального начала, простительного лишь необразованным невеждам, некультурным “варварам”. Однако на практике многие из конфуцианцев, задыхавшихся в тисках конформизма, искали подчас отдушину для выражения своих подлинных чувств, своей индивидуальности, творческой личности. И именно даосизм с его культом простоты, естественности, отсутствия желаний и обязательств предоставлял наибольший простор для свободы личности».¹

В самом начале своего дневника автор говорит о нежелании ехать в Тханглонг. В столице Ле Хыу Чак провёл практически девять месяцев, однако к выполнению задачи, ради которой его и вызвали, он так и не был допущен. Тоска по дому и желание вернуться на родину, наличие в достатке свободного времени (которое он мог бы занять делами, которыми занимался в Баутхыонге) в совокупности стали причиной написания автором большого количества

---

¹Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. — С. 218

стихотворений. Во вьетнамских прозаических произведениях нечасто можно встретить подобное обилие стихов: пожалуй, только сборник рассказов Хо Нгуен Чынга (Hồ Nguyên Trùng, конец XIV–XV вв.) «Сны Южного старца» (Nam Ông mộng lục — *Нам Онг монг люк*) количеством стихотворений может сравниться с «Записками» Ле Хыу Чака — около трети сборника занимают рассказы о стихах (12 рассказов). «Часть рассказов из этого собрания [«Снов южного старца» — Ц.К.] сходны с китайскими *ш и х у а* — “рассуждениями о поэзии”, представляющими собой заметки о поэтике, о различных стихах и их авторах».¹

О различных эмоциональных состояниях (грусти, тоске, печали, ностальгии, тревоге) Ле Хыу Чака можно судить по стихотворениям, идущих после таких фраз: *«Я же, чтобы выразить охватившие душу чувства, написал стихотворение», «Я сложил стихотворение, чтобы передать охватившие меня от этих мыслей чувства», «Нахлынувшая тоска по родным краям побудила меня сочинить сии строки», «Стоя на камне и любясь открывшимися взору далями, я почувствовал, как в моей душе зародилась смутная тревога. Желая прогнать её, я прочёл стихи, сами собой сорвавшиеся с языка», «Полный печали, я выразил охватившие меня чувства в этом стихотворении»* и т.п.

Описанию чувств медик посвящает буквально одно предложение, полное же выражение они находят в сочинённых им стихах. Но не только тоску испытывает медик. Он также чувствует приливы вдохновения, любясь красивыми пейзажами: *«Любуясь ночным пейзажем, я почувствовал внезапный прилив вдохновения и сложил такие стихи», «Да, действительно — возможности человеческие весьма ограничены, и не сопоставить их с неисчерпаемыми силами и красотами природы. Вот почему учёные мужи и поэты ищут вдохновения в лесах и горах. Тут же я сочинил стихи, которые записал на стене пагоды»* и т.п.

Представители знати и интеллектуальной элиты любили давать любимым местам имена, которые вызывали бы у посетителя (не менее образованного) определённые ассоциации или чувства. В качестве имени для павильона могли

---

¹Кнорозова Е. Ю. Странствия в бесконечном: Вьетнамская традиционная проза малых форм. — С. 40

быть взяты, например, тщательно выбранные иероглифы из стихотворения знаменитого поэта. Имя пристройки, домика, павильона могло отражать род занятий, которыми занимался в их стенах хозяин и его гости. Ле Хыу Чак также даёт имена местам в своих владениях: *«Это случилось в год под циклическими знаками ням-зан,¹ в сорок третий год под девизом правления Кань-хынг,² ранней весной — в месяц, когда на деревьях перед флигелем Учай, местом моих занятий и медитаций, распускаются источающие сладкие ароматы цветы и появляются первые плоды... В это же время года в пруду, в самом конце сада, резвятся глупые рыбки — они играют с отражением светил, принимая их, видимо, за наживку, а звонкоголосые птички щебечут в прохладных зарослях. Ну а я, чтобы развеять скуку, со своими юными учениками совершаю прогулку в горы, где мы наслаждаемся туманными пейзажами. Или ловлю рыбу у павильона Нгеньфонг,³ а близ хижины Тихуен⁴ медленно перебираю струны лютни, или же во дворе павильона Тойкуанг⁵ читаю книги и дремлю за шахматной доской в зале Зитян.⁶ Весело! Вечерами, уже немного пьяный, возвращаюсь домой».*

Учёные мужи Вьетнама, Кореи и Японии отличались любовью к реминисценциям, связанных в основном с китайскими историческими деятелями, мифологическими персонажами, строками из стихотворений известных китайских поэтов и проч. Ле Хыу Чак отсылает к историческим и мифологическим китайским персонажам: *«Ведь благородный муж, обладающий дарованиями Вэнь-вана,⁷ должен быть скромным не только с другими, но и с самим собой», «Пятнадцать лет скитался по стране и так и не смог скопить добра. Избегая мирских почестей, построил хижину в Хьонгшоне, чтобы быть рядом с*

¹Ням-зан (Nhâm dân) — 1782 г., букв. в «год под циклическими знаками Тигра и Необработанной земли». В странах дальневосточного культурного региона традиционное летоисчисление основано на шестидесятилетнем цикле, которое, в свою очередь, основывалось на комбинациях знаков «земных» и «небесных» ветвей

²Девиз правления — практика выбора благопожелательного девиза в начале правления императора была широко распространена в Китае, Корее, Японии и во Вьетнаме. Девизы были положены в основу официального летоисчисления. У одного и того же императора могло быть несколько девизов правления

³Букв. «Павильон, где встречают ветер»

⁴Букв. «Хижина, где скрываюсь от шума»

⁵Букв. «Обширный павильон»

⁶Букв. «Совершенствовать естество»

⁷Вэнь-ван — легендарный правитель династии Чжоу, который, как считается, благодаря своей добродетельности снискал «милость Неба»

престарелой матерью и ухаживать за ней и читать в тишине классиков. Здесь же пристрастился к изучению трудов Хоанг Де и Ки Ба»,¹ «Ранним утром двадцать четвёртого числа по лунному календарю мы продолжили путь. Тёмные тучи и плотный густой туман окутывали небо и землю. Сильный ветер, хоть временами, как казалось, тепло обдувал путников, всё же заставлял всех дрожать от холода. Вскоре мы прибыли к пристани Хаомон. Бескрайние морские волны доходили до самого горизонта. Я вспомнил Цинь Шихуана² и У-ди,³ растративших свои душевные силы на «бичевание камней и облаков»,⁴ но так и не нашедших райские обители острова Пэнлай.⁵ Какая роковая ошибка!». Его самого сравнивают с известнейшими китайскими поэтами Ли Бо и Ду Фу:⁶ «Мы слышали, что Вы, почтеннейший [т.е. Ле Хыу Чак. — Ц.К.] , прекрасно разбираетесь в тайнах человеческой души. И знаем ещё, что Ваши стихи подобны шедеврам Ли Бо и Ду Фу. Просим Вас, уважаемый учитель, не скрывать Ваших речений, нефриту и золоту подобным, и ознакомить нас, младшее поколение, с ними».

---

¹Имеется в виду «Канон Жёлтого императора о внутреннем» (黄帝内经 — Хуанди нэйцзин, кратко «Нэйцзин»). Крупнейший классический медицинский трактат, построенный в форме диалогов китайского мифического императора Хуан-ди (III тыс. до н.э.) с его советниками Ци-бо и Лэй-гуном, окончательно оформившийся в III в. до н.э. Состоит из двух частей: «Су вэнь» («Вопросы о простом») и «Чжэнь цзин» («Канон иглоукалывания»). «Канон» стал настоящей энциклопедией для всех последующих поколений медиков стран дальневосточного культурного региона. См. Духовная культура Китая: энциклопедия: Т.5. — С. 396–397

²Цинь Шихуан (259-210 гг. до н.э.) — первый правитель централизованного Китая. Прославился своей жестокостью

³У-ди — 156–87 гг. до н. э. Император династии Хань (206 до н. э.—220 н. э.). Как и Цинь Шихуан, У-ди искал способы достижения бессмертия

⁴Намёк на даосскую легенду, согласно которой Цинь Шихуан однажды захотел построить в море, в восточном направлении, каменный мост. Ему был представлен волшебник-даос, обладавший магической способностью передвигать морские глыбы. Даос так яростно сёк непокорные камни, что сам начал истекать кровью

⁵Пэнлай — в китайской мифологии один из островов бессмертных, вариант даосского рая. Гора-остров, плавающая в Восточном море или заливе Бохай. Наиболее подробное описание Пэнлая содержится в древнекитайском трактате «Ле-цзы», датируемым примерно V в. до н.э. Там рассказывается, что в бездне Гуйсюй некогда плавали пять гор: Дайсюй, Юаньцзяо, Фанчжан, Инчжоу и Пэнлай. Все строения там из золота и нефрита, звери и птицы белого (т.е. священного цвета), деревья, на которых зреют жемчуг и белые драгоценные камни, растут кущами, плоды имеют удивительный аромат. Тот, кому довелось их отведать, не старел и не умирал. На островах жили бессмертные (сянь). Однако острова носило по волнам, и это причиняло бессмертным беспокойство. Тогда они обратились с жалобой к Шан-ди. Тот послал в море гигантских черепах, чтобы они держали горы на головах. Великан Лун-бо поймал на крючок шесть черепах, две горы — Юаньцзяо и Дайюй унесло в северный океан, остались Пэнлай, Фанчжан и Инчжоу. Существовало представление о том, что Пэнлай и две другие горы издали напоминают тучи — когда люди приближаются к ним, горы-острова уходят под воду. В Древнем Китае некоторые императоры (как Цинь Шихуан и У-ди) снаряжали специальные экспедиции на поиски Пэнлая. См. Мифы народов мира. Энциклопедия. (В 2 томах). Гл. ред. С.А. Токарев. — М.: «Советская Энциклопедия», 1988. — Т. 2. К—Я. — С. 356

⁶Ли Бо (701–762/763) и Ду Фу (712–770) — знаменитые поэты эпохи Тан (618–907)

В речи Ле Хью Чака и его собеседников встречаются цитаты из литературных произведений китайских авторов, отсылки к каноническим сочинениям, даосским притчам и пр. Например, в написанном приятелем Ле Хью Чака стихотворении, посвящённому медику, встречается отсылка к «Луньюю» — каноническому сочинению конфуцианского канона: *«Высочайший приказ пришёл к Вам, живущему среди пышных полей./ Вы не можете взирать на сильных мира сего со страхом. / Вы знаете, как приспособливаться к жизненным неурядицам,^{1/ И смею сказать, что и я одной сущности с Вами»}*. Сын сановника Хоанг Динь Бао говорит Ле Хью Чаку: *«Меня направил к Вам отец. Дело в том, что нашему правителю подали рецепт, в котором был указан ингредиент «чудесная трава»,² и мы точно не были уверены, что же это — справлялись даже в «Бэньцао»,³ но так ничего и не нашли. Вот поэтому мы и решили обратиться к Вам и уточнить, что это за трава и как следует приготовить лекарство»*. Глава уезда Камзянг в письме к медику сравнивает Ле Хью Чака с Ли Бо и Ду Фу и посвящает ему стихотворение, в котором встречается аллюзия на китайского интеллектуала Жуань Цзи: *«Вы — друг журавлей и облаков, / Веселье находите у кромки воды,/ Взглядом знатока охватываете пейзаж,^{4/ Прозрачные потоки и белые кувшинки»}*. В письме к поклоннику его таланта Ле Хью Чак намекает на притчу из даосского трактата «Ле-цзы»: *«Я ответил на это письмо следующими стихами: “Приобрести обширные познания — не это сложно, а трудно не прибегать к*

1Отсылка к фразе из «Суждений и бесед» Конфуция: «Учитель сказал Янь Юаню: “Когда используют, то действуем, а отвергают, то скрываемся — так поступаем только мы с тобой”». См. Конфуций. Изречения. Книга песен и гимнов. — Харьков: Фолио; М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. — С. 38

2Т. е. женьшень

3«Шэнь-нун бэнь цао цзин» — «Канон корней и трав Шэнь-нуна», или «Книга Шэнь-нуна о корнях и травах», «Травник Шэнь-нуна». Самая ранняя, ставшая образцовой фармакопеей с описанием 365 медикаментозных средств. Приписывается легендарному императору Шэнь-нуну (III тыс. до н.э.). Считается, что он разослал своих помощников во все концы страны для сбора образцов растений, камней, металлов и, изучая их целебные свойства, испробовал действие каждого на самом себе. См. Духовная культура Китая: 5 т. / Т. 5. — С. 964

4Букв. «зелёным глазом охватываете пейзаж». Здесь автор стихотворения намекает на Жуань Цзи (210–263) — знаменитого китайского литератора и интеллектуала, члена кружка «Семь мудрецов из бамбуковой рощи» (в который также входили Цзи Кан, Сян Сю, Жуань Сянь, Лю Лин, Шань Тао и Ван Жун). «Мудрецы» проповедовали следование простой беззаботной жизни. Известны своим экстравагантным поведением. В частности, Жуань Цзи стал постоянным героем сборников рассказов-анекдотов о «славных мужах» — «Новое изложение рассказов, в свете ходящих» Лю И-цина (403–444). Считается, что глаза Жуань Цзи обладали удивительной способностью менять свой цвет. Если Жуань Цзи видел приятного ему человека, то радужная оболочка глаза становилась зелёной. Когда мудрец встречал презираемую им личность — глаза белели. См. Духовная культура Китая: энциклопедия: 5 т. / Т. 3. Литература. Язык и письменность. — С. 304–306

помощи других./ Всё потому, что дорога разветвляется, и потерянного барана больше уже не найти». ⁵

Ле Хью Чак упоминает о встрече со спиритическим медиумом, женщиной-бадонг:

«Вместе с чиновником-вантхы мы должны были отправиться в путь ранним утром двадцатого числа по лунному календарю, однако из-за нехватки на всех солдат продовольствия с поездкой пришлось повременить, поэтому тронулись только после полудня. Вечером того же дня мы прибыли в деревню Кимкхе, также известную как Куанми, где и остановились на ночь. Чиновник-вантхы провёл церемонию жертвоприношения в храме покровителя деревни, куда созвал танцоров и певцов, и пригласил меня посидеть с ним. Там была женщина — она двигалась и говорила так, словно была в забытьи; кто-то шепнул, что эта бадонг весьма опытна и одарённа. Мне посоветовали обратиться к ней: мол, почему бы не помолиться за исполнение своих желаний в предстоящей поездке в столицу? Я же ответил: “Нет ничего удивительного в том, что любой человек хочет исполнения задуманного и не желает встречаться с неудачами и препятствиями на своём пути. Если кроме этого желания других у

---

⁵Здесь Ле Хью Чак намекает на притчу из «Ле Цзы» — даосского трактата, приписываемого Ле-цзы (ок. IV в. до н.э.). Согласно притче, однажды у соседа Ян Чжу (философа-даоса, жившего примерно в сер. IV в. до н.э.) пропал баран. На поиски хозяин отправил не только своих домочадцев, но и попросил даже у Ян Чжу слуг. Тот спросил у него, мол, зачем так много людей отправлять на поиски барана? Сосед ответил, что на дороге много развилочек. Барана не нашли — оказалось, что после каждой развилки была ещё одна развилка — отгадать, по какой дороге ушёл баран, было трудно. Ян Чжу расстроился. На расспросы учеников он не ответил. «...Ученик по имени Мэн Суньян вышел и рассказал об этом Синь Ду-цзы. На другой день Синь Ду-цзы вместе с Мэн Суньяном пришел к Ян Чжу и спросил его:

— Однажды трое братьев странствовали в Ци и Лу, учились у одного и того же учителя и вернулись домой, познав досконально учение о человечности и долге. Отец спросил их: “Что вы можете рассказать мне о человечности и долге?” Старший брат ответил: “Человечность и долг велят мне беречь себя, а потом уже заботиться о славе”. Средний брат сказал: “Человечность и долг велят мне искать славу, даже пренебрегая своей жизнью”. Младший брат сказал: “Человечность и долг велят мне заботиться и о своей жизни, и о славе”. Все трое учились у одного учителя, а понимание у каждого было свое. Кто же из них был прав, а кто заблуждался?

— На берегу реки жил перевозчик, который привык к воде, отлично плавал и управлял лодкой, — сказал в ответ Ян Чжу. — Перевозка людей, он получал так много денег, что мог прокормить сотню ртов. К нему, неся с собой корзинки с едой, приходили учиться множество людей, но чуть ли не половина учеников утонула. Они приходили, чтобы научиться плавать, а не тонуть. Выходит, то, что одному приносит большую пользу, многим приносит огромный вред.

Синь Ду-цзы промолчал и вышел вон, а Мэн Суньян стал его укорять:

— Зачем ты задал такой темный вопрос? И почему учитель ответил так же странно? Я ничего не понимаю!

— Наш сосед потерял барана на большой дороге потому, что на ней было много развилочек, — ответил Синь Ду-цзы. — Ученики перевозчика лишились жизни потому, что в учении много сторон. Корень учения один, но ветви его отстоят далеко друг от друга. Чтобы не погубить себя и вернуть себе потерянное, нужно вернуться к общему корню. Как прискорбно, что ты, состарившийся в его учениках, не мог понять его рассказа!» См. Чжуан-цзы. Ле-цзы. — С. 388–389

меня нет, чего же мне ещё просить?» Бадонг, поняв намёк, мягко улыбнулась, а чиновник-вантхы рассмеялся и сразу же вышел. Вскоре все разошлись по домам».¹

Вот какое определение медиумам даёт словарь традиционной вьетнамской культуры: «...медиумами часто становятся женщины, которые, будучи больными на протяжении некоторого периода времени, исцелившись, верят, что их судьба - быть медиумами...и [поэтому они должны — Ц.К.] посещать храм в первый и пятнадцатый дни месяца по лунному календарю и отправлять там культ. Для отправления культа необходимы [относительно дорогостоящие — Ц.К.] ритуальные одежды, расходы на которые несёт медиум: для каждого божества требуются отдельные наряды. Находящегося в состоянии транса медиума сопровождают песни и музыка; медиум танцует, всячески изгибаясь, издавая пронзительные звуки, отдаёт приказы помощникам, раздаёт подарки певцам и собравшимся зрителям. Иногда медиум приказывает подать ему алкоголь, которым омывает лицо и руки, или же даёт выпить своим ассистентам “святую воду”, или же раздаёт сок бетеля, который нужно втереть на больной участок тела».²

Культ, о медиумах которого идёт речь, как часто указывают, имеет отношение к архаичному шаманизму. Этот культ известен как *бадонг* (bà ðồng): bà – «женщина, госпожа», ðồng – «медиум»,³ *лендонг хаубонг* (lên ðồng hầu bóng).⁴ Служители этого культа — в основном женщины (*бадонг* - bà ðồng), иногда — мужчины (*онгдонг* — ông ðồng). Медиумы, находясь в состоянии транса, выступают как прорицатели и знахари.

¹Hải Thượng Lãn Ông / Lê Hữu Trác. Thượng kinh ký sự (Записки о путешествии в столицу). — Тг. 21–22

²Dictionary of Vietnamese traditional culture (Словарь традиционной культуры Вьетнама) / Huu Ngoc ed.. — H: The gioi, 2012. — P. 197–198

³Ðồng - это кит. 童 - мальчик до 15 лет. «...Вероятно, что в начале в качестве медиумов использовались подростки. Они обладали такими преимуществами, как чистота и невинность, и их нельзя было обвинить в мистификации. Но постепенно подростки были вытеснены. С течением времени место молодых людей заняли взрослые, некогда руководившие сеансами. Для того, чтобы приобрести чистоту и невинность, необходимую для встречи духа, накануне сеанса соблюдали ритуалы очищения и приходили в состояние благодати». См. Миниатюрные сады стран дальневосточного культурного региона / Пер. с фр. Е.Ю. Кнорозовой. — СПб.: Наука, 2007 — С. 270

⁴Церемония нисхождения духа на медиума называется *лендонг* (lên ðồng «садиться на медиума»). Медиум выступает как лошадь, как верховое животное духа, теряя свою индивидуальность и предаваясь воле своего всадника. На какое-то время он становится самим духом. *Хаубонг* основывается на двух понятиях. Бонг (bóng) – «тень, призрак, дух», хау (hầu) - хозяин. Медиум - это отражение снизошедшего на него духа, он служит и повинуется им, как слуга, подчиняющийся приказам хозяина. См. Миниатюрные сады стран дальневосточного культурного региона. — С. 270–271

Медиумы поклоняются богатому пантеону духов и божеств, у которых они во время церемонии *лендонг* просят совета или помощи, в зависимости от пожеланий гостей. Впрочем, *бадонг* могут совершать ритуал и без зрителей: как утверждают они, служение духам и общение с ними — насущная потребность, ибо в противном случае высшие силы могут разгневаться и покарать не только самих медиумов, но и членов их семей. Сама церемония происходит следующим образом: медиум возжигает курения, подносит к алтарю жертвы (еда, фрукты, напитки, сигареты, деньги и пр.), просит духов о нисхождении. Затем медиум, находясь под действием возбуждающих веществ (табака, алкоголя) начинает петь и танцевать, ему аккомпанируют сидящие в храме музыканты, исполняя особые ритуальные гимны. Дух снизошёл — и медиум жестами даёт понять зрителям и помощникам, какой именно дух или божество воплотилось в нём. Помощники облачают медиума в одежды и надевают украшения, соответствующие данному божеству. Как уже отмечалось, приобретение специальных костюмов, как и ювелирных украшений, стоит немалых денег, и не все медиумы могут себе это позволить.

Практика передачи духовного опыта и подготовки медиумов-*бадонг* во Вьетнаме не прерывалась никогда, даже в годы «борьбы с суевериями» (1945–1986), возглавляемой Коммунистической партией Вьетнама. Отношение к *бадонг* смягчилось только после перехода страны на рельсы рыночной экономики.¹ Медиумы-*бадонг* до сих пор существуют в современном Вьетнаме и даже работают на правительство: используя свои способности воплощать в себе духов и божеств, общаться с духами погибших людей, они помогают определить местоположение останков павших в боях во второй половине XX века солдат и сообщают данные родственникам погибших.² Однако о бытовании данной практики во времена Поздних Ле сохранилось мало свидетельств, и как отмечает французский востоковед М. Дюран, упоминание Ле Хыу Чаком в «Записках» о

¹Laurel Kendall, *Vu Thi Thanh Tam, Nguyen Thi Thu Huong*. Three Goddesses in and out of Their Shrine (Три богини внутри и вне храма) // *Asian Ethnology Popular Religion and the sacred life of Material Goods in Contemporary Vietnam* / editors Benjamin Dorman, Scott Schnell/ vol. 67, Num. 2., 2008. — P. 224–225

²См. Talking to the dead in Vietnam (Общение с мёртвыми во Вьетнаме) <http://www.economist.com/node/21528658> (дата посл. обращения 29. 04. 2016)

встрече с женщиной медиумом является одним из немногих доказательств существования данной церемонии во времена династии Поздних Ле.¹

Ле Хыу Чак лишь один раз на страницах своего дневника упоминает о местной достопримечательности — храме в честь китайской императрицы и трёх её дочерей, которые покончили с собой, бросившись в море. Их тела доплыли до вьетнамской провинции Нгеан, общины Куиньлыу. Местные жители построили в их честь храм и стали поклоняться им:

«Утром двадцать третьего числа по лунному календарю мы дошли до моста Кимлан. Слуги, завидев на краю другого берега молельню, стали отбивать поклоны. Чиновник-вантхы промолвил:

— Тот храм построен в честь самого почитаемого духа провинции Нгеан. Я не отсюда родом, поэтому много о нём не скажу.

— В молодости мне доводилось бывать в здешних краях. Я расспрашивал местных старожил: жизнеописания духов, хоть и передаются из уст в уста, часто отличаются друг от друга. В «Истории династии Сун»² было сказано: потерпев поражение в битве с монголами,³ Чжан Шицзе⁴ сбежал с Чжао Бином,⁵ и оба встретили смерть в захлестнувшей их морской волне. Мать императора с двумя дочерьми схватились за обломок корабля. Деревенский житель, завидев их, на свой страх и риск бросился им на помощь. Ему удалось спасти несчастных. Позже спаситель влюбился в императрицу и затаил нечестивые помыслы. Однако та решительно отвергла его ухаживания. Устыдившись, он бросился в море. Императрица воскликнула: “Благодаря ему я смогла сохранить себе жизнь. И по моей вине он мёртв. Как могу я теперь спокойно жить после этого!” — и тотчас бросилась в море. Дочери, не в силах

---

¹Миниатюрные сады стран дальневосточного культурного региона. — С. 276

²Китайская династия Сун (960 – 1279). «История династии Сун» (кит. : 宋史— Сун ши) была написана во времена правления в Китае монгольской династии Юань (1279–1368)

³В 1279 г.

⁴Чжан Шицзе, кит. 张世杰 (?–1279), выдающийся полководец и сановник при дворе династии Южная Сун (1127–1279)

⁵Чжао Бин (кит. 赵昺) — последний китайский император династии Южная Сун (1272–1279)

вынести обрушившегося на них несчастья, отправились вслед за матерью. Женщины превратились в духов, и люди стали поклоняться им и построили в их честь храм».¹

Французский востоковед Р. Стейн также представил несколько версий этой легенды:

«Четыре Святые Матушки, мать и три дочери, китайские принцессы, уцелели во время кораблекрушения. Они выбрались на берег возле некой пагоды, и монах накормил их. Они были очень красивы. Монах почувствовал желание и ночью попросил позволения соединиться с ними. Женщины, решив остаться целомудренными, отказали. Монах с досады утопился. Дамы, глубоко опечаленные тем, что явились причиной смерти своего благодетеля, утопились тоже. Их трупы прибыли в Аннам [Вьетнам — Ц. К]. Местные жители, увидев, что трупы не изменились, а выглядят словно живые люди, сочли их духами. Они воздвигли в их честь пагоду, куда стали приходить путешественники и просить, чтобы успокоились бури. Далее [в “О тяу кан лук” — “Новые записи о провинции О”] следует... фраза, которую можно попытаться перевести так: “Жители, следующие древним обычаям, очень невежественны. Почитание этих духов сопровождается непристойностями — какое извращение!”. Согласно другой версии, у королевы было две дочери и не было сына. Поэтому её хотели заменить наложницей. Однако король, перед тем как принять решение, захотел подождать того момента, когда королева разрешится от бремени. Королева родила мальчика, но повивальная бабка отрезала ему сексуальный орган. Когда король узнал, что сын не сможет продолжить династию, он пришёл в ярость и изгнал королеву вместе с ребёнком, поселив их на морском острове. Мёртвая королева оказалась у аннамитского берега. Явившись во сне рыбаку, она поведала ему, что должна стать духом в Аннаме. Рыбак выстроил в честь неё пагоду, где во все года совершались жертвоприношения, сопровождавшиеся танцами с красными цветами».²

---

¹*Hải Thượng Lãn Ông / Lê Hữu Trác. Thượng kinh ký sự (Записки о путешествии в столицу). — Тг. 26–27*

²См. Миниатюрные сады стран дальневосточного культурного региона. — С. 193–194

Эта история — яркий пример почитания божеств, приплывших по воде. Вполне возможно, что во Вьетнаме, по сути, аграрной стране, где рис выращивается в воде, от уровня которой зависел будущий урожай, эта стихия получила особое обожествление, поэтому приплывшие тела или расцениваемые как «чудесные, необычные» предметы могли рассматриваться как требовавшие поклонения материализовавшиеся духи. В «Фольклоре в Ветхом Завете» Дж. Дж. Фрэзер указывает на распространённость мотива спасения из воды выдающихся исторических персонажей, которым приписывались чудесные способности (например, библейский Моисей, чьё имя происходит от еврейского «*maschah*» — *вытаскивать*; Ромул и Рем и др.). Дж. Дж. Фрэзер связывает веру в необыкновенные способности спасшихся из воды героев с пережитком древнего обычая, когда законнорожденность ребёнка проверяли «водой». Если ребёнку удавалось выжить, то тогда в глазах людей он, считалось, подтвердил свою «законность».¹ Во Вьетнаме «приплывшие» герои только после смерти пользуются почитанием, став духами-покровителями данных местностей. Им также приписываются сверхъестественные способности или с ними связаны необычные явления. Например, легендарные сёстры-воительницы Чынг, возглавившие восстание (40–43 гг. н.э.) против господства китайской династии Хань,² почитаются как податели дождя: «В 1142 г. при императоре Ли Ань-тонге в столичном поселении Донгнян в честь них был сооружён поминальный храм, с которым связано следующее предание. Однажды ночью в начале второго месяца по лунному календарю две статуи сестёр Чынг прибило течением к местечку Донгнян. Статуи испускали яркое сияние. Удивившись, местные жители с почестями вытащили их на берег. Когда известие о случившемся дошло до императора Ли Ань-тонга, он приказал соорудить храм в честь сестёр воительниц прямо на том же месте».³

---

¹См. Фрэзер Д. Д. Фольклор в Ветхом завете. [Пер. с англ.] [Предисл. и коммент. С.А. Токарева]. — 2-е изд., испр.. — М.: Политиздат, 1985. — С. 314–319

²Династия Хань — 206 г. до н.э. – 220 г. н.э.

³См. Кнорозова Е. Ю. «Плавающие» божества в традиционных культурах Кореи и стран Юго-Восточной Азии // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 7 / под ред. С.О. Курбанова. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. — С. 49

Таким образом, можно утверждать, что «Записки о путешествии в столицу» Ле Хью Чака вписываются в рамки данного жанра, распространённого в дальневосточном культурном регионе. Все рассмотренные путевые заметки были написаны на *вэньяне* и его региональных вариантах; повествование в основном датировано; везде встречаются аллюзии на литературные китайские произведения; все авторы демонстрируют превосходное знание китайской истории и культуры и владение изящным слогом; во всех дневниках (кроме «Записок о прогулке к горе Фаттить» Фам Динь Хо) присутствуют стихотворения: как понравившиеся авторам, так и их собственного сочинения.

В дневнике Ле Хью Чака запечатлены его воспоминания о времени, проведённом как в столице, так и по пути в Тханглонг; и связанных с этим временем встречах с друзьями, повседневных делах, ощущениях. Медик мало упоминает об интересных с точки зрения путешественника местных достопримечательностях — это и отличает «Записки о путешествии в столицу» от прочих произведений данного жанра. Гораздо большее место (по сравнению с рассмотренными выше путевыми заметками) занимают сочинённые Ле Хью Чаком стихи.

На страницах своего дневника, предназначенного не только для него самого, но и учеников, медик представляет свои взгляды на жизнь: не раз он напоминает о суетности мирской славы, почестей. Ле Хью Чак откровенен: так, он упоминает о встрече с монахиней, которая в далёком прошлом была с ним помолвлена. Вполне возможно, что сам медик девушку никогда не видел: договориться о помолвке и свадьбе молодых могли их родители. В молодости Ле Хью Чак пережил не только смерть отца и брата, но и болезнь; он служил в армии, участвовал в боевых действиях — в *Дангнгоае* крестьянским восстаниям не было числа, и многим в те времена приходилось покидать родные места и бежать, спасаясь от сокрушающей всё на своём пути междоусобной войны. Многие семьи оказались разлучены — поэтому не представляется удивительным, что Ле Хью Чак о молодой невесте «забыл». Только много лет спустя он её случайно встретил — в столице. Поняв, что перед ним — бывшая невеста, медик предпринял попытки загладить свою

вину, о чём откровенно и говорит в своём дневнике. Ле Хыу Чак чувствует свою ответственность за судьбу бывшей невесты, ведь она так и не смогла выйти замуж и ушла в монастырь.

Ле Хыу Чак, делаясь на страницах дневника своими мыслями и убеждениями, не навязывает их читателю, а скорее склоняет последнего принять образ мыслей медика: откровенность автора подкупает, и читающему дневник сложно не симпатизировать порой лукавому, но открытому и сочувствующего чужим горестям врачу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Записки о путешествии в столицу» Ле Хыу Чака имеют ряд схожих черт с произведениями данного жанра в дальневосточном культурном регионе: дневник был написан на вьетнамском варианте *вэньяня* (*ханване*), повествование по большей части датировано. В дневнике встречаются отсылки к историческим деятелям, поэтам и литературным произведениям Китая, в «Записках» много сочинённых автором стихов. Ле Хыу Чак, как и другие авторы дневников этого региона, приводит достаточно подробные сведения о тех, с кем ему довелось встретиться как в столице, так и во время самого путешествия в Тханглонг. Обычно всегда упоминаются чиновничья должность, титул, место рождения посетителя или собеседника Ле Хыу Чака.

В «Записках о путешествии в столицу» изложены взгляды автора на жизнь в целом. Дневник писался не только развлечения ради, но для потомков. Автор прямо указывает в конце своих записок: *«В свободное время, наслаждаясь вином и музыкой, веду записки о том, что было — от начала и до самого конца, дабы могли мои заметки послужить уроком для потомков. За основу поведения в жизни следует взять такой принцип: “уметь приспособливаться к обстоятельствам и довольствоваться тем, что имеешь, знать меру и вовремя останавливаться, никогда не жадничать — и почитать это за добродетель”»*.¹ К тому же дневник был включён Ле Хыу Чаком в состав «Суждений об истоках врачевания Хайтхыонга», предназначенных для молодых поколений медиков.

Автора часто навещали представители высших служилых слоёв общества, а Хоанг Динь Бао, речь о котором шла в **Главе I**, является одним из основных действующих лиц повествования. Ле Хыу Чак много описывает развлечения образованных мужей. В основном досуг медик проводит за сочинением с высокопоставленными посетителями стихов. В «Записках о путешествии в

---

¹*Hài Thượng Lãn Ông / Lê Hữu Trác. Thượng kinh ký sự (Записки о путешествии в столицу). — Тт. 199–200*

столицу» показана повседневная жизнь в Тханглонге, крупнейшем городе Вьетнама той эпохи, представителя интеллектуальной элиты времён династии Поздних Ле.

Автором данной дипломной работы были переведены шесть глав из десяти. В **Главе I** повествуется о получении Ле Хыу Чаком приказа *т ю а* Чинь и его практически двухнедельном пути в столицу. В **Главе II** Ле Хыу Чак рассказывает о первом дне в Тханглонге и об осмотре Чинь Кана. **Главы III и IV** посвящены описанию занятий Ле Хыу Чака в столице. В **Главе VI** медик встречает монахиню, которая, как оказалось, в далёком прошлом была с ним помолвлена. В **Главе X** Ле Хыу Чак описывает путь из Тханглонга на родину. Автор данной дипломной работы надеется, что переведённые главы из «Записок о путешествии в столицу» смогут послужить материалом как при изучении традиционной вьетнамской прозы, так и для исследований повседневной культуры времён династии Поздних Ле.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Литература на русском языке:

1. *Александрова Н.В.* Путь и текст. Китайские паломники в Индии.— М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2008
2. *Алимов И. А.* Лес записей: Китайские авторские сборники X–XIII вв. в очерках и переводах. — СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2009
3. Антология традиционной вьетнамской мысли: X – начало XIII вв. — М., 1996
4. *Балика З.С., Балика А.Д.* Сравнительный анализ понятий «дневники» и «воспоминания» // Воспоминания и дневники как историко—психологический источник: материалы XXIX Междунар. Науч. Конф. – Санкт Петербург, 16–17 мая 2011г. — СПб: Полторак, 2011
5. *Васильев Л.С.* Культы, религии, традиции в Китае. 2-е изд. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001
6. Введение в востоковедение: Общий курс.— СПб.: КАРО, 2011
7. *Виногородская В. Б.* Чжан Чао. Тени отрешенных снов//Человек и культура Востока: Исследования и переводы — 2012 / сост. и отв. ред. В. Б. Виногородская. — М.: ИДВ РАН, 2014
8. *Волков С. В.* Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке.— М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999
9. Восточная поэтика: Тексты. Исследования. Комментарии. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996
10. *Горегляд В.Н.* Дневники и эссе в японской литературе X–XIII вв. — М.: изд-во «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1975
11. *Горегляд В.Н.* Классическая культура Японии: Очерки духовной жизни. — СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2006
12. *Гране М.* Китайская мысль от Конфуция и Ляоцзы / Марсель Гране. / пер. с фр. В. Б. Иорданского/. — М.: Алгоритм, 2008

13. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Т. 1. Философия. — 2006
14. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Т. 2. Мифология. Религия. — 2007
15. Духовная культура Китая: энциклопедия: 5 т. / Т. 3. Литература. Язык и письменность. — 2008
16. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Т.5. Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. — 2009
17. История Вьетнама. Пер. с вьет. / [Отв. ред. С.А. Мхитарян]. — М.: Наука, 1983
18. И-Цзин: древняя китайская «Книга Перемен». — М. : Эксмо, 2009
19. *Калмыкова О.Л.* Врачевание во Вьетнаме: традиции и современность: Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата медицинских наук. — М., 1993
20. Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. [Переводы /Вступит. статьи С. Серебряного и др.; Примеч. С. Серебряного и др.]. — М.: Худож. лит., 1977
21. *Кнорозова Е. Ю.* Мифы и предания Вьетнама. — СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2000
22. *Кнорозова Е. Ю.* «Плавающие» божества в традиционных культурах Кореи и стран Юго-Восточной Азии // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 7 / под ред. С.О. Курбанова. — СПб.: Изд-во С. - Петерб. ун-та, 2004
23. *Кнорозова Е.Ю.* Путевые заметки Фам Динь Хо (конец XVIII в.) // Петербургское востоковедение. Вып. 4. — СПб., 1993
24. *Кнорозова Е. Ю.* Странствия в бесконечном: Вьетнамская традиционная проза малых форм / Е. Ю. Кнорозова; рук. проекта Н. В. Колпакова; отв. ред. В. П. Леонов; предисл. Т. И. Виноградовой. — СПб.: БАН; Альфарет, 2009

25. Конфуций. Изречения. Книга песен и гимнов. — Харьков: Фолио; М.: ООО «Издательство АСТ», 2000
26. Лукьянов А. Е. Начало древнекитайской философии («И цзин», «Дао дэ цзин», «Лунь юй»). — М.: «Радикс», 1994
27. Малявин В.В. Китайская цивилизация.— М.: «Издательство Апрель», ООО «Изд-во АСТ», Издательско-продюсерский центр «Дизайн. Информация. Картография», 2000
28. Миниатюрные сады стран дальневосточного культурного региона / Пер. с фр. Е.Ю. Кнорозовой. — СПб.: Наука, 2007
29. Мифы народов мира. Энциклопедия. (В 2 томах). Гл. ред. С.А. Токарев. — М.: «Советская Энциклопедия», 1988. — Т. 2. К—Я.
30. Мурасаки С. Повесть о Гэндзи: [в 3 т.] / Т.1. Мурасаки Сикибу; [пер. с яп., вступ. ст., прил. и коммент. Т. Л. Соколовой-Делюсиной]. Изд. 2-е, перераб. и доп. — СПб: Гиперион, 2010
31. Нгуен Ван Хоан. Столетие народных восстаний и развитие национальных художественных традиций во Вьетнаме XVIII – начала XIX в. // Традиционное и новое в литературах Юго-Восточной Азии. — М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1982
32. Никулин Н.И. Вьетнамская литература X-XIX вв. — М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1977
33. Новая история Вьетнама. — М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1980
34. Поэзия эпохи Тан (VII—X вв.): Пер. с кит./Ред. кол. Л. Делюсин, Т. Редько, В. Сорокин и др.; Сост. и вступ. статья Л. Эйдлина.— М.: Худож. лит., 1987
35. Серебряков Е.А. Путевой дневник «Юйи чжи» известного сунского литератора Оуян Сю (1007–1072) // Вопросы филологии стран Азии и Африки. Вып. 2. — Л., 1973
36. Сидихменов В. Я. Китай: страницы прошлого. — М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1974

37. *Сыма Цянь*. Исторические записки: Ши цзи. [В 9 т.]. Т.8 / Пер. с кит. Р. В. Вяткина и А. М. Карапетьянца, коммент. Р. В. Вяткина и А. М. Карапетьянца, вступ. ст. Р. В. Вяткина. — М.: Вост. лит., 2002. — (Памятники письменности Востока: Осн. В 1965 г.; XXXII, 8)
38. *Торопцев С. А.* Жизнеописание Ли Бо, поэта и небожителя / Сергей Торопцев; Российская акад. наук, Учреждение Российской акад. наук Ин-т Дальнего Востока РАН.— М.: ИДВ РАН, 2009
39. *Торчинов Е.А.* Буддийская школа Тхиен (становление и история развития) // Кунсткамера. Этнографические тетради. Выпуск 2–3. — СПб., 1993
40. *Торчинов Е. А.* Даосизм. «Дао-Дэ цзин». 2-е изд. / Пер. Е. А. Торчинова. — СПб.: «Азбука-классика»; «Петербургское Востоковедение», 2004
41. *Троцевич А.Ф.* История корейской традиционной литературы (до XX в.). — СПб.: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 2004
42. Удивительные истории нашего времени и древности: Избранные рассказы из сборника XVII в. «Цзинь гу цигуань»/ Перевод, [послесл., с. 271-290] и примеч. И.Э. Циперович; Акад. наук СССР. — Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1954
43. *Федорин А. Л.* К вопросу о государственном аппарате и системе власти в северном Вьетнаме в XV–XVIII вв./ сборник «Феномен восточного деспотизма. Структура управления и власти». — М., 1993
44. *Фрэзер Д.Д.* Фольклор в Ветхом завете. [Пер. с англ.] / [Предисл. и коммент. С.А. Токарева]. 2-е изд., испр. — М. : Политиздат, 1985
45. *Цао Сюэ-цин*. Сон в красном тереме: [Роман] / Пер. с кит. В.А. Панасюка; [Вступ. статья Н.Т. Федоренко Коммент. В.А. Панасюка и Л.Н. Меньшикова]. Т. 1.— Москва : Гослитиздат, 1958
46. Чжуан-цзы. Ле-цзы / Пер. с кит., вступ. ст. и примеч. В. В. Малявина. — М.: Мысль, 1995
47. «Шихуа о том, как Трипитака Великий Тан добыл священные книги». — М.: Изд-во «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1987

48. Шицзин. — М., Изд. АН СССР, 1957

49. Элиаде М. История веры и религиозных идей. В 3 т. / Т. 2.: От Гаутамы Будды до триумфа христианства. Перев. с фр. — М., Критерион, 2002

50. Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. — М.: Политиздат, 1991

Литература на английском языке:

51. Dictionary of Vietnamese traditional culture (Словарь традиционной культуры Вьетнама) / Нун Ngoc ed. — Hà Nội: The gioi, 2012

52. Laurel Kendall, Vu Thi Thanh Tam, Nguyen Thi Thu Huong. Three Goddesses in and out of Their Shrine (Три богини внутри и вне храма) // Asian Ethnology Popular Religion and the sacred life of Material Goods in Contemporary Vietnam / editors Benjamin Dorman, Scott Schnell/ vol. 67, Num. 2, 2008

53. To live as long as Heaven and Earth: A translation and study of Ge Hong's Traditions of Divine Transcendents (Жизнь , длиной подобная Земле и Небесам: перевод и исследование сочинения Гэ Хуна «Жизнеописания святых-бессмертных»). — By Robert Ford Campany. Daoist Classics 2. — Berkeley: University of California Press, 2002

54. Vietnamese traditional medicine (Традиционная вьетнамская медицина) / [Trần Đoàn Lâm]. — Hà Nội: Thế giới, 1999

Литература на французском языке:

55. Đăn.g Phuong Nghi. Les institutions publiques du ViêtNam au XVIIIe siècle (Общественные институты во Вьетнаме в XVIII веке). — Paris: École française d'ExtrêmeOrient. Т. 64, 1969

56. Gaspardone E. Bibliographie annamite (Аннамитская библиография). — Hanoi: Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient. Т. 34, 1934

57. Maurice M. Durand et Nguyen Tran Huan. Introduction à la littérature vietnamienne (Введение во вьетнамскую литературу). — Collection Unesco d'introduction aux litteratures orientales. — Paris: G. P. Maisonneuve et Larose, 1969

58. Nguyen Tran Huan. La médecine vietnamienne au XVIIIe siècle, texte original de Pham Đình Ho, extrait du «Vu Trung Tuy But» (Вьетнамская медицина в

XVIII веке, текст Фам Динь Хо из сборника «Записи вслед за кистью, сделанные во время дождя»). — Hanoi: Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient. T. 60, 1973

59. Thuong kinh kysu = Relation d'un voyage a la capitale (Записки о путешествии в столицу) / Lan Ong; traduction et annotations par Nguyen Tran Huan. — Paris: Publications de l'Ecole française d'Extrême-Orient. T. 87, 1972

Литература на вьетнамском языке:

60. *Đỗ Ngọc Thuận*. vở ca kịch lịch sử Hải Thượng Lãn Ông (Исторический спектакль в честь Хай Тхыонг Лан Онга) // Hội đồng y Việt Nam. Viện nghiên cứu đông y. — Hà Nội, 1971

61. *Hải Thượng Lãn Ông / Lê Hữu Trác*. Hải Thượng Y Tông Tâm Lĩnh (Суждения об истоках врачевания Хайтхыонга). — Hà Nội, 2014

62. *Hải Thượng Lãn Ông / Lê Hữu Trác*. Thượng kinh ký sự (Записки о путешествии в столицу) / Phan Võ dịch. — Т.Р. Hồ Chí Minh: Trẻ; Gia Lai: Nxb. Hồng Bàng, 2012

63. *Nguyễn Văn Thang*. Hải Thượng Lãn Ông và tác phẩm Lãn Ông Tâm Lĩnh (Хай Тхыонг Лан Онг и труд Лан Онга Тамлинь). — Hà Nội, 1998

64. *Phạm Đình Hồ - Nguyễn Ân*. Tang Thương Ngẫu Lục (Записки о том, как тутовые посадки превращаются в синее море). — Hà Nội: Khoa học Xã Hội, 2016

65. *Phạm Đình Hồ*. Vũ trung tùy bút (Записки вслед за кистью, сделанные во время дождя). — Hà Nội, 1960

66. Thân thế và sự nghiệp, y học của Hải Thượng Lãn Ông (Жизнь и врачебная деятельность Хай Тхыонг Лан Онга). — Hà Nội, 1966

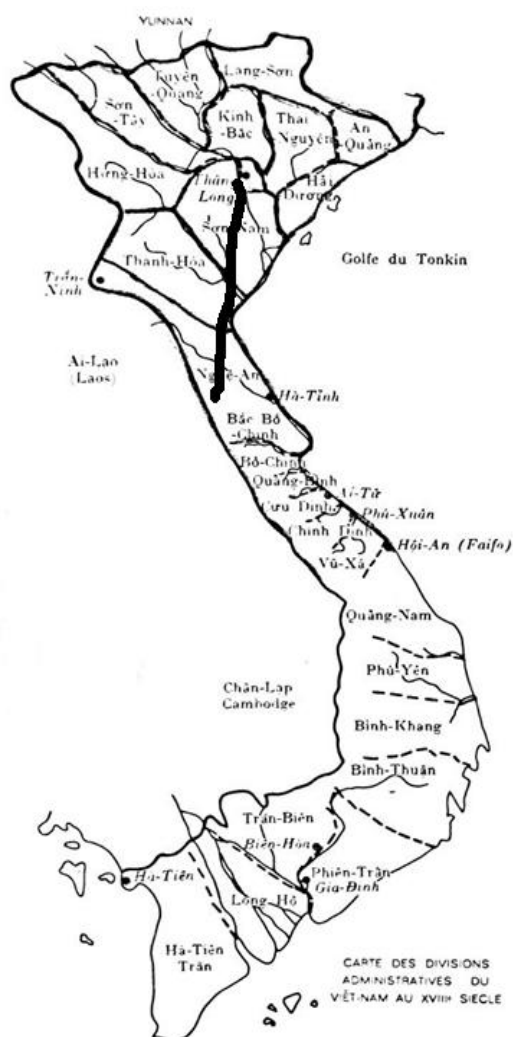
Сетевые ресурсы:

67. *Huu Ngoc*. «Monsieur le Paresseux» Hai Thuong Lan Ông, toujours actuel («Ленивый старец» Хай Тхыонг Лан Онг современен всегда) // <http://lecourrier.vn/monsieur-le-paresseux-toujours-actuel/111550.html> (дата посл. обращения 29.04.2016)

68. Talking to the dead in Vietnam (Общение с мёртвыми во Вьетнаме)
<http://www.economist.com/node/21528658> (дата посл. обращения 29.04.2016)

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. КАРТА ВЬЕТНАМА В XVIII ВЕКЕ

Чёрным на карте отмечен путь Ле Хыу Чака в Тханглонг (совр. Ханой)

См. *Đãn, g Phuong Nghi*. Les institutions publiques du ViêtNam au XVIIIe siècle (Общественные институты во Вьетнаме в XVIII веке). — Paris: École française d'ExtrêmeOrient, T. 64, 1969

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ГЛАВА I. ПОКИДАЯ РОДНЫЕ КРАЯ, ЕДУ В СТОЛИЦУ

Это случилось в год под циклическими знаками *ням-зан*, в сорок третий год под девизом правления *Кань-хынг*, ранней весной — в месяц, когда на деревьях перед флигелем *Учай*, местом моих занятий и медитаций, распускаются источающие сладкие ароматы цветы и появляются первые плоды... В это же время года в пруду, в самом конце сада, резвятся глупые рыбки — они играют с отражением светил, принимая их, видимо, за наживку, а звонкоголосые птички щебечут в прохладных зарослях. Ну а я, чтобы развеять скуку, со своими юными учениками совершаю прогулку в горы, где мы наслаждаемся туманными пейзажами. Или ловлю рыбу у павильона *Нгеньфонг*, а близ хижины *Тихуен* медленно перебираю струны лютни, или же во дворе павильона *Тойкуанг* читаю книги и дремлю за шахматной доской в зале *Зитян*. Весело! Вечерами, уже немного пьяный, возвращаюсь домой.

И вот в **двенадцатый день того месяца** ко мне явились двое посыльных с письмом от чиновника-*тхычана*. Не подозревая даже, по какому делу я мог понадобиться столь высокопоставленному лицу, распечатал конверт, в котором обнаружил два листа. Первый был копией Высочайшего указа:

«Приказываю заместителю министра Военных дел Чатьчунг-хау¹ донести до сведения чиновника-тхычана провинции Нгеан Конлин-хау Наш приказ: срочно найти господина Ле Хыу Чака, сына министра из рода Ле, также известного как Седьмой сын сановника, родившегося в общине Лиуеса, уезда Дыонгхао, живущего сейчас на родине своей матери в общине Тиньзьем уезда Хыонгшон.

Когда сей господин будет найден, приказываю отправить солдат из округа для его охраны и сопровождения в столицу, где он будет ожидать наших дальнейших распоряжений.

Приказ подписан

29 числа 11 лунного месяца 42-го года под девизом правления Кань-хынг».²

Другой листок содержал послание от самого чиновника-*тхычана*:

«Слава о талантах провинциального врачевателя дошла до Столицы, с чем и поздравляю Вас от всей души».

И там же:

«Как только получите Высочайший приказ — немедленно отправляйтесь в путь. В Виньзине³ Вас будут ждать солдаты».

Один из посыльных тихонько шепнул мне:

— Это сановник-*тяньдыонг* посоветовал Двору отправить за Вами: наследный принц давно страдает от тяжёлого недуга, и никто до сих пор не смог его вылечить — теперь вся надежда на Вас. Да, это задача не из простых! Поэтому отправиться в столицу нужно как можно скорее.

---

¹Хау — титул, весьма приблизительно соответствующий европейскому титулу «маркиз»

²Приказ был подписан 29 числа 11 лунного месяца 1781 года, а Ле Хыу Чак получил его только 12 числа первого месяца по лунному календарю 1782 года — таким образом, на его доставку из Ханоя до провинции Нгеан (300 км) потребовалось 40 дней

³Административный центр провинции Нгеан

Я растерялся. Родные и близкие, хорошо меня знающие, так же встревожились бы. Посторонний человек, не знакомый с моими убеждениями и взглядами на жизнь, порадовался бы предстоящей поездке, связав с ней надежды достичь в столице успеха и извлечь для себя пользу.

Я помнил сановника-*тяньдыонга*: около четырёх-пяти лет тому назад он занимал высокую должность в провинции Нгеан, и мне пару раз доводилось его лечить. Сановник был очень гостеприимен и обходился со мной как с самым дорогим гостем: щедро поил и кормил, даже усадил рядом со своей циновкой. После блестящей победы в морском сражении сей господин получил нынешнее назначение — при дворе он пользовался бесконечным доверием правителя. Узнав о таком возвышении, я долго не мог успокоиться, не раз повторяя ученикам: «Рано или поздно и мне придётся уехать в Тханглонг и забыть в городской суете и блеске столичной жизни о счастливых безмятежных временах, предав память о родных краях!»

Вот так оно и вышло. Как жаль, что не ушёл я от мирской суеты и не жил отшельником! Ведь благородный муж, обладающий дарованиями *Вэнь-вана*, должен быть скромным не только с другими, но и с самим собой. Однажды кто-то, пытаясь меня утешить, сказал: «Вы получили прекрасное образование, Ваши познания в медицине глубоки и обширны, Вы сами человек выдающихся талантов. Раз уж не получилось стать знаменитым полководцем, то почему бы тогда не прославиться как величайший медик? Скрыть блики и похоронить свет — это действительно благородно. Однако же слава о Вас дошла до самих Восточных палат — не это ли знак высочайшей милости и благодати?» На это я удручённо ответил: «Вот взгляните на то дерево — на нём растут прекрасные цветы. И что же? Их срывают. А что тогда происходит с людьми, которые пользуются брэнной мирской славой? Они чахнут. Так что может быть приятнее бегства от подобной славы?»

Ночью мне, встревоженному, так и не удалось сомкнуть глаз, и я говорил с собой вслух: «Юные годы я провел в упражнениях с мечом и чтении классических трудов древности. Пятнадцать лет скитался по стране и так и не смог скопить добра. Избегая мирских почестей, построил хижину в Хыонгшоне, чтобы быть рядом с престарелой матерью и ухаживать за ней и читать в тишине классиков. Здесь же пристрастился к изучению трудов *Хоанг Де* и *Ки Ба*. Я помогал, как мог, другим, и верю, что лучшей жизни и не могло быть! Кто бы мог подумать, что мирская слава и тут найдёт меня и не даст покоя!»

После некоторых размышлений я принялся утешать себя: «Последние тридцать лет я посвятил изучению медицины, но работа над *«Тамлинем»* ещё не завершена, а он принесёт пользу многим больным. Однако стар я уже и слаб, а поездка эта отнимет остатки здоровья и сил. Если Небеса помогут мне, я смогу закончить свой труд».

Обрадовавшись, тотчас же сел за ответ чиновнику-*тхычану*, давнему знакомому: писал я, что по старости и слабости не смогу пуститься в столь дальний путь из провинции до столицы, и просил его предоставить официальное разрешение, освобождающее меня от изнурительной обязанности ехать в Тханглонг.

Ответ пришёл на следующий день: «*Провинциальное начальство уже отправило за Вами лодку. Срочно выезжайте. За промедление Вы можете быть наказаны*».

Домашние были одного с чиновником мнения — так что, поскольку откладывать поездку я больше не мог, пришлось объявить ученикам о предстоящем отъезде. **Четырнадцатого числа первого месяца по лунному календарю** мы совершили обряд жертвоприношения мудрецам древности и исполнили ритуальные гимны.

Шестнадцатого числа в честь предстоящего отъезда ученики устроили прощальный пир — много песен было ими спето. На следующий день, **семнадцатого числа по лунному календарю**, я собрал вещи: одна сумка — для книг, в другую положил меч и дан.¹ Гостей в доме было много, некоторые из них выразили желание доплыть на лодках до Виньзиня, где меня уже ожидали солдаты провинции. С наступлением темноты мы, наконец, отправились в путь.

---

¹Дан — музыкальный инструмент

Любуясь ночным пейзажем, я почувствовал внезапный прилив вдохновения и сложил такие стихи:

*Поток, отчего ты так мчишься проворно?
Ведь путник бежать не мечтает!
Горы с течением быстро плывут,
Весло продолжает всё так же свой ход.
Парящие в небе птицы будто кричат мне: «Прощай»,
Плывущие вслед за лодкой рыбки словно желают проводить меня.
Деревья в горах Хыонгшон спрятались в тумане,
Который исчезнет с восходом солнца.*

Луна ярко освещала нам путь. Оба берега реки безмолвствовали — не было ни души, лишь собаки лаяли нам вслед. Лодка покачивалась в речных волнах. Где-то вдалеке был монастырь — звон колокола едва доносился до нас. Туман заполнил всё вокруг, лишь изредка в нём вспыхивали огоньки лодок. В небе бесшумно парили дикие птицы. Мои попутчики пытались прогнать скуку вином. Я же, чтобы выразить охватившие душу чувства, написал стихотворение:

*Спокойно плыву по течению,
Поэтическое вдохновение странника наполняет пейзаж.
Дует ветер и колышет он парус.
Плотный туман отпугивает поющих ласточек.
Едва слышны звуки гонга в монастыре, что на холодной горе,¹
У далёкого причала поют рыбаки.
Вот ночь пройдёт —
Что же ожидает нас утром?*

С первыми петухами лодка приплыла в Виньзинь. Остановились в порту — времени на отдых было не очень много. **Восемнадцатого числа первого месяца по лунному календарю** мы сошли на берег и отправились на поклон к чиновнику-*тхычану*. Он долго ждал моего приезда, однако ему пришлось уехать в родную деревню — близилась годовщина смерти предков. Перед отъездом он велел подчинённым отобрать для меня солдат и выделил средства на дорожные расходы — пять связок монет.² Встретивший нас чиновник-*вантхы*³ передал мне, помимо денег, подарок от чиновника-*тхычана* и сказал, что тот приказал отобрать для сопровождения ещё двадцать солдат.

Вместе с чиновником-*вантхы* мы должны были отправиться в путь ранним утром **двадцатого числа по лунному календарю**, однако из-за нехватки на всех солдат продовольствия с поездкой пришлось повременить, поэтому тронулись только после полудня. Вечером того же дня мы прибыли в деревню Кимкхе, также известную как Куанми, где и остановились на ночь. Чиновник-*вантхы* провёл церемонию жертвоприношения в храме покровителя деревни, куда созвал танцоров и певцов, и пригласил меня посидеть с ним. Там была женщина — она двигалась и говорила так, словно была в забытьи; кто-то шепнул, что эта *бадонг* весьма опытна и одарённа. Мне посоветовали обратиться к ней: мол, почему бы не помолиться за исполнение своих желаний в предстоящей поездке в столицу? Я же ответил: «Нет ничего удивительного в том, что любой человек хочет исполнения задуманного и не желает встречаться с неудачами и препятствиями на своём пути. Если кроме этого желания других у

¹Намёк на строчку из стихотворения «Ночью причалил к берегу у Кленового моста» китайского поэта времён династии Тан (618-907) Чжан Цзи (768–830): «Вне стен городских, над Сучжоу-Гусу — Холодной Горы монастырь... // Полночью гул колокольный настиг скитальца в недвижимом челне ... (пер. Б. Мещерякова)

²В одной такой связке — 600 монет. Вьетнамские монеты (как и китайские) были круглой формы с квадратным отверстием посередине. Через это отверстие монеты нанизывались на нитки. Каждая связка весила около 1, 45 кг

³Чиновник-*вантхы* — правитель уезда

меня нет, чего же мне ещё просить?» *Бадонг*, поняв намёк, мягко улыбнулась, а чиновник-*вантхы* рассмеялся и сразу же вышел. Вскоре все разошлись по домам.

Ранним утром **двадцать первого числа по лунному календарю** мы продолжили путь; всю дорогу моросил мелкий и промозглый, похожий на снег, дождь. Впереди виднелись горные вершины — такие высокие, что даже захватывало дух. Неровные ухабистые дороги то и дело срывались в пропасть. Ехать было трудно. Я не удержался и продекламировал:

*Смотришь на юг — и высятся тысячи чёрных гор.
О, как жаль странников — ведь они в самом центре такой темноты!*

Мы двигались в сторону гор Камшон. Пересекли вброд реку Кам, уже собираясь выйти к пристани Тхиет, однако же испарившаяся морская вода поднялась вверх — и образовался туман, из-за которого невозможно было что-либо разглядеть. Совсем как в стихотворении:

*В ста шести горных цепях
Как указать дорогу монаху?*

И через пять шагов ничего не изменилось: ни людей, ни предметы — ничего не разглядеть. Лишь слышались крики птиц и гиббонов. В туманном пейзаже с подёрнутыми дымкой и оттого едва видимыми горными пиками было своё очарование. Это взволновало меня. Я подумал, что уже как тридцать лет уподобляю славу и мирские почести потоку воды. Праздно проводя время в прогулках по родным горам и лесам, я даже предположить не мог, что когда-нибудь мирская суета всё-таки доберётся и до меня и разбередит мне душу! Если бы я жил как истинный мудрец-отшельник, то не оказался бы в нынешнем положении. Я сложил стихотворение, чтобы передать охватившие меня от этих мыслей чувства:

*Я ушёл от мира и изучал медицину, чтобы укрепить свой дух.
Мне не нужно было богатств — так мог ли я бояться нищеты?
Среди лесов и прозрачных ручьёв хотел я завершить путь трёх перерождений.
Однако я не мог послушаться приказа — пришлось ступить на путь длиною в десять тысяч ли.¹
Мой багаж, вмещающий облака и туманы, обременяет повозку;
Горы да обезьяны, дикие птицы сопровождают странника.
О, вот она, мирская слава!
Одного боюсь — смутиться и показаться неучтивым нашему Правителю.*

Поздним вечером того же дня мы добрались до рынка Донглуи, где решили остаться на ночь. Я попросил одного из сопровождающих передать чиновнику-*вантхы* моё пожелание отправиться дальше, а встретиться на рынке Хоангмай. Чиновник согласился: здесь у него были кое-какие незаконченные дела, и он хотел немного задержаться.

Я отправился в путь. Высившиеся на западе бесконечные горные цепи то исчезали в облаках, то появлялись вновь. Бело-золотистые цвета заходящего солнца ещё больше украшали пейзаж. Добравшись до гор Лонгшон, я увидел окружённое пышной зеленью местечко причудливой формы. Там было прохладно и свежо. Низко расположенные плоские камни походили на стол. Решив немного прогуляться, я приказал слугам остановить паланкин. На отвесной скале я начертал сии строки:

*Монастырь стоит на обрыве горы,
Колокольня его жмётся к склону скалы;*

¹Ли — мера длины, примерно 500 метров. Иносказательно «десять тысяч ли» выступают в значении очень долгого и трудного пути

*Мелкий дождь омывает весенние деревья и цветы,
Грозовые тучи окрашивают тени в розовый цвет. Прячась за макушками
Вечерних сосен, солнце заходит. Кто-то читает стихи.
Пташки на все лады поют в лесу.
Я же теряю силы в пути, повинуюсь Высочайшему указу;
Сколько же огорчений выпало на мою долю! О, бедный Лан Онг!*

На рынке Хоангмай я остался на ночь. Чиновника-вантхы не было. Только на следующий день, уже после полудня, он догнал нас в пути. Чиновник объявил, что солдат, набранных из уездов по приказу чиновника-тхычана, недостаточно, чтобы продолжить путь — нужны новые люди.

Утром двадцать третьего числа по лунному календарю мы дошли до моста Кимлан. Слуги, увидев на краю другого берега молельню, стали отбивать поклоны. Чиновник-вантхы промолвил:

— Тот храм построен в честь самого почитаемого духа провинции Нгеан. Я не отсюда родом, поэтому много о нём не скажу.

— В молодости мне доводилось бывать в здешних краях. Я расспрашивал местных старожил: жизнеописания духов, хоть и передаются из уст в уста, часто отличаются друг от друга. В «Истории династии Сун» было сказано: потерпев поражение в битве с монголами, Чжан Шицзе сбежал с Чжао Бином, и оба встретили смерть в захлестнувшей их морской волне. Мать императора с двумя дочерьми схватились за обломок корабля. Деревенский житель, увидев их, на свой страх и риск бросился им на помощь. Ему удалось спасти несчастных. Позже спаситель влюбился в императрицу и затаил нечестивые помыслы. Однако та решительно отвергла его ухаживания. Устыдившись, он бросился в море. Императрица воскликнула: “Благодаря ему я смогла сохранить себе жизнь. И по моей вине он мёртв. Как могу я теперь спокойно жить после этого!” — и тотчас бросилась в море. Дочери, не в силах вынести обрушившегося на них несчастья, отправились вслед за матерью. Женщины превратились в духов, и люди стали поклоняться им и построили в их честь храм.

Мой собеседник тяжело вздохнул, а я продекламировал следующее двустишие:

*Падение великой династии Сун достойно бесконечного сожаления,
А под небом Юга¹ четыре сезона непрерывно отправляется культ.²*

Все разошлись. Мы добрались до горного Холодного источника³ — границы между провинциями Тханьхоа и Нгеан. Заметили людей, шедших почти по самому краю дороги. При виде нас все склонились в приветственном поклоне. Как оказалось, они держали путь в родные края — в деревню около столицы, на берегу реки. Я приказал остановить паланкин и вышел поговорить с путниками. Нахлынувшая тоска по родным краям побудила меня сочинить сии строки:

*Здесь граница Тханьхоа и Нгеана,
Горы сопровождают меня и встречают.
Звуки песен дровосеков теряются среди облаков,
Ветер с долины доносит до меня щебет пташек,
Скалы возвышаются на моём пути;
Синева лазурного неба застилает горизонт.
Путник говорит о своём возвращении в родные места,
А я же должен продолжить долгий путь в столицу.*

1Т.е. во Вьетнаме. Việt Nam — «к югу от Юэ». Юэ — древнее царство на юге современного Китая

2Т.е. ритуалы государственной значимости

3Холодный источник в горах — khe Nước Lạnh (кхе Ньок Лань)

Было по-весеннему хорошо и тепло. Уже ближе к вечеру мы без особых препятствий добрались до рынка в Тхошоне. Стоявшие на въезде солдаты провинции,¹ увидев столь многочисленную и сопровождаемую вооружёнными военными процессию, задержали нас. Мы остановились ненадолго: провинциальные солдаты при виде Высочайшего приказа тотчас поспешили принести свои глубочайшие извинения. Ранним утром **двадцать четвёртого числа по лунному календарю** мы продолжили путь. Тёмные тучи и плотный густой туман окутывали небо и землю. Сильный ветер, хоть временами, как казалось, обдувал путников теплом, всё же заставлял всех дрожать от холода. Вскоре мы прибыли к пристани Хаомон. Бескрайние морские волны доходили до самого горизонта.

Я вспомнил *Цинь Шихуана* и *У-ди*, растративших свои душевные силы на «бичевание камней и облаков», но так и не нашедших райские обители острова *Пэнлай*. Какая роковая ошибка! Древние сравнивали чиновничью службу с бурным опасным морем: не преуспеешь на государственной службе — пойдёшь ко дну. Бескрайние волны и туман слились в прекрасном пейзаже. Я почувствовал прилив вдохновения и сочинил такое стихотворение:

*Волны качаются —
Земля дрожит.
Туман расстилается по суше.
Солнце купается в бесконечных волнах.
Лодка, подгоняемая ветром,
Плывёт по бесконечным просторам.
Древние предупреждали об опасностях чиновничьей службы —
в её превратностях основная их причина.*

Чиновник-вантхы нанял три джонки до причала Тыням, также известного как «Рынок постоялых дворов», где мы остановились на ночлег.

Двадцать пятого числа по лунному календарю мы продолжили путь уже по суше. Дорога вела к морской пристани Тханфу. Путь проходил через императорские гробницы — там я гулял пешком. Вечером, добравшись до рынка, легли спать.

Утром **двадцать шестого числа по лунному календарю** мы покинули эти края, и после полудня, миновав пристань Дайлиен, решили остановиться на рынке и там же передохнуть. Во время обеда я заметил старца в даосском одеянии — опираясь на бамбуковый посох,² он, словно истинный небожитель, с безмятежным видом шёл к нам. Мне стало интересно, и я принялся расспрашивать хозяина кабачка о монахе. Тот ответил, что старец — монах из горного храма. Он славился искусством гадания и прорицания. Я тут же наказал ученику пригласить от моего имени старца за наш стол. Усадив гостя на почётное место, я спросил:

— Слышал, что Вы, почтеннейший, знаете толк в гаданиях.³ Смею просить Вас посмотреть, что же ждёт меня в ближайшем будущем. Сможете?

Старец не замедлил с ответом:

— Почтенный, сколько Вам лет в этом году? И по какому же поводу интересуетесь? Честный и искренний ответ влияет на исход гадания.

Я подробно изложил всё монаху. Старец погрузился в глубокие раздумья. Через некоторое время он воскликнул:

— О! Очень хорошо! Прекрасно! Великолепно!

— Благородный муж не спрашивает о хорошем, он интересуется неудачами, — ответил я. — Прошу Вас ничего не скрывать и говорить прямо.

1Т.е. провинции Тханьхоа

2В даосизме, испытавшему немалое влияние шаманизма, большое значение уделяется связи человека с природой и единению с ней. Посох (деревянный или железный), непрменный атрибут любого даоса, символизирует его «второе я» и участвует, как считается, в «путешествиях» в другие миры

3Т.е. гадание по знаменитой «Книге перемен», распространённое в странах дальневосточного культурного региона. В основе гадания лежит толкование 64 гексаграмм — комбинаций из прямых и прерывистых линий

— Вам выпал знак *«Глава государства»*. Это символизирует встречу Светлейшего правителя с талантливым подданным. Это — в сфере красного феникса, он держит в клюве свиток. Феникс приносит процветание. В центре у Вас — зелёный дракон, белый тигр — за фениксом, знаки *«Уготовано судьбой»* и *«Лошадь уезжает»*. В этом году Вам доведётся три раза предстать перед Высочайшим правителем. Вот уж действительно: рыба встретилась с водой, а водяной дракон — с дождём!¹ Это доброе предзнаменование. Следует опасаться заключённого в тюрьме *«Белого тигра»*, — в столице позаботьтесь о своём здоровье, ибо знак предвещает болезнь.

Да, по этому живущему вдаль от мирской суеты старцу видно, что он много знает и понимает. Жаль, что мы так поздно встретились — случись это раньше, я бы мог лучше узнать о его убеждениях и образе мыслей. Я вновь рассказал монаху всё о себе — ничего не скрыл, а затем спросил:

— Родом я из горной глухой деревушки, время там проходит спокойно и безмятежно. Вершины гор теряются в облаках, луна покоится на глади морской, — не мог я, со своей тягой к тишине и покою, не любить родные места! Когда же я вернусь, когда же я буду играть с оленями и косулями да вести вечерами беседы с простыми рыбаками и сборщиками хвороста?

Старец, услышав в моих речах бесконечную боль, промолвил:

— Хороший стол услаждает тело и органы чувств. Вот поэтому я и спрашиваю себя: отчего же все слепы, и только Вы здесь зрячи? Посмотрите-ка на выпавшую бирку: *«радостная встреча хозяина с гостем, верхи и низы в согласии»* — так что неизвестно, когда же Вы вернётесь.

В ответ я лишь тяжело вздохнул и, желая щедро отблагодарить старца, отправил за деньгами одного из слуг. Монах, засмеявшись, наотрез отказался:

— Вам предстоит дальний путь — вместо денег лучше поднесите бедному монаху винца.

Принесли ему кувшин. Обрадованный монах широко раскрыл рот и, не говоря лишних слов, поддерживая сосуд двумя руками, словно водный дракон с шумом осушил его содержимое — без закуски, — и воскликнул:

— Эх, хорошо!

Я распрощался со старцем. Вскоре наша процессия разместилась на лодках, и мы, наконец, отчалили. Ночлег нашли где-то по пути. Чиновник-*вантхы* обратился ко мне:

— Приказ, по которому мы едем — дело государственной важности, требующее немедленного решения. Однако в день мы проделываем всего лишь пятьдесят *замов*!² Высочайшее повеление **десятого числа** дошло до Виньзиня, **одиннадцатого числа** — до Вашего дома. Получается, за полмесяца мы прошли совсем ничего, и в пути придётся провести ещё дней шесть-семь. Меня это очень тревожит, поскольку за задержку отвечать буду я. Единственное, что мы в этом случае можем сделать — отобрать самых сильных и выносливых солдат, способных идти без передышки до самой ночи. Назовите мне имена слабых солдат — они должны остаться здесь.

Я рассмеялся:

— Почтенный, перестаньте так беспокоиться! Хотя Высочайшее повеление дошло до Вас десятого числа и сразу потом отправилось в мою деревню, мне потребовалось сколько-то времени, чтобы найти и приготовить нужные лекарства — это несколько потерянных дней. Кроме того, из-за непогоды мы вынуждены были задержаться ещё на какое-то время. Даже если бы у нас выросли крылья, мы и то не смогли бы прибыть в столицу вовремя.

Чиновник-*вантхы*, улыбаясь, ответил:

— И действительно — другого объяснения больше не найти!

Обменявшись ещё парой незначительных фраз и допив чай, мы разошлись.

С первыми петухами **двадцать седьмого числа первого месяца по лунному календарю** мы тронулись в путь. Дорога проходила через окутанные туманной дымкой горы. Косули и олени, заметив нежданных гостей, обуянные страхом, обращались в бегство, а ночные пташки разлетались в разные стороны. Это были горы Базой. Солнце только начинало выглядывать из-

¹Т.е. то, что «создано» друг для друга, встретилось

²Зам = 444,44 м. Чиновник говорит, что в день они проделывают путь длиной в 22,2 км

за вершины горы, и ещё не успела исчезнуть ночная роса. Мы решили отдохнуть в кабачке и заодно высушить там промокшую к этому времени одежду. Разожгли огонь. Я приказал слуге протереть лежащий под раскидистой ветвью дерева большой камень. Мальчик приготовил нам чай и завтрак. Мы пригласили чиновника-вантхы присоединиться к нашей трапезе. Стоя на камне и любуясь открывшимися взору далями, я почувствовал, как в моей душе зародилась смутная тревога. Желая прогнать её, я прочёл стихи, сами собой сорвавшиеся с языка:

Чредой облака над Циньлином¹ бегут, дом нынче в какой стороне?

Застава Ланьгуань утопает в снегу, проехать нельзя на коне.

И, взволнованный, замолчал. Чиновник-вантхы, заметив печальное выражение на моём лице, улыбнулся и сказал:

— Здешние виды напоминают пейзажи Ваших родных мест в Хыонгшоне. Вот отчего Вы так грустны.

И продолжил:

— Однако Вы, почтенный учитель, заблуждаетесь! У благородного мужа в этой жизни есть только два выбора: либо он живёт отшельником, либо посвящает себя служению во благо народа. В первом случае благородный муж находит радость, живя в согласии с *дао*, во втором — находит *дао*, действуя во благо людей. Вы долго жили в горах затворником, однако слава о Вас дошла до столицы, а высочайшие чиновники оказывают Вам радушный приём. Такое действительно бывает очень редко. Почему же Вы этому не радуетесь?

Я рассмеялся:

— Ваши похвалы смущают меня. В древности мужи больших способностей и обширных познаний, выбирая жизнь отшельников, скрывали свои таланты, а если они посвящали себя служению государю — старались изо всех сил. Я же учился кое-как, знания мои скудны, а таланты ничтожны, для общества я бесполезен. Я выбрал скромное ремесло, чтобы хоть как-то прокормить себя, и никак не ожидал, что однажды меня вызовут ко двору. Добродетель не заслуживает несчастий. Так что поэтому нельзя сказать, что такая Высочайшая милость для меня — счастье.

— Глава провинции частенько говорил мне, что Вы скрываетесь от людей, и что Вы на самом деле не медик вовсе?

— Неправда, — ответил я ему с улыбкой.

— Знаю, что Вы тверды и непреклонны, как камень. Вот почему больше не осмеливаюсь по этому поводу Вас тревожить. Но мне известно, что Вы сочиняете прекрасные стихи. Могу ли я надеяться услышать их и сочинить на них ответ,² дабы развлечь Вас?

Обрадовавшись, я сказал:

— Кто играет на лютне — тот всегда тоскует по другу, который может оценить эти мелодии. Вы и есть человек, который сможет понять меня.

Я приказал слуге принести четыре сокровища³ и приступил к сочинению следующего стихотворения:

Туманы и облака закрывают сто шесть горных вершин.

Человек восходит на три ступени лестницы славы.

Тёмная синева туч простирается до севера небосвода,

Зелень гор доходит до запада моря.

---

¹Циньлин — горный хребет в Китае. Знаменитой вершиной хребта является одна из священных гор даосизма — Хуашань. Здесь Ле Хыу Чак цитирует китайского поэта Хань Юя (768 – 824) «Разжалован и сослан, доехав до заставы Ланьгуань, даю наказ внучатому племяннику Сяну» (пер. Б. Мещерякова)

²Распространённое в дальневосточном культурном регионе развлечение учёных мужей: на определённый мотив (мелодию) один из участников игры сочиняет стихи, а его «соперник» — стихотворный, выдержанный в определённом стиле ответ на них

³«Четыре сокровища учёного мужа» — бумага, тушь, кисть, чернильница

*Ароматные жемчужины росы падают с цветков в мой закипающий чай;
Пока я читаю стихи, птицы летают, чтобы исполнить для меня свои песни.
Каждый раз при виде прекрасного пейзажа не могу удержаться от написания стихов;
Долго колеблюсь, решая, продолжать ли мне путь.*

Я отдал стихотворение чиновнику-вантхы. Он, перечитав раза четыре-пять, ответил мне: — Ваши стихи так же прекрасны, как «Белый снег» и «Тёплая весна»,¹ сочинить сразу на них ответ непросто. Прошу Вас позволить мне подумать пару-другую ночей — может быть, получится выжать из себя хоть что-нибудь — посмеётесь.

Мы вместе спустились с горы. Той ночью остановились на отдых на рынке Вансанг. **Двадцать восьмого числа по лунному календарю** добрались до моста Кхыонгкиеу. **Тридцатого числа** дошли до моста Тхиньлиет и остались там на ночь.

Чиновник-вантхы обратился ко мне:

— В инструкции с точностью до дня оговорены сроки получения Вами приказа, отправления в путь, прибытия в столицу; в ней даже говорится, как Вас следует наградить! Вот, пожалуйста, взгляните — это может пригодиться на предстоящем приёме.

И, широко улыбаясь, протянул мне письмо:

— Я согласен с планом, который Вы мне недавно предлагали. Завтра, после полудня, мы отправимся в резиденцию чиновника-тяньдыонга — там и посмотрим.

Закончив разговор, мы пожелали друг другу доброй ночи и разошлись. На следующий день мы продолжили путь по дороге, проходящей через деревни Нянемук и Хоангмай, которая вела к мосту *Чиен* — въезду в столицу.

Один из моих учеников, которого звали Тонг Тхуан, сказал мне:

— Был у меня близкий друг по имени Сы, сын китайца, жил в Лайчиеу или Хиеннамкунг — родной деревне своей матери. Он переехал, и живёт сейчас у Западных ворот деревни Кхыонгдинь, зарабатывает на жизнь изготовлением лекарств. Зная, что друг мой человек талантливый, я дал ему «Тамлинь»: и с того момента он, ни на минуту не выпуская трактата из рук, занимался днями и ночами напролёт, и каждый день делал успехи. Слава о нём дошла до столицы. Он частенько жаловался мне на невозможность осуществления своего желания — приехать в Вашу родную деревню и засвидетельствовать Вам, учитель, своё почтение: мать его стара, и он не может надолго покидать её. Поэтому он соорудил алтарь в Вашу честь, и каждое утро возжигает благовония, надеясь отблагодарить Вас таким образом. К счастью, Небо послало ему человека, который может посодействовать встрече с высокочтимым учителем. Кстати говоря, деревня Сы недалеко от столицы — всего-то в нескольких *замах*, и путь из деревни до Тханглонга тоже проходит через мост *Чиен*. Позвольте ли Вы мне рассказать ему?

Тронутый столь пылкой верностью незнакомца, я согласился, и мы с Тхуаном тотчас отправились к его другу. Я был слева, позади ученика. Через несколько *замоу* мы увидели стоявшего на дороге в ожидании нас Сы. Радости его не было предела, и он, низко кланяясь, пригласил пройти внутрь, попутно рассказывая о своём давнем желании встретиться со мной. Сы щедро угощал нас и упрашивал остаться у него на ночь.

Я ответил ему:

— Ах, не стоит! Мы уже договорились с чиновником-вантхы, что вместе отправимся сегодня на приём к чиновнику-тяньдыонгу. Дело крайне важное и не терпит отлагательств — и так из-за непогоды в пути пришлось порядком задержаться. Сейчас мы уже почти у цели, и причин задерживаться больше нет. Человек я деревенский, путь в столицу подзабыл. Прошу Вас помочь мне — укажите, пожалуйста, дорогу.

Закончив пить чай, я встал. Сы показал нам путь. Мы въехали в город через ворота *Ву*.² Цитадель стояла на земляной насыпи. Крепость окружала низкая стена — по ней проходила

¹Названия известных китайских мелодий. Кит. 白雪阳春 — бай сюэ ян чунь

²Южные ворота Тханглонга. Ворота *Ву* букв. — «Военные врата»

дорога для лошадей, её обочины были огорожены плотным частоколом из бамбука. Из глубокого рва под земляной насыпью торчали острые прочные колья. Крепость охраняли солдаты трёх сторожевых постов — их мечи и винтовки были начищены до блеска. Караульный, приметив богатое вооружение нашей охраны, учинил тщательный допрос. Узнав о цели поездки и признав отличительные знаки военной формы провинции Нгеан, он пропустил нас.

Мы нашли место, где можно было передохнуть. Я знал эти края — здесь мне в молодости довелось жить и учиться. С палкой в руке я отправился на прогулку по местам своего прошлого. Природа не изменилась, однако буддийские пагоды, храмы, дворцы чиновников, военные казармы отличались от тех, что находились здесь раньше. Былолюдно. Взволнованный переменами, я почувствовал прилив вдохновения и выразил свои чувства в этом стихотворении:

*Тридцать лет я странствовал,
Пока вдруг по Высочайшему повелению не был призван в столицу.
Всюду процветают цивилизация и культура,
Дворцы и павильоны возвышаются до небес.
Грубый и неотёсанный характер мой как у горца;
Чувствую себя пристыженным и смущённым перед обитателями Яимовых палат.
Я видел старые места, где веселился в молодости,
Половина из них изменилась сейчас!*

Покончив с чтением стихов, я сел в паланкин. Мы миновали ворота *Дайхынг*,¹ затем — дворец *Кханьтхуи*² и павильон *Куангминь*,³ свернули направо и, проехав чуть более *ползама*, через огромные ворота, — даже слон прошёл бы, прибыли к дворцу сановника-*тяньдыонга*. По обеим его сторонам стояли сторожевые павильоны. Хорошо вооружённые военные днём и ночью строго осматривали всех въезжающих. Я остановился на отдых в трапезной и переоделся к высокому приёму. Пробыли четвертую стражу.⁴ В зале для аудиенций от блеска церемониального оружия рябило в глазах. Во дворе, перед павильоном, бегали туда-сюда солдаты — прямо как на рынке. Я спросил начальника охраны о сановнике-*тяньдыонге* — тот ответил, что чиновник в своих внутренних покоях, поэтому тревожить его он не осмеливается. Тогда я обратился к стражнику. Он спросил:

— Почтенный, Вы и есть тот самый Лан Онг, врачеватель из Хыонгшона?

— Да, я и есть. А откуда Вы знаете?

— Я узнал от нашего хозяина — он часто говорил о Вас и Высочайшем повелении. Прошу Вас немного подождать — приглашение на аудиенцию ко двору придёт сюда, так что Вам будет удобнее остаться здесь.

Вдруг я увидел сановника-*тяньдыонга*. Все сразу заторопились. Военные с церемониальным оружием в руках, выстроившись в строгом порядке, окружили паланкин чиновника-*тяньдыонга* со всех сторон. Я поторопился с приветствиями к высокому сановнику. Меня, наконец, допустили к нему. Чиновник-*тяньдыонг* улыбнулся и спросил:

— Когда Вы отправились в путь и когда прибыли в столицу?

Я всё подробно рассказал ему. Сановник, подзвав к себе одного из чиновников, шёпотом дал тому указания и сел обратно в паланкин.

Тот самый чиновник пригласил меня пройти за ним. Он был не старше двадцати лет и обладал приятной наружностью — как я понял, молодой человек был старшим сыном сановника-*тяньдыонга*. Он пригласил меня сесть на одну циновку с ним, три раза я отказывался. Юный чиновник не слушал меня. Наконец, мы расселись, и он обратился ко мне:

1Букв. «Великое воодушевление»

2Букв. «Радостное предзнаменование»

3Букв. «Широкий свет»

4В дальневосточном культурном регионе сутки делились на 12 страж (т.е. каждая стража — примерно два часа).

Первая стража — с семи до девяти часов вечера. Четвёртая стража — с часу ночи до трёх утра

— Слышал я, что Вы, почтенный учитель, человек глубоких знаний и больших талантов, любите жить в уединении в горах, находя радость в вине и музыке. Только беды нуждающихся в помощи людей Вас тревожат. Столько раз я слышал об этом от своего отца — он говорил мне, что Вы величайший медик нашего времени. Давно мечтал я встретиться с Вами и вот сегодня, наконец, имею честь созерцать Вас. Такая встреча — крайняя редкость.

Вежливо поклонившись ему, я ответил:

— Я грубый деревенщина небольшого ума, как можно меня сравнивать с истинными мудрецами! Ваши похвалы смущают и пугают меня.

Сын сановника-*тяньдыонга* отправил солдата в палаты чиновника-*чунгкиена*¹ — приказал тому проследить за уборкой помещения и приготовить постель, а после доложить об этом. Вскоре солдат вернулся и сообщил, что уже всё готово. Сын чиновника-*тяньдыонга* промолвил: — Здесь всегда шумно илюдно, это не очень удобно. Дворец же моего дяди, хоть и не велик, зато тихий и уютный. Он отправился по службе в Шонтэй, так что у него свободно. Всё готово, можете уже располагаться там.

После этого он встал, и я последовал за ним. Пройдя несколько десятков шагов, через внутренний дворик мы вышли к маленькой дверце, за которой обнаружили небольшой зал, главную комнату, спальню и кухню — всё было расположено весьма удобно.

Мы сели в главной комнате и продолжили беседу. Поначалу я думал, что сын чиновника-*тяньдыонга* ничем не отличается от юных отпрысков из знатных родовитых семей, обычно ведущих блестящий и роскошный образ жизни. Однако вскоре увидел, что познания его глубоки, и он прекрасно разбирается в делах древности и наших дней, в людских нравах, — совсем как умудрённый жизненным опытом человек, имеет представление о морали. Он держался сдержанно и скромно, без зазнайства — так что я ещё больше проникся к нему уважением.

Темнело. Сын сановника-*тяньдыонга* откланялся, я же приказал слугам внести мои вещи и отпустил солдат в их родную провинцию Нгеан.

---

¹Чиновник-*чунгкиен* — должностное лицо на флоте

ГЛАВА II. В ПРАВИТЕЛЬСТВЕ

На рассвете **первого числа второго месяца по лунному календарю** я услышал сильный и громкий стук в дверь. Это оказался запыхавшийся слуга сановника-*тяньдыонга*. Тяжело дыша, он выпалил:

— Я к вам по Высочайшему указу! Чиновник, прибывший от двора с приказом, дожидается Вас у сына сановника-*тяньдыонга*. Дело чрезвычайной срочности, мне приказали сообщить Вам об этом и отобрать солдат для сопровождения паланкина — он уже готов. Пожалуйста, соберитесь как можно быстрее.

Я тотчас переоделся и сел в паланкин. Слуга, криками освобождая нам путь, бежал впереди. Невозможно даже описать, как плохо я перенёс дорогу: меня то и дело качало из стороны в сторону — носильщики бежали, словно скачущие галопом кони. Паланкин прибыл в резиденцию. Сопровождаемые утренним посланцем-чиновником, мы, миновав несколько ворот, повернули налево. Подняв голову, я залюбовался необычайно пышными кронами деревьев, порхавшими щебечущими птичками; яркими, словно соперничавшими друг с другом за право зваться самыми красивыми цветами; в воздухе чувствовались ароматы благовоний. Запахи их витали в устроенных сложным образом галереях.

Привратники громко болтали, слуги носились, словно челноки ткацких станков, по поручениям туда-сюда. Перед дворцовыми воротами также стояли постовые — для прохода был необходим пропуск.¹ Я подумал о том, что и сам происхожу из знатного чиновничьего рода, рос и воспитывался в богатом и процветающем городе, и каждый закоулок Запретного города² когда-то хорошо был мне знаком. Сейчас же вот приходится подчиняться указам, а о том, что происходит во дворце, я совсем не знаю. Стоит сделать пару шагов — и буду здесь, во дворце правителей, богатая и роскошная жизнь которых так сильно отличается от существования простых людей!

Я же, чтобы сохранить воспоминания об этом, сочинил такое стихотворение:

*Вооружённые золотыми пиками стражники стерегут тысячи врат дворца,
Почитаемого всем Небесным Югом.*

Верхушки разукрашенных навильонов и башен достигают облаков,

Жемчужные занавески и нефритовые веранды сверкают в солнечных лучах,

Всюду чувствуются запахи цветов,

В садах правителя поют птицы.

Житель гор, не знающий придворной музыки, изумлён

Словно старый рыбак, нашедший Персиковый источник.³

¹Пропуск — бамбуковая дощечка, разделённая на две части. Каждая половинка отдавалась привратнику на входе и выходе соответственно

²Запретный город (точнее, сохранившаяся от него часть), предназначенный только для императора и его приближённых, до сих пор находится в самом центре Ханоя

³В «Персиковом источнике» известный китайский поэт Тао Юаньмин (365–427) рисует рай, где нет правителей, а жители его живут безмятежно и счастливо: «В годы Тайюань правления дома Цзинь человек из Улина рыбной ловлей добывал себе пропитание. Он плыл по речушке в лодке и не думал о том, как далеко он оказался от дома. И вдруг возник перед ним лес цветущих персиковых деревьев... и других деревьев не было там... Рыбак был очень поражён тем, что увидел, и пустил свою лодку дальше, решив добраться до опушки этого леса. Лес кончился у источника, питавшего речку, а сразу за ним возвышалась гора. В горе же был маленький вход в пещеру, из которого как будто выбивались лучи света. И рыбак оставил лодку и проник в эту пещеру, вначале такую узкую, что едва пройти человеку. Но вот он сделал несколько десятков шагов, и взору его открылись яркие просторы... Мужчины и женщины... были так одеты, что они показались рыбаку чужестранцами; и старики с их пожелтевшей от времени сединой, и дети с завязанными пучками волос были спокойны, полны какой-то безыскусственной веселости. Увидев рыбака, эти люди очень ему удивились и спросили, откуда и как он явился. Он на всё это им ответил. И

Пройдя пару-другую сотен шагов и миновав несколько ворот, мы очутились у сторожевого пункта, на котором висело «*Дежурный пост кавалерийского арьергарда*».¹ Здание, окружённое диковинными деревьями и камнями причудливых форм,² находилось на берегу озера. Внутри павильона колонны и балконы изящно располагались по кругу. Чиновник-*тяньдыонг* всегда жил здесь в отсутствие во дворце правителя и его семьи. Увидев нас, сановник-*тяньдыонг* сказал чиновнику-проводителю:

— Вчера вечером я сообщил Его превосходительству о прибытии господина медика. Он будет ждать результатов проверки пульса наследника престола.

Сановник-*тяньдыонг* с тем чиновником удалились, а я, сопровождаемый слугами правителя, дошёл до больших ворот. Стражники, увидев моё странное одеяние, вначале не хотели меня пускать, однако подоспевший чиновник-посланец сообщил им, что я прибыл по Высочайшему приказу. Нам тотчас освободили путь.

Пройдя вереницу коридоров в западной части, мы оказались перед большим высоким дворцом. Два прекрасных паланкина самого правителя стояли по обеим его сторонам. Все церемониальные атрибуты были покрыты лаком и украшены золотой резьбой. В центре зала под красным балдахином стояла красная кровать, а по обеим её сторонам — столы и стулья, каких простой человек и в жизни не видел. Я осмелился лишь украдкой взглянуть на это великолепие и, склонив голову, последовал дальше. Миновав ещё одну дверь, мы оказались в высоком и просторном зале с роскошными колоннами, покрытыми лаком и украшенными золотой резьбой. Чиновник-посланец сказал:

— Мы только что прошли покои «*Куенбонг*»,³ а это — зал павильона «*Гактия*».⁴ Поскольку в этом зале престолонаследник «пьёт чай», он называется «*чайная комната*» — дело в том, что во дворце избегают использовать слово «лекарство», и вместо него говорят «чай».⁵

В «*чайной комнате*» сидело человек семь-восемь. Вошёл чиновник-*тяньдыонг*. Все встали; только после того, как сановник расположился на возвышении, присутствовавшие разместились по порядку, согласно этикету. Чиновник-*тяньдыонг* велел мне сесть в центре. Только позже я понял, что находился среди лучших медиков Шести министерств⁶ и двух

тогда они пригласили его в дом, принесли вина, зарезали курицу, приготовили угощение. Когда же по деревне пошел слух об этом человеке, народ стал приходить, чтоб побеседовать с ним. Они говорили: “Деды наши в старину бежали от жестокостей циньской поры, с жёнами и детьми, с земляками своими пришли в этот отрезанный от мира край и больше уже отсюда не выходили, так и расстались со всеми теми, кто живёт вне этих мест”. Они спросили, что за время на свете теперь... И этот человек подробно, одно за другим, рассказал им... И все они без исключения радушно приглашали его в гости к себе в дома и подносили ему вино и еду. Пробыв там несколько дней, он стал прощаться. Обитатели этой деревни сказали ему: “Только не стоит говорить о нас тем, кто живёт вне нашей страны”. Он ушёл от них и снова поплыл в лодке, держась дороги, которою прибыл, и всюду-всюду делая отметки. А вернувшись обратно в Улин, он пришёл к правителю области и рассказал обо всём, как было. Правитель области тут же отрядил людей, чтобы поехали вместе с рыбаком и поискали бы сделанные им отметки, но рыбак заблудился и дорогу ту больше найти не смог. Известный Лю Цзы-цзи, живший тогда в Наньяне и прославившийся как учёный высоких правил, узнав обо всём, обрадовался, стал даже готовиться в путь, но так и не успел: он вскорости заболел и умер. А после и вовсе не было таких, кто “спрашивал бы о броне”!» См. Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. [Переводы /Вступит. статьи С. Серебряного и др.; Примеч. С. Серебряного и др.]. — М.: Худож. лит., 1977. — С. 225–227

1Hậu mã quân túc tặc — «*хау ма куан тук чык*», или сокр. «*хаума*»

2Согласно распространённым в дальневосточном культурном регионе поверьям, камни, горы, холмы, деревья и даже земные участки причудливых форм обладают особой энергетикой и способны защитить от «злых духов»

3Т.е. покои, названные в честь одного из видов мелколепестника, семена которого распространяются ветром.

Таким образом, название намекает на большие размеры комнаты

4Пурпурный, т.е. павильон правителя

5Для восточных народов характерно наличие табуированных слов: например, в Китае самым известным табуированным словом является «четыре» — оно созвучно слову «смерть». Особенно избегают этой цифры на Новый год — чтобы не «накликать беду». Данная ситуация с «чаем» и «лекарством» не является исключением — опасения за жизнь и здоровье молодого наследника побудили придворных избегать употребления слова «лекарство», и вместо него говорить «чай»

6Шесть министерств: *Министерство финансов, Министерство ритуалов, Министерство военных дел, Министерство публичных работ, Министерство правосудия, Министерство чинов.* У клана Чинь и у династии

высших административных ведомств – они дежурили во дворце днями и ночами. При виде меня сидевшие в зале начали переглядываться, а кое-кто даже, опустив низко голову, шептаться. Чиновник-*тяньдыонг*, улыбнувшись, представил меня:

— Этот господин — сын знатного чиновника, родился в деревне Лиеуса, что в провинции Хынгиен, а живёт теперь в уезде Хыонгшон. Господин знаменит своими глубокими познаниями в медицине. Почтенный медик прибыл в столицу по Высочайшему приказу.

Один медик с повязкой из китайского шёлка на голове, рассмеявшись, обратился ко мне:

— Почтенный учитель, узнаёте ли Вы меня?

— Откуда знать мне, живущему в глуши, высоких придворных чиновников?

— Я уроженец Анвьета, что в уезде Лашон.¹ Там я много слышал о Вас, но до сих пор не имел возможности познакомиться с Вами.

Я вспомнил его — это был господин Тъык, занимавший прежде должность чиновника-*зяокуана*,² и глава провинции Хатинь, господин Нгуен Кiem, уроженец деревни Тьендъен,³ выдвинул его на должность ассистента придворного лекаря и врача при чиновнике-*тхамдонге*.⁴ Я ответил:

— Я жил недалеко от Вас, однако не имел возможности быть Вам представленным, поэтому и не мог нанести визит.

Мы не смогли продолжить беседу. Чиновник-посланец что-то шепнул сановнику-*тяньдыонгу*, и тот, поднявшись, прервал нас:

— Почтеннейший, Ваш завтрак уже готов.

Я последовал за чиновником-*тяньдыонгом*. Мы шли прежним путём, который вёл к павильону «*хаума*». Сановник сказал мне:

— Сейчас Высочайшая особа совершает прогулку со своими наложницами и старшими жёнами, поэтому я не смею отвлекать его и не могу Вас ему представить. Нужно немного подождать.

Мы вместе позавтракали. На золотых подносах слуги принесли нам серебряные чаши с изысканнейшими блюдами — вот тогда мне и довелось узнать, какие яства вкушают сильные мира сего. Не успев закончить трапезу, мы встали — ворвавшийся к нам придворный слуга приказал срочно покинуть зал. Я последовал за сановником-*тяньдыонгом*. Раздвинули парчовый занавес — и очутились в кромешной темноте. Пройдя через пять — шесть таких пологов, мы оказались в просторном помещении. В центре, на позолоченной кровати, лежал одетый в красное ребёнок, лет примерно пяти или шести. По обе стороны ложа дежурили всегда готовые к выполнению любого приказа слуги. Огромная свеча в бронзовом подсвечнике стояла посреди комнаты. У кровати — покрытый лаком и золотой резьбой трон с парчовой подушкой, предназначенный, похоже, для отца ребёнка. Часть комнаты огородили красным пологом. У него стояла дворцовая челядь. Яркое пламя восковой свечи освещало бледное напудренное детское лицо и красные одежды ребёнка. Комната сверкала, в воздухе витали ароматы цветов и благовоний. Меня пригласили за полог.

Задержав дыхание, я замер. Сановник-*тяньдыонг* велел мне отвесить больному четыре поклона. Наследный принц засмеялся:

— Он так проворно кланяется!

Сановник-*тяньдыонг* обратился ко мне:

— Вы в почтенных летах и слабы. Пожалуй, Вам следует проверить пульс сидя.

Кланяясь, я приблизился к принцу и, сев у кровати, приступил к исследованию пульса. Позади я услышал шушуканье:

— Пусть господин медик осмотрит принца полностью!

Поздних Ле были отдельные министерства
1В провинции Хатинь

2Аналогичная должность была в Китае. Чиновник-*зяокуан* на уездном уровне занимался вопросами образования, а также ведал церемониями в храмах Конфуция

3Деревня Тьендъен провинции Хатинь — родина великого вьетнамского поэта Нгуен Зу (1765–1820)

4Чиновник-*тхамдонг* — заместитель начальника Охранного ведомства при Министерстве военных дел

У престолонаследника испросили дозволения на осмотр. Принц, сняв рубашку, встал у кровати. Я тщательно исследовал спину, живот, конечности. После сановник-*тяньдыонг* снова велел мне отвесить принцу четыре поклона. Слуги проводили меня в «чайную комнату». Немного погодя вернулся чиновник-*тяньдыонг*. Он спросил:

— Что Вы можете сказать о пульсе принца? Прошу Вас написать рецепт лекарства и подробный отчёт — я доставлю их Высочайшей особе.

И продолжил:

— Принц полгода болен. Сначала он сильно похудел — остались одна кожа да кости, сейчас он немного поправился, однако организм всё ещё слабый, а болезнь не проходит. Давать лекарства «*зыонг*» — живот не сможет поддерживать тепло, если же средства «*ам*» — болезнь затянется на неопределённый срок. Может быть, следует обратиться к потогонным средствам, чтобы облегчить недуг?

Сановник-*тяньдыонг* велел чиновнику Левых столичных войск принести рецепты принимаемых принцем лекарств. Видно было, что он старался убедить меня в правильности его методов лечения принца. Когда-то сановник-*тяньдыонг* изучал медицину, но глубиной его познания не отличались. Каждый раз, вступая во врачебные дискуссии, он ратовал за тактику «*нападения*»: как считал чиновник-*тяньдыонг*, во время болезни нужно лечить саму болезнь, а когда она проходит — следует укреплять здоровье больного. По его мнению, это и есть единственно верный общий способ лечения. По-моему, причина болезни принца именно в том, что он дни и ночи проводит за шёлковыми занавесками, много ест, слишком тепло одевается без особой на то надобности — это всё и привело к ослаблению внутренних органов. Долгая болезнь, сухая кожа лица, огромный живот, слабые мышцы, худые конечности — все признаки больного организма налицо. Причиной тому — серьёзное повреждение субстанции *кхи*. Если подбирать типичные средства «*тактики нападения*», то неизвестно, к чему лечение приведёт: подобные лекарства очень сильны, они могут ещё больше ослабить организм. В этом случае лучше всего прописать укрепляющие средства, однако результат их действия проявится не сразу. Боюсь, что тогда долго придётся ждать возвращения на родину — а времени у меня мало. И пути возможной славы тяжким бременем лягут на меня. Но я подумал, что мои предки всегда трудились на благо страны, и кому как не мне продолжать их благородное дело! Ещё немного поразмыслив, я сказал:

— Организм принца истощён, пульс слабый и нерегулярный — это указывает на ослабление «*ам*» и «*зыонг*». Нужно использовать лекарство, укрепляющее селезёнку, почки, природное естество. Укрепив внутреннее, мы избавимся от внешнего.

После некоторых размышлений чиновник-*тяньдыонг* ответил мне:

— Почтеннейший, если Вы тверды в принятом Вами решении, то прошу Вас выписать рецепт, а я передам его августейшей особе.

Я написал следующее:

«Во время осмотра я отметил, что шесть пульсов принца были тягучими и слабыми, пульс “куан” на правой руке более ярко выражен, пульс “сиг” — слабо. “Ам” селезёнки слабый, огонь в животе сильный, в нём не могут содержаться “ам” и “зыонг”. Когда огонь перестанет функционировать — появятся вздутие и опухоль. Общее состояние вызывало впечатление “внутренней пустоты” и “наружной плавучести”. Следует укрепить в селезёнке элемент земли. Сейчас нужно принимать следующее лекарство:

Атрактилодес крупноголовой (один ланг) — замочить в рисовом отваре, затем три раза поджарить; избегать сильного огня, чтобы сохранить аромат, стимулирующий работу селезёнки

Корень рехмании (три донга) — высушить, но так, чтобы сохранился запах. Укрепляет “ам” селезёнки

Имбирь (2 донга) — поджаривать до потемнения. Выступает в качестве ветрогонного средства

Смесь из пяти элементов (1 донг) — поддерживает работу лёгких и нормализует мочеиспускание.

Все ингредиенты перемешать и подогреть до кашеобразного состояния. Давать больному по чайной ложке с крепким отваром женьшеня во время еды.

*Ваш подданный
Ле Хью Чак».*

Я отдал рецепт сановнику-*тяньдыонгу* — тот сразу же со всем вниманием приступил к его изучению. Придворные лекари также выразили желание ознакомиться с рецептом. Однако сановник-*тяньдыонг* отказался дать его медикам и спрятал лист в рукаве своего платья, рассмеявшись:

— Ваш рецепт сильно отличается от наших!

Он приказал евноху передать рецепт самому правителю. Затем сановник встал и дал мне знак идти следом за ним — мы снова вернулись в «*хаума*», где сели пить чай.

Он обратился ко мне: «Вы проделали долгий и обременительный путь и нуждаетесь в отдыхе. Возвращайтесь туда, где остановились. Высочайшие приказы могут прийти в любое время, поэтому, пожалуйста, не покидайте дворец, даже если Вас пригласят куда друзья или родственники».

Распрощавшись с сановником, я сел в паланкин и вернулся обратно во дворец чиновника-*чунгкиена*. Все последующие десять дней меня навещали друзья и родственники — и мы так говорили, будто и не расставались никогда.

ГЛАВА III. НОСТАЛЬГИЯ

С того самого дня сановник-*тяньдыонг* неотлучно находился при дворе — и минутки он улучшить не мог, чтобы заглянуть домой. Вестей о действии выписанного наследнику лекарства по-прежнему не было; *хау*, сын чиновника-*тяньдыонга*, частенько навещал меня — дни пролетали в беседах; порой, случалось, он засиживался допоздна — глубокую приязнь питали мы друг к другу! Однажды ко мне явился слуга сановника-*тяньдыонга* с таким приказом: — Вышло Высочайшее повеление. Прошу Вас, почтеннейший, немедленно явиться на аудиенцию!

Не теряя ни минуты, я отобрал четверых солдат *хау* — они донесли паланкин до павильона *Хаума*, где мы и остановились в ожидании дальнейших распоряжений. Наступил вечер — вестей не было. Вскоре я увидел, как слуга чиновника-*тяньдыонга* с факелом в руке вышел из дворца. Он прошёл в трапезную и подал нам ужин. Слуга обратился ко мне:

— Господин велит Вам вернуться домой и приглашает завтра вновь явиться на аудиенцию.

И, наклонившись, тут же зашептал на ухо:

— Позвольте поздравить Вас, почтеннейший! *Тюа* назначил Вам двадцать солдат для сопровождения и жалованье, как у чиновника-*кауке*.¹ Завтра на аудиенции Вам сообщат об этом.

Я глубоко вздохнул:

— Какова же причина такого отличия?

После ужина слуга, взяв пропуск в Запретный дворец — бирку в 5 *тхыок*, на двух заключённых в серебряную оправу половинках которой были вырезаны иероглифы «*ной сай*»,² проводил меня до ворот.

Ночью, охваченный тревожными мыслями, так и не смог уснуть. Вот о чём я подумал: «Приму повышение — свободы тогда больше не видать. Самое лучшее, что я могу сейчас сделать — притвориться больным и не идти на аудиенцию».

Наутро со стихами от *хау* явился слуга — через мальчика я просил *хау* сообщить его отцу, чиновнику-*тяньдыонгу*, что со вчерашнего дня у меня жар и болит голова, поэтому на аудиенцию явиться не смогу.

Позже *хау* пришёл справиться о моём здоровье. Он сказал:

— Я передал отцу Ваши слова — во дворе об этом известно. Прошу Вас перестать волноваться и позаботиться о себе, дабы поскорее выздороветь и явиться на аудиенцию. Вас ждёт особая награда.

— Откуда Вы узнали об этом?

— Вчера по служебным делам я был при дворе. Отец сказал, что выписанный Вами рецепт вызвал немало нареканий среди придворных медиков, и поэтому до сих пор им так и не воспользовались. Однако лекарство было удостоено Высочайшей похвалы: правитель рассудил, что за глубокие познания в медицине Вас следует наградить.

Весть об этом чрезвычайно меня взволновала — беспокойство и тревога застыли на лице. *Хау*, прекрасно зная о моём горячем желании вернуться на родину, молвил с улыбкой:

— Почтеннейший, Вы — муж воистину великих талантов и высоких дарований, не хотите, как говорится, обладая телом волшебного скакуна, проделывающего за день путь в десять тысяч *ли*, тянуть повозку с солью. Оттого ли Вы и не радуетесь?

Я встал перед *хау* и совершил поклон. Он, смущённый, поднялся и сказал:

— С тех самых пор как Вы, почтеннейший, прибыли сюда и поныне, я замечаю, как расширяются мои познания — и днём и ночью — благодаря беседам с Вами. Если у Вас

---

¹Т.е. Ле Хыу Чаку был положен оклад, равный жалованью чиновника, ответственного за финансы

²«*Ной сай*» — посланник Императорского дворца

возникли какие-либо затруднения, то прошу Вас без стеснения сообщить мне об этом. Всей душой я желаю Вам помочь.

— С юности я лелею мечту вести отшельническую жизнь, однако воплотить это желание так и не удалось. В родных горах искал я покоя. Мне уже шестьдесят лет. Уши глухи, в глазах рябит — к чему такое повышение? Вдобавок, я ещё и болен, а мне нужно и дальше изучать медицину. Никак не ожидал я такого выдвижения! Если Вы, почтенный *хау*, действительно желаете помочь, то тогда, если не получится посодействовать моему скорому возвращению на родину, помогите мне избежать славы и почестей. Это будет большим счастьем для меня.

Хау улыбнулся:

— Для Вашей лихорадки, почтеннейший, и вправду не найти лекарство. Уж только если для внутреннего исцеления Вы выпьете *тьен*¹ воды из Хыонгшона, а для внешнего пригодятся облака тех мест, тогда болезнь и уйдёт!

Я засмеялся:

— Почтенный *хау* в самом деле пил воду, не касавшуюся земли, потому и обладает чудесной способностью видеть людей насквозь, не так ли?²

На этом наша беседа и прервалась, и мы распрощались.

На следующий день я получил от *хау* письмо: он писал, что передал отцу мою просьбу, однако кроме улыбок от сановника-*тяньдыонга* больше ничего нельзя было добиться. *Хау* советовал мне ни с кем не встречаться, не переписываться, лечиться в покое. В ответном письме к *хау* я выразил своё полное с ним согласие.

Через несколько дней *хау* нанёс мне визит — он так и светился от радости. Я про себя подумал, что сейчас всё наконец прояснится. *Хау* сказал:

— Пользуясь каждым удобным случаем, я беседовал с отцом о Вас, и всякий раз мне казалось, будто его что-то сильно тревожит. Пришлось проявить больше настойчивости — пока, наконец, батюшка не ответил: «Вот уж не думал, не гадал, что господин медик настолько безразличен к славе и почестям. Я всячески расхваливал искусство почтеннейшего, без всякого злого умысла — поэтому сейчас, даже если и попытаться отрицать всё сказанное, уже ничего не выйдет. Осталось только применить один проверенный способ. Я отправлюсь на аудиенцию, а ты сообщи почтенному медику, что завтра его будут ждать при дворе».

Это обрадовало меня и, рассмеявшись, я обратился к *хау*:

— Смею полагать, что Ваш отец прекрасно понял мои чувства.

— Зная, как батюшка мой искусен в речах, могу с уверенностью сказать, что Вы, почтеннейший, непременно вернётесь домой — и сдержите Вы тем самым данную аистам и гиббонам родных гор клятву. Прошу Вас отбросить все свои страхи.

— Я уверен, что всё будет хорошо — благодаря Вашей помощи.

Проговорив ещё сколько-то времени, мы с *хау* распрощались.

---

¹*Тьен* — маленькая рюмка

²Здесь Ле Хыу Чак намекает на знаменитого китайского медика Бянь Цяо. Точные годы жизни его не известны. Китайский историк Сыма Цянь в «Исторических записках» рассказывает о Бянь Цяо следующую историю: «В юные годы он [т.е. Бянь Цяо — *Ц.К.*] служил *шэчжаном* [т.е. смотрителем постоянного двора — *Ц.К.*]. [Однажды] приезжий [по имени] Чан Санцзюнь произвёл большое впечатление на Бянь Цяо. Он несколько раз встретился с ним, проявляя [при этом] почтительность. Господин Чан Сан понял, что Бянь Цяо необыкновенный человек. В течение десяти с лишним лет каждый раз, [посещая этот постоянный двор], он приглашал Бянь Цяо для беседы и как-то, в ходе доверительного разговора, сказал: “У меня есть секретное [лекарственное] средство, [но] я годами уже стар и хотел бы передать его вам, однако вы должны хранить его в тайне”. Бянь Цяо ответил: “Клятвенно обещаю [вам это]”. Тогда [Чан] достал из-за пазухи лекарство и передал его Бянь Цяо со словами: “Это надо принимать с водой, не касавшейся земли; через тридцать дней всё поймёте”. И затем он отдал Бянь Цяо все записи о тайных средствах. Внезапно он стал невидим, как будто никого и не было. Бянь Цяо, согласно совету старика, пил это лекарство тридцать дней и обрёл способность видеть внутренности человека и благодаря этому распознавать болезни. Он отчётливо видел болезни пяти внутренних органов, особенно прославившись диагностированием по биению пульса». См. *Сыма Цянь*. Исторические записки: Ши цзи. [В 9 т.]. Т.8. — С. 246. *Вода, не касавшаяся земли* — т.е. роса и вода, скапливавшаяся на листьях растений.

На следующее утро я прибыл ко двору. Чиновника-*тяньдыонга* не было. Справился о нём у стражников, те ответили:

— Высочайшая особа сейчас в Восточных палатах, а сановник-*тяньдыонг* ожидает аудиенции. Солдат проводил меня через ворота и велел держаться правой стороны. Идти пришлось чуть больше *зама*, и по дороге мне то и дело встречались дворцы, павильоны, террасы, башни, жемчужные занавесы, яшмовые врата — блестящие и сверкающие, их длинные тени в воде словно дотягивались до самих синих небес. Кругом росли дивные ароматные цветы; резвились причудливые животные, порхали сладкоголосые прелестные птички, вершины выставших с плоской поверхности земли холмов устремлялись ввысь, вековые деревья утопали в тени. Покрытый лаком мостик с мраморными перилами был перекинут через извилистый ручей. Я шёл, любуясь всем этим великолепием: и впрямь ничем не хуже обители фей!

У Восточных палат я встретил сановника-*тяньдыонга*. Мы прошли с ним до павильона — там сели пить чай. Чиновник сказал:

— Раньше почтеннейший жил в уединении в лесах, забыв о мирских заботах. Со времени приезда в столицу и поныне, и днём и ночью Вы теперь обременены заботами — должно быть, это Вас сильно утомляет, не так ли?

Поднявшись и отвесив поклон, я обратился к своему собеседнику:

— Я болен и стар, силы мои на исходе, поэтому прошу Вас, почтеннейший, о помощи.

— Вчера вечером я доложил правителю о Вашем желании и просил позволить Вам жить за пределами Запретного города. К Вашей просьбе отнеслись благосклонно. Возвращайтесь пока к себе и ждите там будущих указаний, далеко не выходите. Если уж Вам придётся отлучиться куда — то будьте только в тех местах, где Вас, в случае чего, смогут найти.

Чиновник-*тяньдыонг* не успел договорить — евнух уже приглашал его вернуться во дворец. Я попрощался с ним и вернулся домой. *Хау* зашёл в гости. Я обо всём ему рассказал. Он обрадовался:

— Как говорится: «*Вошёл во врата — погрузился в море*».¹ Хоть отец и давно с Вами знаком, но отпустить Вас домой, проявив тем самым своеволие, он не смеет. Как же быть?

— Вы, *хау*, подобно горе Тхайшон,² защищаете меня. Никого кроме Вас я больше не знаю, ни к кому за помощью обратиться не могу — только Вы и есть у меня. Изменить судьбу, предначертанную Небом — в силах людей, однако будущее предугадать трудно.

Мы распрощались.

Через пару-другую дней сановник-*тяньдыонг* вернулся к себе во дворец — теперь я наконец-то мог навестить чиновника и выразить ему благодарность. В доме уже были гости. Среди чиновников оказались и те, кто знал мою семью. Сановник-*тяньдыонг* представил меня. Один из гостей рассмеялся:

— Обычно люди радуются чиновничьему назначению, а почтенный господин медик счастье видит в отказе от карьеры — и вправду необычно. В древности говорили: «Титулованная знать не живёт в глуши», смысл же высказывания таков: богатства лесов и гор ни в чём не уступают роскоши знатных домов.

Смутившись, я поблагодарил его:

— Я всего лишь мелкий учёный из глуши, и то, что такой значительный сановник, как господин *тяньдыонг*, позаботился обо мне — счастье, ведь благодаря его стараниям обо мне узнали при дворе. Такая возможность выпадает раз в тысячу лет — а счастье для трёх поколений. Но я

---

¹Выражение «*Вошёл во врата — погрузился в море*» связано с историей времён китайской династии Тан (618–907): у некоего Цуй Цзяо служила девушка по имени Сяолан. Молодой человек очень любил свою служанку, но вскоре её продали начальнику области, и возлюбленным пришлось расстаться. Цуй Цзяо долго тосковал по Сяолан. Однажды он случайно с ней встретился и преподнёс стихотворение — начальник области после прочтения этих стихов отпустил девушку: «*В ворота богатого дома вошла — /Как в море, глубок в нем простор, /И стала с тех пор Сяолан для меня/ Совсем незнакомой, чужой*». См. Удивительные истории нашего времени и древности: Избранные рассказы из сборника XVII в. «Цзинь гу цигуань»/ Перевод, [послесл., с. 271-290] и примеч. И.Э. Циперович; Акад. наук СССР. — Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1954. — С. 206, 308

² Гора Тайшань (вьетн. *Тхайшон*) — в кит. пров. Шаньдун. Одна из священных гор в даосизме

слабый старик, ходить мне тяжело, поэтому и не смею растрчивать впустую то, что мне уже даровало Небо — я довольствуюсь и этим, а лучшего и желать не стоит.

Чиновник заметил:

— Почтенный, Вы выглядите здоровым и сильным, кажетесь стойким, подобно сосне или кипарису, которым не страшны любые ветра. Я уверен, что Вы владеете особыми секретами духовного самосовершенствования — именно они питают и поддерживают Вас; Вы всего лишь тоскуете по уединению — оттого и стремитесь бежать.

Другой гость поддержал беседу:

— Уж если все будут как *И-Инь*¹ и *Чжоу-гун*,² то кому же жить в отшельничестве, как *Чо-фу* и *Сюй-ю*?³

Сановник-*тяньдыонг* рассмеялся:

— У каждого человека свои желания.

Через какое-то время все разошлись.

***

Вот уже больше месяца я живу во дворце чиновника-*чунгиена*. Ко мне заходят друзья и родственники — дни пролетают в хлопотах и занятиях. Солдаты-привратники чиновника-*тяньдыонга* прежде чем пропустить моих гостей, задерживают их, дабы выяснить кто они. Свободно посещать резиденцию — дело весьма непростое. Я подсчитал, что за время пребывания здесь немало потратился на дрова и продовольствие. Во дворце кроме меня десять учеников — долго я всех кормить не смогу. Недавно *хау* спрашивал, сколько всего со мной человек. Чиновник-*тяньдыонг* собирается обеспечить всех провизией. Но я не хочу быть обязанным двору за оказанные мне милости, так что придётся дать решительный отказ. Нужно бы найти жильё за пределами двора — тогда и принимать посетителей будет намного легче. К тому же я смогу заниматься изготовлением лекарств — дохода хватит на повседневные нужды. После таких размышлений я, наконец, обратился к *хау*:

— Я вёл привольную жизнь больше тридцати лет, пока однажды не пришлось ехать в столицу. Разумеется, что приятели и родственники частенько навещают меня и сами зовут в гости. Им всегда, и днём и ночью, долго приходится ждать, когда же стражники разрешат им ко мне пройти. По этой причине прошу Вас позволить мне жить за пределами двора. Благодаря Вашему ходатайству господину *тяньдыонгу* я смогу обрести свободу.

Поначалу *хау* отказывался одобрить мою затею. Долго пришлось уговаривать его — наконец, он согласился. Я отправил своих людей на поиски. Дом нашли в квартале, где располагался гарнизон *Киньху*. Хозяин, пожилой господин Бьен Донг, хоть и был женат, но детей не имел. Он, узнав, что я ищу дом, увидел в этом волю Неба. Бьен Донг пригласил меня лично. Я велел носильщику перенести свои пожитки на новое место. Супруги оказали мне радушный приём и отнеслись ко мне с большим уважением. Дом был недалеко от дворца чиновника-*тяньдыонга*. *Хау* частенько, раз в три-пять дней, навещал меня. Трудно описать словами чувство глубокой симпатии и дружбы, которые я питал к нему.

***

Не прожил я и половины месяца в столице [т.е. за пределами Запретного города – *Ц. К.*], как обо мне узнали многие — от чиновников и вояк и до простых горожан. В шуме и суете приходилось выписывать просителям рецепты и проверять им пульс.

Я призадумался: «Поначалу мне нужны были деньги лишь на обычные нужды. Однако же сейчас, вопреки всем ожиданиям, я зарабатываю намного больше. Это не то, к чему я всегда

¹*И-инь* — министр при первом государе династии Шан (XVII–XI вв. до н. э.). Способствовал свержению предыдущей династии

²Идеализированный Конфуцием за добродетели государь эпохи Чжоу

³Знаменитые отшельники времени легендарного императора Яо (III тыс. до н. э.)

стремился. Если так и дальше пойдёт, то из-за бесконечных посетителей совсем придётся забыть о пище и сне!»

Я думал о переезде, но никак не мог найти подходящего местечка. В Левом внутреннем дворцовом гарнизоне служил некий хау Хамсюен. В молодости он держал экзамен на *тутая*.¹ Как и его отец, он служил в армии, и после победы над неприятелем стал военным чиновником. Здоровье у хау Хамсюена было неважным, так что он не раз приходил ко мне за рецептом. Хау Хамсюен заметил, что недуг вновь одолевает его, когда кто-то другой, а не я, занимается его лечением. В самые тяжёлые периоды болезни хау обращался ко мне за помощью. Он также просил разрешения изучать вместе со мной медицину. В искренности его желания не было сомнений — и я согласился.

Хау Хамсюен знал, как сильно уставал я от шума, живя у Бьен Донга, и подыскал для меня жильё — старый дом стоял на берегу озера, недалеко от того места, где жил сам хау. В нём были приёмная для гостей, внутренние покои и кухня — везде царили тишина и покой. Хау Хамсюен пригласил меня туда. Приятно взволнованный, я с радостью переехал в новый дом. Бьен Донг со своей супругой не хотели меня отпускать. Их дом находился от моего всего лишь в паре сотен шагов, поэтому я для удобства приказал проделать в стене небольшой проход. Хау Хамсюен заботливо встретил меня в новом доме.

После переезда у меня появилось больше свободного времени. Однажды ночью при свете ярко сиявшей луны я вновь размышлял о своей жизни, облокотившись на перила террасы. Вот уже несколько месяцев я в столице. И пускать куда — толком никуда не пускают, и домой возвращаться не позволяют. Стал сгибать пальцы — и насчитал тридцать лет. Тридцать лет я жил, не подозревая, что слава и почести смогут найти меня и превратить в узника.

Взволнованный, я не смог подавить тяжёлого вздоха, вырвавшегося из моей груди. Приказал слуге заварить чай. Мелодичный и звонкий, изысканностью подобный пьющей росу цикаде, то прерывавшийся, то возникавший вновь, чистый, как осенняя роса, доносившийся с другого берега озера звук разогнал мою дремоту. Вздрогнув, я поднялся и вышел во двор — и там, взволнованный, внимал музыке. Кто-то в доме, что на западной стороне, играл на лютне. Полный печали, я выразил охватившие меня чувства в этом стихотворении:

*Ясной ночью слышу играющей вдалеке
Лютни звуки.
Луна сияет на тысячу ли,
Освещает осенний пейзаж.
Чей же дом сейчас так полон веселья?
Странник охвачен чувством тоски.
Печаль слышна в звуках небесной лютни,
И вторят ей барабаны ночных стражей.*

После, как закончил писать стихи, я решил немного пройтись — и только глубокой ночью отправился на покой. До первых лучей солнца во сне я видел родные горы. Слуга разбудил меня:

— Господин хау давно ждёт Вас.

Я поспешил в зал для гостей. Меня там ждал хау Хамсюен:

— Раньше Вы ютились в тесных комнатках с окнами на дорогу — оттого и было шумно. Сейчас Вы живёте в тишине и покое. Здесь, смею себя заверить, Вы отдохнёте душой и телом.

— Это всё благодаря стараниям хозяина дома.

Нас застал сын сановника-*тяньдыонга*. Я показал гостям своё стихотворение «*Слышу ночью звуки лютни*». Они похвалили его.

Сын чиновника-*тяньдыонга* воскликнул:

— В строке «*Чей же дом так полон веселья*» так много чувства!

1 Степень, получаемая на конкурсных экзаменах провинциального уровня

Я ответил:

— Верно.

Хау Хамсюен заметил:

— После могущества наступает слабость. Великий достаток сменяется упадком. Оттого мудрецы древности и говорили: «Много — уменьши, мало — поддержи». Во фразе из стихотворения содержится подобный смысл.

Поболтав ещё немного о всяких пустяках, оба хау откланялись.

На следующее утро ко мне в сопровождении пяти крепких и хорошо одетых солдат явился посланец от сына чиновника-тяньдыонга. При виде столь многочисленной процессии я уже внутренне приготовился было к дальнему пути. Посланец сказал:

— Мой господин заметил, что Вы, почтеннейший, живёте в глухом и пустынном месте. Здесь полно лихого люда, и мой хозяин, волнуясь, как бы чего не случилось, обратился к отцу. Господин *тяньдыонг* отобрал в своей резиденции и отправил сюда пятерых самых лучших солдат Переднего гарнизона: днём они будут выполнять Ваши поручения, ночью — охранять Вас.

Тяжело вздохнув, я обратился к нему:

— Я глубоко благодарен господину *тяньдыонгу* за неустанную заботу обо мне — память об этом всегда будет глубоко храниться в моём сердце. Я человек маленький и не достоин такой чести. Прошу Вас передать господину *тяньдыонгу* мой отказ.

Однако посланец, не желая принимать каких-либо возражений, отправил солдат во внешние покои. Раньше если я и отлучался куда по делам, то сообщал об этом сановнику-*тяньдыонгу*. В моём распоряжении было семь — восемь человек солдат, через которых я передавал чиновникам рецепты нужных им лекарств. Сейчас у меня было двое солдат *Левого внутреннего дворцового гарнизона*, один — гарнизона *Ньюонгчунг*, один — гарнизона *Чунгкинъ*, один — гарнизона *Хаузунг*, и ещё один — гарнизона *ТЬенхунг*. Большинство вояк были ленивы и всячески уклонялись от работы. Лишь пятеро солдат гарнизона *ТЬензунг* подчинялись приказам. Только ими я и был доволен — остальных я отправил обратно. Солдат гарнизона *ТЬеннинъ*, один — гарнизона *Чунгкинъ*, пятеро — гарнизона *ТЬензунг* разместились на кухне. За работу я платил им жалованье.

***

Жители столицы наносили мне многочисленные визиты — они были, благодаря слухам, осведомлены о моём выдвигании при дворе, и для них я был горным отшельником, человеком странным и диким. Мои целительские способности их даже не интересовали. Знать и юные аристократы, чиновники, учёные-конфуцианцы, обычные горожане — их визитам не было конца. Мы вели беседы о делах не только минувших, но и нынешних времён, медицине. Циновки не пустели, а в *тьенах* не переводился чай. Целыми днями то и дело я принимал гостей.

Как-то раз четверо мужей нанесли мне визит. Одного звали Бат Чык — уроженец деревни Антоан, он служил в Министерстве юстиции; Ханг из деревни Нонлиэу учился в Школе сынов Отечества, братья Зы и Ву, родом из деревни Донгдьеп, были учителями в провинциальной школе. Все они отошли от государственных дел. Названные мужи пришли не одни — с ними был ещё один студент Школы сынов Отечества, уроженец Шонтэя, взявший себе псевдоним Тхань Хо, а второго, члена поэтического кружка его родной провинции Шоннам, звали Тхуи Ань. Гости принесли с собой вино и закуски. Сколько-то вина было уже выпито, тогда почтенные мужи и спросили меня:

— Мы слышали, что Вы, почтеннейший, прекрасно разбираетесь в тайнах человеческой души. И знаем ещё, что Ваши стихи подобны шедеврам *Ли Бо* и *Ду Фу*.¹ Просим Вас, уважаемый

¹Ли Бо (701–762/763) и Ду Фу (712–770) — знаменитые поэты эпохи Тан (618–907)

учитель, не скрывать Ваших речений, нефриту и золоту подобным, и ознакомить нас, младшее поколение, с ними.

Я же ответил на это так:

— Поэзия помогает выразить собственные чувства. Каковы чаяния людские — таковы и стихи. У меня есть парочка стихов, но они простые и грубые, ведь писал их деревенщина — люди учёные, как Вы, только посмеются над ними. Как тут мне осмелиться!

— Учитель, Вам не следует так принижать себя. У нас с Вами схожие мысли и настроения, к чему тут церемонии!

Я показал им стихотворение «*Чувство, охватившее меня по дороге в столицу, куда я еду по Высочайшему приказу*». Чиновник Министерства юстиции сказал:

— Стихи печальны, но в них есть вкус, они выражают не только смирение, но и гордость. В них не говорится о доблести — но говорится о богатстве. Вот где действительно нужно читать между строк, дабы постичь смысл! Глубина стихов бесконечна.

Его приятели ответили:

— Дух, царящий в стихах, возносит к облакам — и такое создаётся ощущение, будто и вправду видишь отшельника.

Мы просидели до позднего вечера. На следующий день каждый из них со слугами прислали свои стихи — в ответ на мои.

Чиновник Министерства юстиции писал мне:

«Почтенный господин происходит из благородной семьи. Не знаю, сколько лет он прожил в горах и лесах. Учитель много повидал на своём веку и хорошо знает современность. Ему необходим совершенный ученик, со способностями выше обыкновенных. К тому же сей почтенный муж немало путешествовал на своём веку и долго занимается самоусовершенствованием. Он — словно звезда на высокой горной вершине, и нам, молодому поколению, никогда с ним не сравниться. После встречи с сим мужем мой головной убор будто бы наполнился облаками и дымкой, а речи уподобились прекрасным запахам и цветам. Радость моя безгранична. К тому же я узнал, что почтеннейший с большой охотой предаётся музицированию. Тонкость в обхождении и душевное благородство восхитили нас и произвели воистину глубокое впечатление. Смеею предложить почтеннейшему своё стихотворение — буду чрезвычайно рад, если он соизволит принять его:

*Презрев блага, которые сулила чиновничья служба,
Вы удалились от дел, дабы совершенствовать свой дух,
Золота пески и серебра снег — это не бедность!
В ларчике с лекарствами корица и атрактилодес крупноголовой,
Всем своим существом Вы парите в туманах и облаках, за пределами земного мира.
Нагреваете камни, имеете вкус и радуетесь.
Вы печалитесь, что мало знатоков может оценить Вашу искусную игру на дане.
Сейчас же Вас пригласили ко двору на собрание медиков, дабы помочь Правителю и людям».*

***

С этой самой встречи мои сочинённые по дороге в Тханглонг стихи стали переписывать и другие жители столицы. Дня три или пять подряд я получал стихотворные ответы на «*Чувство, охватившее меня по дороге в столицу, куда я еду по Высочайшему приказу*» — даже от тех, кого и в жизни никогда не знал. Стихов прислали много — вот одно из них, написанное бывшим военным, служившим на посту *Тхиембинь*:

Абрикосовая роща, воды источников и мандарины¹ — они укрепляют Ваш дух.

¹Абрикосовая роща связана с именем китайского целителя *Дун Фэна*, родом из местечка, которое относится сейчас к современной провинции Фуцзянь. Во времена Сунь Цюаня (222–252), правителя царства У, *Дун Фэн* постиг

*Знаю теперь, что Великий путь не ослабевает.
Глаза и уши не одиноки — с ними само Небо.
Кожа и волосы¹ оставляют после себя тело чиновника.
Вкусы и цвета непрерывно сменяют друг друга — это верно
Как и то, что первыми людьми в древности были Си и Хэ.²
Я рад нашей случайной встрече.
Сановники Гао и Куи подчинялись Шуню,³ а он был правителем.*

Однажды меня навестил командир Левой гвардии внутренних дворцовых войск. Хау Хамсюен сказал:

— Вы, почтеннейший, прославились в столице, и не только больные, которым нужны Ваши рецепты, но и знатные чиновники и их отпрыски жаждут встречи с Вами — Ваше великодушие известно всем. Как-то, будучи в гостях у командира Левого гарнизона Тьенхунг, я увидел Ваши стихи. Хоть я и человек военный, но осмелился сочинить ответ на них. Позвольте преподнести их Вам — показаться смешным я не боюсь.

*Мы все рождены Природой,
Великий путь совершенен, он богат и не оскудевает.
С улыбкой на устах, спокойным взором Вы охватываете небо и землю.
Здоровье стариков и молодых зависит только от Вас.
Высочайший приказ пришёл к Вам, живущему среди пышных полей.
Вы не можете взирать на сильных мира сего со страхом.
Вы знаете, как приспособливаться к жизненным неурядицам,
И смею сказать, что и я одной сущности с Вами.*

Закончив чтение, я воскликнул: «Не ожидал я, что увижу столь прекрасные стихи! Позвольте мне поздравить Вас!»

Пока мы разговаривали — пришёл командир гарнизона Хунгта. Он, улыбаясь, обратился к нам: — Ваши разговоры и чтение вслух стихов обрадовали меня, это действительно восхитительно! Позвольте и мне представить кое-какие стишки.

И с этими словами гость достал из рукава платя листок. Хау Хамсюен первый прочёл стихи. Командир гарнизона Хунгта был приёмным сыном ныне покойного главы провинции Лангшон,

---

секреты долголетия, и с тех пор на вид ему нельзя было дать больше сорока. Дун Фэн жил затем на горе Лу, что в современной провинции Цзянси. Там он занимался лечением больных и не брал с них платы. Если болезнь была серьёзная, он велел выздоровевшему посадить пять абрикосовых деревьев, если же болезнь была менее тяжёлой — то одно дерево. Прошли годы — и возникла целая роща из нескольких сотен тысяч абрикосовых деревьев. Дун Фэн построил посреди рощи хранилище. Те, кому нужны были абрикосы, могли брать их сами — но должны были оставить столько мер риса, сколько они взяли плодов. Однажды кто-то забрал больше фруктов, чем оставил мер риса. И когда человек покидал рощу, его схватили пять тигров. Тот, испугавшись животных, выронил из рук ношу — вышло так, что плоды рассыпались, и у него осталось ровно столько абрикосов, за сколько он расплатился рисом. Тигры вернулись в рощу. С той поры все те, кто приходили в рощу, брали столько абрикосов, за сколько оставили риса. Если же кто-то крал фрукты, то тигры загрызали его до смерти; однако, если узнавшие о воровстве родственники погибшего возвращали украденное обратно, то тот оживал. Дун Фэн раздавал накопленное зерно беднякам, а абрикосы — странникам, не взимая с них платы. То место стали называть *Абрикосовая роща бессмертного Дуна*. — См. *To live as long as Heaven and Earth: A translation and study of Ge Hong's Traditions of Divine Transcendents* (Жизнь, длиной подобная Земле и Небесам: перевод и исследование сочинения Гэ Хуна «Жизнеописания святых-бессмертных»). — By Robert Ford Campany. *Daoist Classics 2*. — Berkeley: University of California Press, 2002. — P. 144; мандарины — аллергия на некоего даоса, который советовал больным жевать листья мандаринового дерева, запивая их колодезной водой

1Т. е. то, что при рождении человек получает от родителей

2Си и Хэ — придворные астрономы легендарного императора древности Яо — См. *Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Т. 2. Мифология. Религия.* — С. 572

3Император Яо передал престол Шуню

хоангзяпа¹ из деревни Лайтхать. В те времена, когда я ещё жил в Хоантяу, мы состояли с командиром в переписке, но случая лично встретиться нам не выпадало. Вскоре он поступил в Школу сынов Отечества, а после подачи ко двору проекта об административном управлении его наградили — Высочайшим указом назначили на должность командира гарнизона Хунгта. Мы должны были встретиться по моему приезду в столицу, однако ничего не вышло — ему пришлось уехать по делам службы. И вот сейчас, наконец, увиделись. Хау Хамсюен похвалил стихи. Пришёл и мой черёд читать. Я спросил у гостя:

— Скажите, почтенный хау, где же Вам довелось найти мои стихи?

Он рассмеялся в ответ:

— Дорогой дядюшка, о Вас уже давно известно как при дворе, так и за его пределами! Знатные чиновники и их дети знают уже Ваши стихи наизусть — и я в том числе. Как же не знать!

— Почтенный хау, своими словами Вы меня вогнали в краску!

И про себя подумал, что мой гость славится своими стихами — слог его тонок и чист, сразу видна рука мастера.

Чай был выпит, курильница с благовониями погасла, разговоры прекратились, и все разошлись. Я переписал стихи командира гарнизона Хунгта:

Не меньше двадцати лет прошло с нашей с Вами последней встречи.

Все эти годы я мечтал увидеть Вас, но наши пути не сходились.

Со всем почтением преподношу Вам свои стихи, написанные на Ваши рифмы.

С самой молодости мы с Вами следовали своему пути, сейчас у нас те же мечты, те же горести.²

Нет другого желанья, кроме как провести остаток дней в тишине и покое.

Мы знаем, как пуста мирская слава.

Вы, словно феникс, парите в небесах. Я же, как и все простые люди, жду Высочайших милостей.

Какая радость, если бы мы смогли встретиться с Вами в Хьонгшоне; да пребудет в здравии наш Правитель и ночью, и днём!

*Со всем почтением, давний друг Нгуен Нго Данг
посвящает эти стихи Вам.*

Как-то меня навестил учитель, земляк моей матушки, работавший в уезде Хахоа. Он возвращался в Хьонгшон и зашёл попрощаться со мной. Пользуясь случаем, я передал ему письма и подарки для родных. Он посетовал на свою мелкую должность, не приносящую ему дохода. Учитель попросил у меня денег в долг. Я дал ему пару десятков связок монет. Учитель обрадовался и от всего сердца поблагодарил меня.

Вечером того же дня я сидел у себя в одиночестве и грустил. Вспомнились родные горы, вспомнилось, как ярко светила в окна моего дома луна — и я тоже сел у окна, однако это не успокоило меня. Было поздно. Устало я сидел у окна, однако сна не было ни в одном глазу. И только вот задремал, как звук птичьих трелей вывел меня из дремоты. Пламя свечи всё так же отбрасывало тени на стену. Я велел слуге принести дан. Тронул струну, ещё одну — и грустные мелодии полились рекой. Прекратив игру, приказал слуге заварить чай. Выпил *тьен*, и ещё один, и ещё — чай всё равно казался безвкусным. Вышел во двор, прошёл сотню шагов — чувствуя себя несвободно и скованно, прочёл вслух два стихотворения, чтобы хоть как-то себя утешить:

Проснулся и не вернулся к себе домой.

Луна освещает всю веранду.

Тихое озеро начинает окрашиваться в осенние цвета.

¹Хоангзяп — лауреат дворцовых экзаменов второй степени

²Т.е. обоим пришлось по приказу ехать в столицу

*Звонкоголосая птичка улетает, прощаясь со стаей.
Каждый раз, стоит только погрузиться в мечты о родных краях,
Тут же просыпаюсь — в столице!
Если я мудро следовал своему пути, то как же так вышло,
Что пустая слава настигла меня?*

*В тишине и покое ночью сижу.
Дикие гуси парят в облаках — слышу их крик.
В свете луны вижу блеск озера.
Зацвели на старых деревьях цветы.
Чай весь выпит, но стихи не завершены.
Вдохновение странника нарастало — с последними звуками дана.
Кричит петух —
Заря уже на небосводе!*

Однажды ночью меня разбудил солдат, бывший у меня на службе, — примерно во время второй стражи, и сказал, что меня ожидает богато украшенный, с двумя фонарями паланкин. Я тут же вскочил с кровати. Это был молодой *хау*, сын сановника-*тяньдыонга*. Напуганный внезапностью визита, я спросил у гостя, в чём же причина столь позднего его посещения. Он ответил:

— Меня направил к Вам отец. Дело в том, что нашему правителю подали рецепт, в котором был указан ингредиент «чудесная трава», и мы точно не были уверены, что же это — справлялись даже в «*Бэньцао*», но так ничего и не нашли. Вот поэтому мы и решили обратиться к Вам и уточнить, что это за трава и как следует приготовить лекарство.

Я взял кисть и подробно всё расписал. *Хау* забрал бумагу с моими рекомендациями и, ссылаясь на спешку, оставил свой чай недопитым и откланялся.

Я подумал про себя, что с самого приезда в столицу сановник-*тяньдыонг* уж очень церемонно со мной обходится. Уточнить рецепт лекарства — дело мелкое и не очень важное. Однако не кого другого, а своего сына он отправил выполнить это поручение. Раз дела обстоят таким образом, то трудно предугадать, когда же я вернусь на родину!

Я передал молодому *хау* два стихотворения, в которых выразил всю полноту тоски странника по родным краям — вдруг что-нибудь да получится. Когда мне было нужно добиться разрешения жить за пределами Запретного города, я обращался, и не раз, к сановнику-*тяньдыонгу* через его сына. Я попросил *хау* показать отцу мои стихи и поговорить с ним о моём отъезде из столицы. Тот согласился. Однако чиновник-*тяньдыонг* стихи прочёл, но ничего не ответил — лишь улыбнулся.

Был уже **пятый месяц по лунному календарю**. Я просил у чиновника-*тяньдыонга* разрешения вернуться домой — близился день поминовения моих предков. Ничего не вышло. Хоть мои лекарства и не давали наследнику, однако же я должен был проверять выписанные мальчику другими медиками рецепты — их передавали мне. Болезнь его обострилась, а я никуда не мог уехать. Пришлось покупать благовония и сжигать их, отправляя ритуал, в доме, где я жил в столице.

Однажды один из зятьёв *тюа* по имени Кунг, сын Куан-куанконга, одного со мной уезда, пригласил меня к себе — осмотреть его жену, страдавшую от метроррагии. Я проверил пульс. Супруги хотели оставить меня у них на несколько дней. Я им на это ответил, что чиновник-*тяньдыонг* строго-настрого запретил мне надолго отлучаться из дома, чтобы, в случае указаний свыше, меня всегда могли бы найти. Господин Кунг отправил служку передать тестю просьбу оставить меня у них. Однако *тюа* ответил, что, поскольку я уже стар и слаб, меня не следует задерживать. Он отправил к зятю господина Тана, чиновника, занимавшего должность *хьувуиен тхуфиена*. Тот и разъяснил это всё нам. Я подумал, что, должно быть, сановник-*тяньдыонг* и говорил *тюа* о моей просьбе, однако сам господин *тяньдыонг*, по природе своей человек

болезненный, не хотел меня отпускать — вот поэтому я и не могу никуда уехать. Я тут же собрался к молодому хау — поделиться с ним своими соображениями. Он мне сказал: — Мой батюшка в отношениях с другими людьми руководствуется велением сердца. Он ценит и глубоко уважает Вас, и не хочет с Вами расставаться. Но раз Вы не хотите оставаться здесь, отчего ж ему чинить Вам препятствия? Отец прочёл те стихи, которые Вы недавно сочинили, и хотя батюшка определённо ничего не сказал, было видно, что он Вам сочувствует. Думаю, что Ваше возвращение — вопрос решённый.

Обрадовавшись, я обратился к хау:

— В древности люди читали стихи, чтобы воззвать к чувствам духов. Два стихотворения заставили расчувствоваться самого правителя и сановников. Есть всё-таки какая-то польза в моих стихах!

И тут же прочёл своему собеседнику «*Чувства, охватившие меня на постоялом дворе во время дождя*», которое я сочинил с чиновником Министерства юстиции, и «*Вижу луну — вспоминаю родимый дом*». Я сказал хау:

— Не только содержание, но и форма стихов отражают мои душевные чаяния и устремления. Сейчас я будто бы поглупел и опьянел — поймите меня, мой друг!

Чувства, охватившие меня на постоялом дворе во время дождя

*Ветер пронизывает странника насквозь, нещадно бьёт неожиданный дождь.
В душе остановившегося на постоялом дворе путника всё больше возрастает чувство
тоски.*

*Старые деревья укрывают туманы и тёмные облака,
Волны вздымаются в тихом и блестящем озере.
Вечерние птички возвращаются в гнёзда, к своим стайкам.*

Откуда доносится звон вечернего колокола?

Не из-за крепкого чая я не могу уснуть.

Знаю только, что сегодняшней ночью мне не будут сниться прекрасные сны.

Вижу луну — вспоминаю родимый дом

Всё та же самая луна светит над Хьонгшоном.

Почему же она теперь появилась в столице?

Песни и звуки флейты слышны в павильонах, хмеля они полны.

Дворцы и башни, что стоят на берегу озера, сияют — десять тысяч разных цветов!

Знаю только, что песни вносят оживление в пиры,

И на постоялом дворе моём куда меньше веселья.

Такими ночами мы собирались в зале Зитян.

И на нефритовом дане не играли скорбных мелодий.

Молодой хау спросил у меня:

— А где находится зал Зитян?

— Это в моём доме, — ответил я ему. — То место окружают деревья, очень там тенисто и свежо. Каждый раз, когда ночами ярко светила луна, я собирал в зале Зитян детей и внуков, и мы пили вино и музицировали.

Хау рассмеялся:

— Древние помнили *вкус бразении и окуня* и покидали свои посты.¹ Ваша радость чиста и светла, и она даже больше, чем была у древних, во много раз. Вот отчего Вы так настойчиво стремитесь вернуться на родину.

И добавил:

— Вам следует переписать эти два стихотворения и отправить их мне, а я при первом же удобном случае представлю их правителю.

Мы распрощались. Я последовал совету *хау*, взяв кисть и бумагу. Как только я закончил переписывать стихи, то сразу же передал их слуге и отправил его к своему другу.

Один из моих старших братьев занимал пост главы провинции Лангшон, а его сын, мой племянник, был чиновником-*докдонгом*.² Мы обещали друг другу встретиться в родных краях, однако ничего не вышло. На родине им было нужно заняться работами по улучшению и восстановлению храма предков, поэтому в столице их не было. И вот, наконец, мы встретились. Старший брат с сыном и его детьми нанесли мне визит. Брат увидел стихи, лежавшие на моём столике, и вместе с племянником принялся их читать. Они воскликнули:

— Как удачно мы с Вами встретились! Как можно теперь оставаться нам безучастными!

И тут же принялись писать на мои рифмы стихи. Спустя некоторое время мы распрощались. Через пару дней гости прислали свои стихи, доставивших мне немало удовольствия.

***

Сын чиновника-*тяньдыонга* пригласил меня осмотреть его жену. Судя по пульсу, супруга *хау* была уже на третьем месяце беременности, и у неё был мальчик. Её мужу я поднёс чая — он выпил несколько *тьенов*, пока не успокоился. С того времени члены семьи сановника-*тяньдыонга* стали постоянно обращаться ко мне. Среди них был глава провинции Куангиен, очень хороший мой друг. Я вылечил его мать и дочь. Чиновники столичных гарнизонов *Тьеннинь*, *Хаузунг*, *Ньюонгчунг* также просили у меня рецепты. Писать об этом здесь не буду — дела эти мелкие и не очень важные.

Однажды я спросил у молодого *хау* о времени моего возвращения домой. Он ответил, что это решится сразу же, как только представится удобный случай. И добавил, что чиновник-*тяньдыонг* читал те два стихотворения, которые я отправлял в последний раз, и выразил своё восхищение ими. Сановник сказал: «Почтенный медик не желал покидать родные леса и горы. Его чувства искренни, и мы не должны задерживать его здесь. Я буду искать все способы, чтобы освободить его».

Услышав такие вести, я не мог сдержать радости и тотчас велел подать нам чай. Вдруг я почувствовал на себе пристальный взгляд. На меня смотрел незнакомый, хорошо одетый господин. *Хау* расхохотался и показал рукой на меня, затем — на незнакомца, потом — на свой рот. Незнакомец в ответ показал рукой на меня, после — на свою голову. После он, словно птица, начал махать двумя руками. Потом затопал, будто бегущий рысцой конь, ногами. Мне стало не по себе, и я спросил у *хау*:

— Что такое с этим человеком? Кажется, будто он немного не в своём уме.

Хау ответил:

— Он глухонемой. И грома не услышит, и сказать ничего не сможет, писать тоже не умеет. Даже не знаю, зачем он сюда пришёл и что ему от меня надо.

— А зачем он тогда топал ногами и махал руками?

---

¹*Древние помнили вкус бразении и окуня*: *бразения* — водное растение. Блюдо из бразении и окуня — знаменитое блюдо китайской провинции Ханчжоу. Здесь *хау* намекает на историю о китайском чиновнике времён династии Цзинь (265–420) Чжан Хане, также известному как Ли Ин. Чжан Хань служил на чужбине, и однажды ненастным днём вспомнил о пище родных мест — окуне с бразенией. После этого Чжан Хань подал прошение об отставке и вернулся в родные края. Выражение «вкус бразении и окуня» означает «тоска по родине». См. *Виногородская В. Б. Чжан Чао. Тени отрешенных снов // Человек и культура Востока: Исследования и переводы –2012 / сост. и отв. ред. В. Б. Виногородская. – М.: ИДВ РАН, 2014. — С. 234*

²*Докдонг* — гражданский глава провинции

— Когда он касается лица, то это значит «*тьюа*». Когда же показывает на рот — значит, вышел приказ. Если машет руками — значит, он пришёл, а начинает скакать — значит, хочет сказать нам, что уходит.

От таких объяснений я расхохотался. С нами также сидел глава уезда Камзянг.¹ *Хау* предложил ему сочинить по столь необычному поводу стихи. Меня озарило вдохновение и я, даже не раздумывая, тотчас набросал такие строки:

*Людам от рождения боги даруют все органы в целости.
Отчего же этому человеку так не повезло?
Преданностью правителю он подобен Юй Жану,²
А долголетием ничем не уступает Хань Синю.³
Когда небесный гром раздаётся на десять тысяч ли в округе, сердце его не дрожит.
Он остаётся невозмутимым пред лицом сотни жизненных неурядиц.
Он наблюдает всё, что проходит мимо его глаз, целую жизнь.
Таинственным образом отдаёт он приказания и делает знаки движениями подбородка и рук.*

Глава уезда Камзянг обратился ко мне:

— Мало кто может тягаться с Вами, почтенный медик, в искусстве сочинения стихов. После Вас мне даже неловко показывать свои жалкие стишки.

Молодой *хау* молчал. И он, и глава уезда принялись меня расхваливать на все лады. Пришёл слуга. Он сообщил, что меня давно дожидается некий знатный посетитель, который прибыл в сопровождении не меньше десяти человек. Я тут же поспешил домой.

Долго я не мог понять, что же это за господин. Только потом распознал в нём своего хорошего приятеля. Я усадил гостя на циновку, и много мы говорили о делах минувших дней. Он сказал мне, что уже долго болен, и давно хотел прийти ко мне на осмотр. Я тщательно осмотрел его и расспросил о болезни. Принимая во внимание то, что болезнь может принять другие формы, — тогда потребуются другие средства, я выписал гостю несколько рецептов. Мы проговорили до позднего вечера и только тогда разошлись. Мой посетитель приходился дядей моей жене, он был родом из деревни Нгуенса,⁴ занимал должность правителя в уезде Тьенхынг.⁵ Мы давно и хорошо были знакомы. Прошло несколько дней — и недавний мой гость прислал со слугой письмо. Он писал, что болезнь его почти прошла — только аппетит пропал, и поэтому просил дать новый рецепт. Я выписал ему кое-какие пилюли и мази. В письме также были следующие стихи:

Мы с Вами дружны уже как тридцать лет, и хоть нас разделяют десять тысяч ли,

¹Камзянг — уезд в провинции Хайзыонг

²Юй Жан жил в во времена Чжаньго (т.е. в Период Сражающихся царств, V в. до н.э. — 221 г. до н.э.) в царстве Цзинь. Он верой и правдой служил правителю Чжи-бо. «...Когда Чжи-бо напал на чжаоского Сян-цзы, Сян-цзы и [главы домов] Хань и Вэй разработали планы уничтожения Чжи-бо. Покончив с Чжи-бо, они разделили его земли на три части. Чжаоский Сян-цзы так ненавидел Чжи-бо, что повелел сделать из его черепа кубок для вина. Покрыв его лаком, он пил из него на пирах». Юй Жану удалось спастись. Рискую собственной жизнью, он пытался отомстить за смерть своего лучшего друга и повелителя Чжи-бо. Преданностью Юй Жана убитому другу были тронуты все, и даже сам Сян-цзы. Когда после одной из неудачных попыток покушения на Сян-цзы Юй Жана схватили, то Сян-цзы, высоко ценя его верность, приказал того отпустить. Юй Жан понимал, что Сян-цзы спас ему жизнь, но не отомстить за друга он не мог. Когда Юй Жан ещё раз попытался убить врага, его схватили. Юй Жан попросил, чтобы ему дали одежду Сян-цзы, дабы он смог проколоть её и считать своего друга отомщённым. Его просьбу удовлетворили. Юй Жан проткнул одежду три раза и потом вонзил кинжал себе в грудь. См. *Сьма Цянь*. Исторические записки: Ши цзи. [В 9 т.]. Т.8. — С.31–33

³Хань Синь — прославленный генерал при первом императоре династии Хань Гао-цзу (202 г. до н. э. — 195 год до н.э.)

⁴Деревня относилась к современному Хадонгу, который сейчас является частью Ханоя

⁵В современной провинции Тхайбинь

*Я не перестаю думать о Вас! Сейчас о Вас знают в столице.
Я удостоился великой чести, будучи исцелённым Вами
И имея благодаря этому возможность спокойно состариться.*

Однажды я услышал, как во внешнем дворе дома двое незнакомых солдат спрашивали у моих слуг, где живёт медик из Нгеана, призванный по Высочайшему приказу в столицу. Я вышел и спросил, где они служат и по какому поводу ищут названного господина. Солдаты ответили, что они относятся к *ве*¹ *Кам-и*,² и их начальник велел им разыскать медика из Нгеана, и что они не знают, хочет ли их командир рецепта лекарства или же собирается пригласить лекаря к себе. Я сказал, что нужный им человек я и есть. И спросил, когда их начальник вернулся в столицу. Солдаты сказали, что уже как пять дней. Я обратился к ним:

— Можете вернуться и передать господину, что медик готов принять его и приглашает в гости. Солдаты ушли. Их начальник был ни кем иным, как моим давним близким приятелем, я с ним дружил с самого детства и не видел уже лет тридцать. Когда я только приехал в столицу, то сразу же отправил людей справиться о нём. Другу моему по долгу службы пришлось покинуть столицу, поэтому мы так и не встретились. Только сейчас он вернулся — и велел солдатам найти меня.

Вскоре после ухода солдат я увидел их командира. Я открыл ворота и пригласил пройти. Друг был старше меня на год. И хотя половины волос не было, а оставшиеся были тронуты сединой, и зубы почти все выпали, он всё равно держался бодро и крепко. Мы сели — и о чём только не вели задушевные беседы: о печалях, о радостях, о былом, — так нас переполняли чувства, что и не опишешь! Много изменилось. Древние говорили: «Герой при разлуке не проронит слезы, но перед лицом горестей жизни и смерти — кто знает?»

Какая печаль охватила нас! Мы сидели рядом и тихо плакали. Я прочёл, чтобы развеять грусть, стихи своему другу, и которые сам написал по дороге в столицу, и которые оставили мне гости. Долго мы сидели — пока не потухла свеча, пока не был выпит весь чай, и говорили о прошлом и настоящем до первых петухов. Ранним утром друг, когда прощался со мной, сказал: — Сегодня *ве*, которым я команду, предстанет перед правителем. И ушёл. Вечером мы снова с ним встретились — он принёс закуски и свои стихи, написанные на рифмы моего стихотворения «По дороге в столицу».

С тех пор мы часто встречались. То он приходил ко мне, то я к нему. Посылали друг другу через слуг закуски и угощения. Пожалуй, это всё, что можно ещё о нас рассказать.

1Столичные войска во Вьетнаме были представлены 4 «императорскими» *ве* во главе с принцами крови (всего 51 «малый» *ве* по 2,5 тыс. чел. в каждом). В XVII-XVIII вв. эту роль реально выполняла гвардия правителя *тюа* (125 подразделений, 12,8 тыс. чел.) — См. Волков С. В. Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке.— М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999 — С. 58

2*Кам-и*: букв. «парчовых одежд»

ГЛАВА IV. ГОТОВЛЮ ЛЕКАРСТВА И ПИШУ СТИХИ

Однажды утром ко мне в сопровождении свиты пришёл глава уезда Камзянг и сообщил:
— Столичный чиновник-*хиенши*¹ Викхием-*конг*, родом из Хоантяу, недавно вернулся в Тханглонг. Он немало слышан о славе почтеннейшего, и выразил желание с Вами встретиться. Господин чиновник не осмелился лично беспокоить Вас в Вашем доме, поэтому отправил меня со своим посыльным, чтобы передать Вам приглашение. Он также посвящает Вам это стихотворение:

*Искусный медик и великий генерал — которого из двух пригласить проще?
Мы давние с Вами друзья, я приглашаю Вас —
Разве сможете Вы отказать?
На земле живёт Тьет Онг,² закрывающий двери своего бедного дома.
В море, где обитают бессмертные, есть почтенный Лан Онг.
Он сидит на журавле,³ ноги его обуты в сандалии феникса.
Ленивый старец придёт, я его пригласил.
Стол накрыт, всё к приёму готово.*

Глава уезда добавил:

— Господин чиновник надеется, что Вы не откажете ему в просьбе и удостоите своим приходом — ведь вы к тому же ещё и земляки, из одной провинции будете!

— Мы с господином чиновником-*хиенши* земляки, живём не так уж и далеко друг от друга, но случая выразить своё почтение мне не выпадало. Как же я могу теперь, когда почтенный господин сам оказывает мне такую честь, отказаться от приглашения?

И я отправился вместе с главой Камзянга в путь. У ворот нас встретил сам хозяин — его скрещенные руки свидетельствовали о готовности принять меня из паланкина. Спешившись, я отвесил низкий поклон. Мы с главой Камзянга сели по обе стороны от чиновника-*хиенши*. Он обратился ко мне с такими словами:

— Застарелый недуг давно не даёт мне покоя, я встречался с разными медиками, но болезнь всё не проходит. Хотя мы с Вами и земляки, и слышал о Вас я немало, однако возможности лично засвидетельствовать своё почтение не было. К счастью, Небо свело нас. Сейчас мы здесь сидим, вкушаем блюда и пьём — не говорит ли это о том, что наша встреча была заранее предопределена?

— Я всего лишь обычный житель горной деревушки, знания мои ничтожны. Как же я могу осмелиться и принять Ваши похвалы?

Нам подали изысканнейшие блюда. Слуга заварил чай. Затем я приступил к осмотру хозяина дома. Шесть пульсов были тягучими, а двух пульсов *сить* будто бы и не было. Это встревожило

---

¹Чиновник-*хиенши* — начальник полицейского отделения Министерства юстиции

²Букв. «Неловкий господин»

³Согласно китайской мифологии, журавль (*хэ*) — священная птица, символ долголетия, связанная со светлым началом *ян*. В 7 лет с журавлём, поскольку он питается субстанцией огня и металла, происходят «малые изменения», в 16 лет — «большие», изменения завершаются в 160 лет — тело журавля становится чистым и белым, его крик может быть услышан самим Небом. В 1000 лет белый журавль становится синим (зелёным), в 2000 лет — чёрным. Белые журавли со временем стали считаться птицами, на которых летают бессмертные (*сянь*). Бессмертные *сянь* часто изображались как белобородые старцы с открытыми вислыми грудями и животом, распущенными волосами, босыми ногами — признаками свободы от мирской суеты и условностей; с атрибутами бессмертия или долголетия (чудодейственный гриб — *чжи*, *сосна*, *олень*, *журавль*). См. Мифы народов мира. Энциклопедия. (В 2 томах). — Т. 2. — С. 482, 609–610

меня. Я подумал, что долго чиновнику-*хиенши* не прожить. Озвученный мной диагноз оказался верным. Тот вздохнул:

— Да уж, недаром говорят, что Вы — великий медик! Жаль только, что встретил Вас слишком поздно.

Он попросил выписать ему рецепт. Я ответил:

— Нужно время, чтобы тщательно обдумать рецепт и приготовить действительно хорошее лекарство. Спешка здесь неуместна. Завтра утром рецепт будет готов.

Глава уезда Камзянг сказал:

— Недавно и я просил у нашего почтенного медика совета. И только после пары-тройки осмотров он принял окончательное решение и выписал мне рецепт. Как тут не быть лекарству превосходным, когда господин обследует с таким прилежанием и вниманием!

И вдруг вошёл *хоангзяп* До, служивший в должности *кайдао* в Намшоне.¹ Все встали, приветствуя нового гостя, и пригласили его сесть. *Хоангзяп* До спросил у чиновника-*хиенши*:— А кем будет сей почтенный господин?

Хозяин дома ответил:

— Да это же знаменитый Отшельник из Хыонгшона!

— Ах, так это и есть тот самый господин Ленивый старец из Хайтхыонга, не так ли?

Чиновник-*хиенши* ответил утвердительно. *Хоангзяп* До обратился ко мне:

— С давних пор слышал я Ваше громкое имя, однако возможности лично засвидетельствовать своё почтение у меня не было. Моя супруга серьёзно больна, и я хотел было послать своих людей за Вами, но побоялся, что Вы не перенесёте долгого пути. Но вот теперь, когда удача улыбнулась мне, и я наконец Вас встретил, хочу попросить Вас выписать для моей больной жены рецепт.

— Назначение врача — спасать человеческие жизни. Он не отступает ни перед какими препятствиями и трудностями. Как же я могу осмелиться проявить леность и небрежность?

Хоангзяп До подробно описал историю болезни своей супруги, от начала и до конца. Я выписал два рецепта — для изготовления порошков и пилюль. Глава уезда Камзянг сказал мне:

— И мой батюшка давно болен, но я боялся побеспокоить Вас. Однако, видите ли, я живу не очень далеко отсюда, по левой стороне, поэтому, пользуясь таким совпадением, смею просить Вас зайти к нам и осмотреть отца. Принять Вас — большая для нас честь.

Все распрощались с чиновником-*хиенши*. Я отправился к дому главы уезда Камзянг. Его отец, Ши Доан,² когда-то служил чиновником влевой армии, и после своей отставки остался жить в столице. Я осмотрел главу семейства и выписал для него рецепт. Его дети пригласили меня

¹*Кайдао* — военный чин наместника в пограничном регионе; Намшон — провинция Лангшон, гран. с Китаем

²Имя отца правителя уезда Камзянг — Уонг Ши Доан. Его биография приводится в «Записках о том, как тутовые посадки превращаются в синее море» *Фам Динь Хо* и *Нгуен Ана* — «Господин Уонг Ши Доан»: «В те времена, когда господин Уонг Ши Доан ещё не был лауреатом конкурсных экзаменов, он жил в доме своей супруги — женщины из богатой семьи, моих односельчан; у них был мальчик. Жена отличалась злым нравом. Каждый раз, когда мужа навещали его друзья, она приходила в крайнее негодование и прогоняла их, приговаривая: “Ну и лентяи, бездельники, только и забот, что в одежки рядиться да есть до отвала, да лежать, а как сделать что нужно — притворяются занятыми”. Наступило время сдачи экзаменов, и поэтому господину Уонг Ши Доану нужны были деньги на расходы, однако скупая жена не дала ни гроша. Уонг Ши Доан вышел было из себя, как жена сорвала с него всю одежду и прогнала взащей, так что пришлось ему, чтобы скрыть наготу, переправляться по воде. Девушка из соседней деревни вместе с бабушкой шла на рынок продавать ткани. Заметив Ши Доана, девушка шепнула своей спутнице, чтобы та выяснила, в чём же дело. Узнав о случившейся с ним беде, женщины оторвали ему кусок ткани — на набедренную повязку. Господин Ши Доан успешно сдал экзамены, и когда вернулся домой, то немедленно женился на той девушке. Ши Доан служил трону больше 60 лет, а сам дожил до 99 лет. Жене Ши Доана было пожаловано звание Добродетельной супруги. Чиновник-*бойтунг* Ши Ланг, глава уезда Камзянг Ши Тхиен, помощник министра Общественных работ Ши Чать — все сыновья сей добродетельной госпожи». См. *Phạm Đình Hồ — Nguyễn Ân. Tang Thương Ngẫu Lục* (Записки о том, как тутовые посадки превращаются в синее море). — Hà Nội: Khoa học Xã Hội. — 2016. — Tr. 90

выпить чай в павильоне на берегу озера. С виду озеро простиралось будто бы на тысячу *мау*.³ На глади озера резвились птицы. Рыбки, принимая осыпавшиеся с деревьев листья за наживку, играли с ними. Вздвигаемые лёгким ветерком волны слегка касались растущих на берегу цветов и трав. Воздух был насыщен ароматами цветов. Перед озером возвышалась небольшая земляная насыпь в форме полумесяца, сплошь облепленная белыми лотосами. Её окружали пышные деревья, а душистые цветы один другого были краше. Стоявшие во дворе сливы склоняли ветви к каменному столику, а отбрасываемая рядами растущего за павильоном зелёного бамбука тень через окно проникала внутрь и даже затемняла страницы читаемой книги! В конце двора одиноко, будто напуганный холодом, стоял дикий журавль. Множество цветов, казалось, словно вели о чём-то беседы друг с другом. Очень было трудно удержаться от праздного любования всеми красотами. Дети Ши Доана пригласили меня прочитать им стихи. Я ответил: — Предлагаю Вам, дорогие, начать, а я уже затем отвечу на Ваши стихи своими. Никто не хотел быть первым. Так что пришлось мне взять в руки в кисть — я записал вот такое стихотворение:

*Знатный муж в красивых пейзажах видит отраду,
Павильоны и башни обращены к берегам.
Окна блестят в свете чистой луны, лотосы цветут в разгар поздней осени.
Падают листья, рыбки вольно резвятся,
Дикий журавль засыпает среди цветов.
Прекрасный чай будто сам приглашает нас опорожнить чашки,
Смех и речи витают в воздухе,
Смешиваясь с курениями и ароматами.*

*Написано ничтожным медиком из семьи Ле,
известным под псевдонимом
Ленивый старец из Хайтхыонга.*

Дописав последние строки, я передал стихотворение господину Уонг Ши Доану. Он сказал: «Стихи хорошие — читать их легко и приятно». И приказал слугам завесить стены павильона. Его сын, правитель уезда Камзянг, свои стихи прочёл со следующим вступлением:

«Глубокоуважаемый господин — муж великих добродетелей, в почтенных летах. Великий господин медик, равный по глубине познаний в медицине Хуан-ди и Ци-бо, талантлив не только в своём ремесле, но и в литературе — искусством сложения стихов Вы подобны самим Ли Бо и Ду Фу. Тонкость чувств, благородное спокойствие и доброе отношение к окружающим — всё это восхищает поэтов и художников, которые стремятся подражать Вам. Я же, известный под именем Танг, глава далёкого уезда, имел счастье быть Вам представленным, но как поздно! Вы осчастливили меня не только как прекрасный медик своими безграничной заботой и вниманием, но и великолепными стихами. Разве смогу я это забыть и вернуть сей долг сполна? Прошу Вас принять сии строки, написанные грубым деревенщиной:

*Вы — друг журавлей и облаков,
Веселье находите у кромки воды,
Взглядом знатока охватываете пейзаж,
Прозрачные потоки и белые кувшинки.
Ваши чудесные рецепты избавили моё тело от старых болезней,
А Ваши превосходные стихи пробудили меня от долгой спячки,
И я чувствую себя, будто оседлал
Мчащийся к облакам пяти цветов весенний ветер!*

С бесконечным почтением и восхищением, студент Танг».

---

³Мау — мера площади. 1 мау = 3600 м²

На дворе уже стоял поздний вечер, пора было возвращаться домой. Дети Ши Доана проводили меня до самых ворот — долго мы не могли распрощаться.

И вот однажды ко мне пришли с визитом посыльные от военного чиновника гарнизона Чунгхунг и обратились с такими словами:

— У нашего патрона есть челнок: он такой же быстрый, как и скачущий галопом конь. И каждый раз — только господин ступит на лодку — она начинает качаться и вращаться, совсем как хмельная. Хозяин настолько восхищён таким её свойством, что даже дал ей имя — «Пьяная лодка». Один поэт воспел челнок в стихах. Наш господин просит Вас, почтеннейший, так же написать стихи в честь «Пьяной лодки».

Посыльный дал мне следующее стихотворение:

*Что плохого, что хорошего есть в жизнях других — для меня не так уж и важно,
Пьяную или нет — свою лодку люблю.
Обычные люди собираются на рыночных площадях,
Но вода может вместить гораздо больше людей.
В минуты радости лодка способна доплыть со своей ношей до луны,
А в дни, когда моя душа полна поэзии,
Я верю, что смогу достичь бессмертия.
Я отважен и дерзок, но знаю, как нужно плыть — так разве стоит мне гроз и бурь
страшиться?*

Закончив чтение стихов, я спросил имя автора.

Посыльный ответил:

— Их написал студент До из провинции Киньбак.

Я сказал ему:

— В стихах особенность лодки не нашла должного отражения. К тому же автор не оставил описания челнока. Стихи, таким образом, не соответствуют заданному сюжету.

В тот момент я не чувствовал прилива вдохновения, и поэтому сообщил посланцу:

— Скажите своему хозяину, что я пришлю свои стихи через пару дней.

По истечении указанного срока я со слугой отправил военному чиновнику такое стихотворение:

*Не мощные волны качают меня —
Своему челноку я дал имя — «Пьяная лодка».
Я пью взахлёб, и чаша моя никогда не бывает полна.
Шатаюсь, танцую, рискуя наделать ошибок.
Качаясь на волнах, моя лодка не может доплыть до луны со своей ношей.
Пью вино и напеваю стихи — чувствую себя как бессмертный!
С ранней юности я известен своей отвагой; чтобы узнать о прочности каменного
столпа,
Нужно дожидаться скорой старости.*

Через несколько дней ко мне зашла госпожа Данг. Она заметила лежащие на столике два стихотворения и попросила дать их ей. Закончив чтение, моя гостья промолвила:

— Дорогой дядюшка, содержание Ваших стихов соответствует заданному сюжету, они прелестны, изысканны, утончённы, а царящий в них дух бесподобен. Однако сравнение домов и лодок, которые также являются местами человеческого обитания, с превратностями судьбы не совсем удачно. Не позволите ли Вы мне, дядюшка, написать своё стихотворение на эту же тему?

— Отчего же нет, моя дорогая племянница, пишите!

И в самом деле — не успел я и глазом моргнуть, как она уже вручила мне свои стихи:

*В дивный танец зовут человека тонкие ветви ивы —
Он, хмельной, показывает на лёгкую лодку.
Наливает себе вина, чтобы выпить в окружении сосен и хризантем.
Он словно пьёт луну и поёт подобно ветру,
Плывя в своём челноке, волей вдохновения идущем промеж камней и вод.
Бессмертному подобен он, пирующий среди туманов и багряных облаков.
Вздымаются гребни волн — и видит он рыб, к которым обращает сии слова:
«Удивительно, но, кажется, вижу сейчас золотого юного отрока!»¹*

Я ответил ей: «Дорогая племянница, Вы и впрямь обладаете большим литературным талантом и замечательной способностью быстро и легко сочинять стихи. Вы достойны имени Вашего покойного батюшки, который обучал Вас».

Госпожа Данг была дочерью военного чиновника гарнизона *Хаума*. Он, военный чиновник гарнизона *Чунгтинь* и я были названными братьями. Мы были так же близки и неразлучны, как и желчный пузырь с печенью. Вскоре военный чиновник гарнизона *Чунгтинь* отправился *умиротворять юг* — там и погиб. Некоторое время спустя отец госпожи Данг, живший в столице, заболел и скоропостижно скончался. Как только я вернулся в столицу, то сразу отправился к старому дому своего друга — выпил вина в память о нём, поплакал. Дочь его относилась ко мне как к родному отцу — она часто навещала меня, расспрашивала о житейском бытии.

Как-то ко мне заглянул *хау* Хамсюен. Было видно, что он хотел сказать нечто важное, и во время беседы мой гость несколько раз пытался начать разговор на волнующую его тему, но так и не осмелился. Это встревожило меня, и я спросил:

— Почтенный *хау*, с каждым днём наша дружба становится только крепче. Мы с Вами близки, и нам нечего друг от друга скрывать. Сейчас, похоже, у Вас есть что сказать, но Вы не осмеливаетесь. Неужели я что-то сделал не так, и поэтому Вы не желаете говорить со мной откровенно?

— Нет, что Вы, ничего подобного! Быть Вашим другом для меня — большая честь, с самого нашего знакомства и по сей день я считаю себя Вашим учеником. Только вот в чём дело — мой старший брат уехал по делам в родные края, а дом его пустует. И поэтому я хотел было Вам предложить остановиться там на какое-то время — оттуда было бы удобнее отправляться на аудиенции ко двору. Однако потом я узнал, что Вам придётся ещё задержаться в столице, и двор предоставил Вам для личных нужд солдат и слуг. И Вам нужна была земля для постройки дома. Вот уже больше месяца на свободном участке строится мне дом — прямо на берегу озера, напротив моей нынешней резиденции. Я собирался пригласить Вас туда жить сразу после окончания работ — а мой брат вернулся бы в свой старый дом. Но вот неожиданно-негаданно по Высочайшему приказу мне велено отправиться в качестве экзаменатора на состязание стрелков. Дел много, и времени заниматься строительными работами совсем нет. Но сейчас внешние постройки моей резиденции свободны, и я предлагаю Вам пожить там, а через несколько дней, когда закончат с новым домом, туда переехать. Если Вы не хотите жить у меня, то в Вашем распоряжении также дворец главы провинции Анкуанг. Что достопочтенный учитель думает по этому поводу?

Широко улыбаясь, я ответил ему:

— Столь почтенные мужи и вместе взялись за такое незначительное дело! Пожалуйста, дайте мне время на раздумья. Прошу Вас перестать волноваться из-за такого пустяка.

Услышав мой ответ, *хау* заметно повеселел.

Я про себя подумал: «Внешние покои *хау* выходят прямо на дорогу, по которой днём и ночью маршируют вояки — слишком уж шумное место, жить там будет не очень удобно. В резиденции правителя Анкуанга есть где расположиться — как во внешних, так и во внутренних покоях. Однако совсем нет ограждений — и воров там много. Есть у меня один знакомый чиновник из

---

¹Золотые отроки и яшмовые девы входили в даосский пантеон

гарнизона *Хаучать* — у него как раз найдутся для меня свободные покои, дом его стоит на возвышенном месте, на берегу озера, и вода там чистая. Надо бы написать ему сейчас письмо и попросить приютить меня».

Я отправил *хау* Хамсюену свой отказ. Весть об этом расстроила его безмерно, и *хау* через слугу передал мне письмо в ответ и стихотворение. Он писал:

«С давних пор знаю о Вашем драгоценном имени — слава его гремела как гром для моих ушей. Горько жалел я о том, что не имел возможности лично познакомиться с Вами.¹ Впоследствии мне, ничтожному, удалось добиться желаемого и, к безграничной радости Вашего покорного слуги, услышать, наконец, наставления из уст почтенного учителя. Днём и ночью хотел бы я прислуживать своему наставнику и внимать мудрым, подобным животворящему весеннему свежему ветру, назиданиям, дабы отблагодарить сполна за счастье быть Вашим другом. И вот недавно соломенная лачуга моего брата опустела, и я пригласил Вас превратить её во временное, так сказать, “пристанище для феникса”. Я глубоко признателен Вам за то, что Вы приняли моё приглашение, и честь, которую я имею, будучи знакомым с Вами (и за которую себя поздравляю), опьяняет меня будто крепкое вино. Сейчас мой брат уже на обратном пути в столицу, и я не знал, как сообщить Вам об этом. Вы вознамерились переезжать, однако я не желал бы такого исхода, поскольку мысль о разлуке с Вами глубоко меня ранит. Если же Вы находите резиденцию главы провинции Анкуанг слишком просторной и не совсем удобной для Вас, то Вы могли бы расположиться в моих внешних покоях, где достаточно места, чтобы дать там отдых ногам. Далеко переезжать не придётся — это всего лишь на другом берегу лотосового озера. Какое чувство бесконечной грусти Вы вызвали во мне! Словно я что-то потерял. Я говорю это искренне и от всего сердца! Прошу Вас выбрать один из двух предложенных мной домов. Вы будете там недолго — до тех пор, пока не закончится строительство дома, а это примерно через десять дней. Будет устроено всё для того, чтобы Вы смогли там отдохнуть подобающим образом. Однако слов недостаточно для выражения всей искренности моих чувств. Смею предложить Вам свои стихи, написанные на те же рифмы, что и Ваши:

На горе Шаншань² мы найдём истину во лжи.

---

¹Известный китайский поэт *Ли Бо* в письме к чиновнику *Хань Чаоцзуну* употребил фразу «*识韩*» — *ши хань*, т. е. «иметь честь познакомиться с Вами», ставшую впоследствии идиомой. Хань Чаоцзун предложил поэту занять пост чиновника, в чьи обязанности вменялось следить за легитимностью действий окружных начальников. Поэт ответил на предложение письмом-панегириком, в котором писал: «Не имей десяти тысяч князей, а имей одного Ханя из Цзинчжоу». В этом же письме высоко ценивший себя поэт намекнул, что достоин более высокой ступени служебной лестницы. Покровителю намек не понравился, и Ли Бо не получил даже этой должности». См. *Торопцев С. А.* Жизнеописание Ли Бо, поэта и небожителя / Сергей Торопцев; Российская акад. наук, Учреждение Российской акад. наук Ин-т Дальнего Востока РАН.— М.: ИДВ РАН, 2009.— С. 131

²Горы Шаншань — в совр. пров. Шэньси в Китае. К концу правления императора *Цинь Шихуан-ди* (246–210 гг. до н. э.) в Китае начались смуты, и сановники *Дун Юаньгун*, *Чжоу Ли*, *Ци Лицзи*, *Ся Хуангун* удалились в горы Шаншань. С приходом к власти первого императора династии Хань *Гао-цзуна* (206 — 195 гг. до н. э.) отшельники вернулись и снова стали служить государю. Отсюда выражение «*взойти на Шаншань*» значит «*укрыться от мира, стать отшельником*». В странах дальневосточного культурного региона уход сановника с государственной службы во времена смут и хаоса считался благородным поступком в истинно конфуцианском духе: «Однако, учитывая то обстоятельство, что и в чужих землях истинными мудрецами почитались те люди, которые в годы смут и неурядиц скрывались в горной глуши, а как только в Поднебесной воцарялся порядок, возвращались в столицу и, не стыдясь седин своих, служили стране, все единодушно сошлись на том, что теперь, когда в мире произошли столь благоприятные перемены, ничто не может помешать вернуться к своим обязанностям человеку, который ранее отказался от них по причине нездоровья. Поскольку история знала немало подобных примеров, министр, настаивая более на своем отказе, встал во главе Государственного совета. А было ему уже шестьдесят три года. В свое время он удалился от дел отчасти из-за болезни, но главным образом потому, что был недоволен происшедшими в мире переменами. Теперь же возродилось его прежнее влияние, и его сыновья, погрузившиеся было в пучину безвестности, снова всплыли на поверхность». См. *Мурасаки С.* Повесть о Гэндзи: [в 3 т.] / Мурасаки Сикибу; [пер. с яп., вступ. ст., прил. и коммент. Т. Л. Соколовой-Делюсиной]. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — СПб: Гиперион, 2010.—Т.1. — С. 283, С. 574; См. *Поэзия эпохи Тан (VII—X вв.): Пер. с кит./Ред. кол. Л. Делюсин, Т. Редько, В. Сорокин и др.; Сост. и вступ. статья Л. Эйдлина.— М.: Худож. лит., 1987.— С. 437*

*Ваша добродетель поистине велика,
Ваш возраст достоин уважения, а Ваш путь не назовёшь ничтожным!
С грустью вспоминаю Ваши драгоценные речения, прямые и честные;
Я знаю, что на камне¹ вырезаны наши прошлые жизни, лошадь и бык происходят из
местности Хонг.²
Тучных и сухопарых со всех уголков страны Вы исцеляете от недугов.
Сегодня наша дружба вызывает во мне бескрайнюю печаль!
Небо знает обо всей искренности моих чувств!*

*Стихи написаны хау Хамсюеном на те же самые рифмы,
дабы лучше выразить
мои чувства к почтенному учителю Лан Онгу.
Вопреки своему обыкновению написал я это письмо,
прошу Вас понять меня и простить».*

Стихотворение взволновало меня. Я больше не хотел никуда переезжать. К тому же приезд брата был неожиданностью для моего друга — ведь он не хотел расставаться со мной. Я отправил хау Хамсюену ответное письмо со стихотворением:

«Я, Лан Онг, отправился в столицу, подчиняясь Высочайшему приказу, с небольшой котомкой на спине. Жил я где придётся: сегодня — тут, завтра — там. Благодаря Вашей безграничной милости, на протяжении более чем ста дней имел я возможность наслаждаться жизнью в прекрасной резиденции. Верил я, что после завершения всех дел смогу тотчас вернуться в родные горы. Однако не думал, не гадал, что однажды возникнут затруднения и преграды, с которыми я таки столкнулся. И снова вынужден я расстаться с Вами. И хотя мы не так уж и давно знакомы, однако это никак не умаляет чувства Вашей привязанности ко мне. Она видна в Ваших стихах, глубоко меня взволновавших. Шлю свой ответ на них:

---

¹Отсылка к одной из китайских поэм, где говорится, что судьба трёх поколений подряд была вырезана на камне. Кстати, одно из названий классического китайского романа «Сон в красном тереме» (автор – Цао Сюэцинь, ок. 1715-1762 гг., роман впервые был опубликован во второй половине XVIII в.) — «Записки о камне». Главный герой романа Цзя Баоюй родился с яшмой во рту, у которой была необычная судьба: богиня Ньюва, создательница человечества, мироустроительница, чинила небосвод. Для починки небосвода богиня выплавилла 36 501 камень. Один камень оказался лишним и «...был брошен у подножия хребта Цингэн. Кто бы мог подумать, что этот камень, пройдя переплавку, обретёт чудесные свойства? Он научился передвигаться, увеличиваться и уменьшаться в размерах, и только одно не давало ему покоя и заставляло вечно роптать на свою судьбу: он не вошёл в число избранных, которым выпала доля участвовать в починке небосвода. Целые дни он скорбел и страдал. Однажды в момент отчаяния чудесный камень неожиданно увидел двух приближающихся к нему монахов, — одного буддийского, другого даосского... Они подошли к подножью хребта Цингэн, опустились на землю и стали беседовать. Взгляд их упал на этот ...камень, который сейчас сжался и стал не больше яшмовой подвески к вееру. Буддийский монах взял камень, взвесил его... и с улыбкой сказал: “Судя по внешнему виду, ты не простой камень. Только пользы от тебя никакой нет. Надо выгравировать на твоей поверхности несколько иероглифов, чтобы кто-нибудь, увидев тебя, понял, что перед ним чудесная вещь, и унёс тебя в прекрасную цветущую страну, в семью учёных, носящих кисти на шапках, в приют наслаждений и роскоши, богатства и неги, чтобы там прошёл твой период грёз и снов”... Много лет... минуло с тех пор. Однажды монах Кун-кун... увидел камень. На его поверхности он заметил отчётливо выступавшие следы иероглифов. Оказалось, это был тот самый камень, которому не выпало счастье участвовать в починке небосвода и который был принесён в этот бренный мир учителем Ман-маном и праведником Мяо-мяо... На нём было записано, где ему суждено появиться на свет из материнской утробы, перечислялись мелкие семейные события, говорилось о том, как он будет проводить время в женских покоях, приводились стихи и загадки, которыми он будет увлекаться, и только годы и название династии стёрлись бесследно...» См. Цао Сюэцинь. Сон в красном тереме: [Роман] / Пер. с кит. В.А. Панасюка; [Вступ. статья Н.Т. Федоренко Коммент. В.А. Панасюка и Л.Н. Меньшикова]. Т. 1.— Москва : Гослитиздат, 1958. — С. 22–23

²Хау Хамсюен отсылает к общей для него и Ле Хыу Чака родной местности

*Ваша глубокая привязанность, Ваше прекрасное обхождение происходят от внутреннего естества,
И ничем не смогу я отплатить Вам за Ваши благодеяния — душа моя ничтожна!
Бой вечерних барабанов и звон утренних колоколов пробуждают мои грёзы о странствиях!
Перемены жилья — то на востоке, то на западе — утомляют меня беспредельно.
Сбудутся ли обещания о зелёных горах?
Признаюсь Вам: жизнь в золотых палатах не по нраву мне!
Хоть и много у меня в пределах четырёх морей друзей,
Но лишь единицы, как Вы, знают о том, что творится в моей душе».*

Неподалёку, рядом с моим домом, располагалась резиденция военного чиновника Чать Ыу Хыу. Он страдал от расстройства желудка. Выписанные мной лекарства помогли ему избавиться от недуга. У его супруги более десяти лет также были проблемы со здоровьем — за два месяца мне удалось вылечить её. Чиновник знал, что я ищу дом, и поэтому он обратился (всё это произошло без моего ведома) к хау Хамсюену. Военный чиновник приказал привести для меня в порядок центральный флигель дома, состоявшего из трёх частей — крыша его была покрыта черепицей, а стены — извёсткой. Туда перенесли кровать и стулья. Дворик украшали камни причудливых форм, там росли чудесные деревья и душистые цветы. Снаружи была кухня, аккуратная и чистая, с четырёх сторон окружённая дверьми, которые сообщались с внутренними и внешними покоями, что было очень удобно. Как только Чать Ыу Хыу закончил обустройство помещений, то тут же пригласил меня в гости. Я, в свою очередь, не хотел тревожить супругов, и отказался от предложения, поблагодарив их за проявленную ко мне сердечную доброту. Однако они от своего не отступили. Они продолжали настаивать и уговаривали взглянуть на их приготовления к моему приезду, что говорило об искренности их чувств; после долгих увещаний я таки сдался. В доме действительно всё было приведено в порядок — как внутренние, так и внешние покои были готовы. Я подумал про себя: «Как же я мог отказать таким добрым людям?». И переехал. Хау Хамсюен, узнав об этом, чрезвычайно обрадовался. Дело в том, что, оказывается, Чать Ыу Хыу приходился ему двоюродным дедом. Император пожаловал их роду земли, и поэтому резиденции двух сановников соединились друг с другом. Двоюродный дед открыл калитку, чтобы его родственнику было удобнее навещать меня. С тех пор мои дружеские отношения с хау Хамсюеном и Чать Ыу Хыу день ото дня становились только крепче и сердечнее. Шло время, уже зацвёл персик, а дерево абрикоса усохло. Чать Ыу Хыу настрого запретил слугам пускать к моим покоям посторонних — настолько почтительно он ко мне относился. Со времени переезда туда я всегда хорошо себя чувствовал.

Был поздний вечер. Луна отбрасывала свою тень на навес во дворе, лёгкий ветерок ласкал нежные побеги бамбука, тонкой нитью пробегали едва видимые ручейки, капельки росы застыли на лепестках цветов, источающих тонкие ароматы — вот уж действительно отрадная картина! Слуга приготовил мне чай. Облокотившись на балкон, я пригубил напиток. И тут неожиданно ко мне пришёл мой зять Виен Хинь — он заглянул поболтать. Я весьма обрадовался и пригласил его выпить со мной чаю. Виен Хинь сказал мне:

— Какая чудесная пора! Как ярко светит луна и как свеж лёгкий ветер! Это так завораживает. Как можем мы оставаться безучастными к действию столь притягательной силы и не ответить на её приглашение?

— Прекрасно сказано, нам следует написать по этому поводу стихи.

В качестве темы для стихов мы выбрали фразу «непринуждённая беседа за чаем о делах минувших дней при свете луны», а рифмы — «стража, чистый, заваривать, кит». Своё стихотворение я назвал «Лунной ночью завариваю чай и толкую о былом»:

*Чайник купается в свете луны.
Холодный нефрит чист как лёд.
Пробудившись от грёз, обнаружил себя за тысячи ли!*

*Песнь кончилась, наступила уже вторая стража.
Нежные речи ласкают уши.
Чай достаточно горек — заваривать больше не надо.
Звёзды дрожат в песнях стихов.
Стихи написаны, и я хочу взойти на спину кита.*

Виен Хинь сочинил такие стихи:

*В нескончаемом пении поддерживает меня свет чистой луны.
Разговор нам приятен,
Мы сочинили десять тысяч стихов,
Не заметив, как настала вторая стража!
Сердце странника замирает от тоски.
Слуги нам заваривают чай.
Где бы ни был слышен барабан стражи, мы верим,
Что это китовый колокол!¹*

Закончив с чтением этих стихов, мы принялись декламировать стихотворения древности — и сидели допоздна. Виен Хинь покинул меня только утром — ему нужно было идти по делам. И только он ушёл, как ко мне пришёл попрощаться студент из Нонлиеу. Он возвращался в Хоантяу. Я сказал ему:

— Нас обоих пригласили в столицу, но Вы теперь покидаете Север и возвращаетесь на Юг, в то время как я, словно птица в клетке, вынужден оставаться здесь. Как же я буду тосковать, когда Вы уедете!

Я преподнёс ему в дар свои стихи с таким вступлением:

«Хоть мы с Вами и недолго были знакомы, однако чувства наши глубоки и искренни. Мы с Вами одного происхождения и общих взглядов. Мы уважаем друг друга и наши характеры схожи. Такое чувство, будто в день Вашего отъезда пропасть пролегла между нами. А сейчас Вы покидаете меня, уезжая в родные края за десять тысяч ли отсюда, как же мне не думать о Вас? Отныне с кем же мне теперь по утрам, когда дует ветер, да лунными ночами пить в опустевших покоях чай и говорить о поэзии? А разве сможете Вы меня забыть, когда всякий раз на обратном пути будете любоваться прекрасными видами, декламировать стихи или петь? Трудно говорить о моих чувствах — выразю их в стихах:

*Как горестен миг расставания! Как трудно выразить всё богатство и глубину чувств!
Ивы выстроились в ряд — золотом окрашены они,
Вершина Хьонг переливается в свете нефритовой луны.
Звук барабана, в который отбивают стражу,
Отдаётся в сторожевой башне,
Вдохновение странника заполняет горы и воды.
Мы обещаем друг другу встретиться будущей зимой.
Но как же перенести мне столь долгую разлуку?»*

Мой гость взял бумагу и кисть. Он записал стихи, предваряя их такими словами:

«Древние говорили: ночь, проведённая в беседах, много лучше ночи, проведённой за сочинением стихов. Я, Ханг, с тех времён, когда удостоился чести быть приближенным к Вам, получив тем самым возможность внимать Вашим высокомуудрым речениям, никогда их больше не забуду. И теперь, когда Вы сообразовали принять меня в Ваших покоях, я не могу умерить радости. Вот отчего слова мои, которые я Вам посвящаю, грубы:

¹В китайских монастырях существовала традиция бить в колокол высушенным хвостом кита

*Ароматы усиливаются, солнце убывает:
Мы подарили друг другу ветви ивы, которымверяем свои чувства.¹
Охваченный сомнениями, трогаю зелёные листья.
В нерешительности смотрю на сияющую луну.
Всюду мы всего лишь странники,
А наши стихи отражают виденные в странствиях земли и воды.
Мы пообещали себе встретиться друг с другом вновь.
А что мы будем делать нынешним утром?*

Писал Ха Ай, Ле Ханг».

Мы читали и перечитывали наши стихи, и чувство бесконечной грусти не покидало нас. И хоть мы продолжали беседу и даже смеялись — это было неискренне: выражение потерянности не сходило с наших лиц. И, закончив пить чай, мы распрощались.

Как-то ко мне заглянул Виен Хинь — он просил выписать ему рецепт. Зять сказал мне:

— Я заболел на днях, и поэтому вдохновения сочинять стихи не было. Прошу Вас извинить меня.

— Сила воздействия Ваших стихов продолжительностью подобна неразрывной горной цепи. Они, словно сияющая на небе луна, чисты. Вот где действительно творение великого мастера! Как же я смею критиковать их?

— Уважаемый учитель, прошу Вас не перехваливать меня. Смею умолять Вас сочинить ещё одно стихотворение.

— На какую тему? Или же Вы хотите, чтобы я написал стихи, взяв за основу тему Ваших стихов?

И вот вскоре я протянул своему гостю следующие стихи:

Я бороздил моря, дабы найти свою гавань — и не мог найти до тех пор, пока не обратился к Природе.

Больше нет у меня беспокойств, но мой путь до конца не пройден.

Я — человек деревенский и полон лени.

Приятное безделье люблю больше, чем мирские почести.

Новые Высочайшие приказы и приглашения ко двору смогли преодолеть снега тысяч горных вершин!

Братья с четырёх морей бессмертных и пятеро героев древности!

Мне выпала большая честь читать Ваши стихи, и величие поэтического дара изумило меня!

Мало было умельцев в Хоантяу, равным Вам по таланту!

Закончив чтение, Виен Хинь обратился ко мне:

— Величие Ваших стихов способно заполнить леса и ручьи, повелевать облаками и туманами. Вновь и вновь читая их и перечитывая, каждый раз поражаешься, словно в первый!

И тут к нам пришёл некий студент — прекрасной, точно чистый нефрит, наружности, хорошо одетый, в сопровождении слуги, который нёс за хозяином сундучок и бумагу со стихами — подарки для меня. Студент разъяснил:

— Я сын правителя уезда Хадонг,² а сам родился в Донгнгане, что в уезде Тышон провинции Киньбак. Однажды мой отец заболел — и он бросил службу, дабы посвятить всего себя медицине. Ему удалось найти несколько свитков Вашего «Тамлиня» — и благодаря этому он смог припасть, как говорится, к источникам врачебной премудрости! Батюшка очень хотел встретиться с Вами, но каждый раз неожиданные преграды мешали осуществлению этого намерения. Когда он узнал, что Вы прибыли в столицу — то радости его не было предела, и не раз он собирался нанести Вам визит и лично справиться о Вашем здоровье. Однако моя

¹Прощаясь, приятели оставляли друг другу ветви ивы в качестве сувенира

²В совр. пров. Хайзыонг

бабушка, мать отца, тяжело заболела, и он не может покинуть дом и оставить её одну. Поэтому вместо отца я пришёл поклониться Вам и прошу Вас принять наши скромные дары. Я про себя подумал, что никогда отца его не видел — живём мы за десятки тысяч ли друг от друга! Как же тогда ему удалось найти мои труды? Нужно бы узнать об этом. Я прочёл письмо и дал его потом Виен Хиню. Там было написано всё то, что сейчас рассказал нам студент. Его батюшка также поздравлял меня с прибытием в столицу и продвижением при дворе. Я не мог не переписать сюда его стихи:

Слава Хыонгшона гремит повсюду.

Более того, весь мир знает, что там живёт медик,

Чьи дарования сравнимы с талантами Ци Бо.

В особых случаях он предписывает принимать вечером ремень, утром — корицу и аконит Кармихеля.¹

В обычные дни он рекомендует успокоиться атрактилодесом яйцевидным и принимать аралию сердцевидную и астрагал.²

Барабан из гавиала³ едва ли стремится сравниться с громом!

Светлячку стыдно пред луной за свой малый свет.

Человек, живущий на горе, подобен даосским бессмертным — тем четырём старцам, что жили на пяти горных вершинах.

Писал Бакты, Кам Бать Ты.

Зять, прочитав стихи, ничего не сказал — лишь улыбнулся. Я спросил у него:

— Велико благородство помыслов в сих строках. А что думаете Вы по этому поводу, дорогой мой друг?

Виен Хинь ответил:

— Мягки и приятны, словно луна и цветы, отражающиеся в воде.

Я видел, что его сместило использование в стихах слов, самих по себе лишённых поэтического смысла. Улыбнувшись, я обратился к нему:

— А не хотите ли Вы, дорогой мой друг, мне помочь и написать ответ на эти стихи?

— Хотите, чтобы я выставил себя на посмешище, демонстрируя свои незначительные дарования перед Вами, великим мастером?

Студенту я сообщил, что отправлю свой ответ завтра. Как только он ушёл, Виен Хинь сказал мне:

— Это человек грубый, как можно с ним говорить о поэзии?

— Но все люди разные — как можем мы хотеть, чтобы все походили на нас?

На следующее утро ко мне пришёл тот же студент за ответом. Я отдал ему письмо, в котором были такие стихи:

В жизни, гоняясь за почестями, упускаем хорошее — но к чему огорчения?

Оставаться дома или принимать участие в государственных делах — нужно выбирать, следуя зову сердца, иного способа нет.

«Канон перемен» восхваляет первозданную чистоту — только так мы поймём,

Что есть дурное;

Медику, дабы лечение подействовало, не всегда нужны астрагал и женьшень.

Вы посоветовали мне принять это во внимание — и я хочу побеседовать с Вами вечером!

В этом мире думают только о собственной выгоде и успехах!

¹Ремень — слабительное средство, восстанавливающее кровь. Аконит Кармихеля используется для профилактики артрита, как мочегонное и стимулирующее средство

²Атрактилодес яйцевидный обладает мочегонным действием, также используется как средство для улучшения пищеварения. Корень аралии сердцевидной известен своим стимулирующим воздействием. Используется при лечении женских болезней. Астрагал — тонизирующее средство

³Гавиал — крокодил, кожа которого идёт на изготовление барабанов. Автор, сравнивая барабан и гром, светлячка и луну, намекает, что не смеет сравнивать себя с Ле Хыу Чаком

И мне стыдно, поскольку я уже дал клятву... однажды вернуться в родные горы.

*Ничтожный медик, чье прозвище Ленивый старец из Хайтхыонга,
приветствует Вас.*

Примерно через десять дней мне снова нанёс визит тот студент — он передал от своего батюшки похвалы мне и добавил, что отец, поскольку так и не уехал по семейным делам, собирается в скором времени навестить меня. Молодой человек отдал мне письмо, в котором говорилось:

«Я причинил Вам беспокойство один раз, как же я могу осмелиться причинить и во второй? В самом конце своего письма Вы любезно сделали маленькое уточнение. Я подумал, что не осмелюсь больше бахвалиться перед Вами. Ваши стихи, такие прекрасные и чистые, чрезвычайно обрадовали меня. Шлю ещё одни — в надежде, что удостоюсь исправлений Вашей рукой.

*В состоящей из пяти частей работы окончательно я не завершил ни одной;
Что толку говорить это человеку, который вечно в делах и заботах!
Умеренность может дать нам вкус и аромат.
Сладкое и тёплое могут дополнить женьшень и астрагал.
Лотос рождается в грязи — но это не значит, что и сам он пропитан грязью!
Пришла весна, и все без исключения травы и цветы наслаждаются солнечным светом!
Среди трёх священных вещей есть и человек.
Если будет любовь к справедливости, то наступит золотой век!*

*Писавший эти строки Бакты, Кам Бать Ты,
приветствует Вас и посвящает Вам эти стихи».*

Я ответил на это письмо следующими стихами:

*Приобрести обширные познания — не это сложно, а трудно не прибегать к помощи
других.
Всё потому, что дорога разветвляется, и потерянного барана больше уже не найти.
Всё искусство гадания хранится в «Каноне перемен».
Что ещё сможет защитить нас, как не астрагалус?
Когда слишком сухо, во всём винят дракона.¹
При благополучном же стечении обстоятельств видят блеск рыбьих глаз.²
Когда я вернусь в родной Хыонгшон, то для меня наступят лучшие времена — смогу,
Наконец, насладиться вином и музыкой при свете яркой луны.*

*Писал ничтожный медик, чей псевдоним
Ленивый старец из Хайтхыонга.*

¹Считается, что дракон — покровитель водной стихии и податель дождя

²Выражение 鱼目混珠 (юйму миньчжу) — «принимать рыбий глаз за жемчуг», т.е. принимать ложное за истинное

ГЛАВА VI. НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА С ДАВНИМ ЗНАКОМЦЕМ

Однажды ко мне пришли с визитом две монахини и вот что сказали:

— В монастыре Хюэкау¹ отлили большой колокол. Однако работы ещё не закончены. Мы собираем пожертвования, поэтому и пришли к Вам.

Одна из монахинь служила при монастыре Иенты.² Её спутница была дочерью чиновника *татхыати* в Шоннаме,³ а родилась сама в Хюэкау. Я, едва услышав это, вздрогнул в испуге. Пригласив женщин во внешние покои, я тихонечко расспросил сопровождавшую их молоденькую монахиню. Теперь для меня прояснилось, что она, дочь судьи, прежде была со мной помолвлена. Я подумал про себя, что наверняка она даже не подозревает об этом — иначе бы не пришла. Удивительное дело! Надо бы представиться — посмотрим, как монахиня это воспримет! Я сказал:

— Я родился в Лиеуса, скрывался от бунта на родине матушки в Хыонгшоне, Хоантяу. К несчастью, по высочайшему приказу пришлось ехать в столицу. Здесь я живу временно, и едва ли чем могу помочь, но сердце моё открыто для Вас.

Что-то в моих словах смутило монахиню из монастыря Хюэкау. Она сказала своей спутнице:

— Нам пора идти.

Я пробовал было отговорить их, но тщетно. Тогда я дал им немного денег на пожертвования и благовоний и спросил, где они остановились. Они ответили, что точно пока ничего не знают и распрощались. Сразу же после их ухода я подозвал одного из слуг, молодого и бойкого парня, и велел ему следовать за женщинами. Я попросил его, не выдавая себя, выяснить у местных, где остановились монахини, когда они прибыли в столицу и как долго здесь пробудут. Слуга ушёл. Вернулся он часа через два:

— Монахини остановились в монастыре Лиентонг. Они здесь уже несколько дней, и в столице собираются задержаться надолго.

На следующий день я подозвал к себе ученика по имени Тай и сказал ему:

— У меня к тебе весьма необычное поручение, понадобится твоя помощь.

— Как же я могу отказаться, ведь служить учителю всей душой — долг ученика.

— В молодости моя семья присмотрела мне в жёны дочь бывшего судьи провинции Шоннам, родом из Хюэкау. Провели первые две церемонии.⁴ Но позже у меня возникли трудности, и мне пришлось нарушить данное обещание и вернуться в Хыонгшон — искать там убежище. И когда через шесть или семь лет я вернулся в столицу, то узнал, что бывший судья ушёл из жизни. А с дочерью его произошло что-то странное. Мне говорили, что к ней сватался молодой человек из благородной семьи, и даже провели все необходимые церемонии, однако свадьба до конца так и не состоялась. Дочь чиновника заявила: “Однажды меня обещали другому. Получается, что я замужняя женщина. Однако у меня не было возможности жить с мужем — он покинул меня. Но как же я могу выйти замуж во второй раз? Клянусь, что больше я никогда не возьму себе мужа”. Я очень расстроился, услышав такие вести, и долго упрекал себя: “Это всё произошло по моей вине. Я был слишком беспечен и не сдержал данного обещания. В результате своим

1Деревня Хюэкау в совр. пров. Хынгиен известна своими красильнями

2Иенты – название гор в совр. провинции Куангнинь

3Чиновник-*татхыати* — судебная должность

4Во Вьетнаме, как и в Китае, сватовство и женитьба включали в себя 6 этапов. 1) Выбор невесты; 2) Сопоставление циклических знаков дат рождения жениха и невесты для составления гороскопа их совместимости; 3) Принятие предложения; 4) Отправка подарков от жениха семье невесты; 5) Выбор благоприятной даты женитьбы; 6) Свадьба, принятие невесты семьёй мужа. Подношение даров женихом семье невесты имело большое ритуальное значение — таким образом, жених подтверждал своё намерение брать в жёны эту девушку. Оставалось только выбрать благополучный день для проведения церемонии и сыграть саму свадьбу. Ле Хыу Чак подарка не дарил

безнравственным поведением я причинил девушке страдания и боль. Что же я смогу сделать, чтобы исправить свою ошибку?» Я сразу же вернулся в деревню Хюэкау и стал расспрашивать местных: они поведали мне ту же самую историю. Один из них сказал, что после кончины отца брат хотел силой заставить её выйти замуж за студента из той же деревни — чтобы было на что устроить похороны. Однако девушка отказалась. Другой местный житель сказал, что дочери бывшего судьи, происходившей из знатной, но пришедшей в упадок семьи, было нелегко найти мужа: мужчины из более знатных и богатых семей не хотели брать её в жёны, а юноши с более скромными средствами не осмеливались просить её руки! Вот почему она осталась незамужней. Я пришёл в крайнее смущение и вернулся к себе в Хоантяу. И вот сейчас я снова встретил её, живущую в бедности и уединении, и не знаю, правда или нет, но я и есть причина её несчастий. В любом случае, теперь нет другого способа искупить мою вину перед ней, кроме как взять на себя заботу о ней до конца жизни. Поскольку сейчас я в столице — осуществить это легко. Однако как же смогу я ей помочь, когда вернусь в Хыонгшон — ведь расстояние значительно? Если же она согласится уехать со мной, то в моём саду найдётся для неё тихий уголок — там мой брат построил небольшой храм. Она сможет там жить и отправлять культ Будде, а я возьму все заботы о ней, женщине высоких добродетелей, дабы искупить мою вину. Прошу тебя, заведи с ней со всей учтивостью разговор о делах прошлого и деликатно изложи ей моё предложение — согласится она или нет. Я сделаю все необходимые приготовления. Я передал с учеником подарки. Тот ушёл и не возвращался до самого вечера. Он рассказал мне следующее:

— Я отправился в монастырь Лиентонг и рассказал о Вашем предложении почтенной монахини. Она разрыдалась: «Ваш учитель — человек широкой души, и жаль, что нам так и не довелось жить в законном браке. Я одинока — такова моя судьба! Я не жалею ни о чём и не питаю злобы. Жизнь моя клонится к закату, и я ни о чём больше не тревожусь! Единственное, о чём жалею — о том, что никого из родственников у меня не осталось, и некому будет ухаживать за могилами предков. Мне пришлось уйти на чужбину — далеко от моих родных мест. Прошу Вас, когда вернётесь, передайте Вашему учителю, что не могу принять его щедрого и искреннего предложения, однако оно навсегда теперь согреет мою одинокую жизнь». Чувство бесконечной боли охватило меня и, дабы утешиться, я записал сии строки:

*Необдуманно я допустил оплошность, которая причинила боль юной красавице!
Сегодня мы встретимся, и только и останется нам,
Что сожалеть о былом.
Наши смущённые улыбки скроют холодные слёзы.
В наших потухших взорах пробудятся цветы прошлого!
Поклянёмся же в этой жизни быть братом и сестрой.
В следующей нашей жизни мы обязательно будем мужем и женой.
Я Вас не брошу — это Вы покинете меня, и что же я тогда буду делать?*

С тех пор мы часто виделись с монахиней. Однажды она рассказала о своей давней мечте — приобрести гроб из хорошего дерева, сделанного в провинции Нгеан. Эта провинция славилась мастерским их изготовлением. Я попытался найти такой, но так и не нашёл. Потом, когда я вернулся в родные края, я передал одному из своих знакомых пять связок монет — на покупку для монахини такого гроба, какой она хотела. Однако у меня нет желания писать здесь о том, что случилось намного позже событий, произошедших со мной в столице.

ГЛАВА X. ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Опасаясь возможности появления новых преград к возвращению домой, я сообщил об отъезде хозяину дома, в котором жил — военному чиновнику гарнизона *Чатьюу*, и затем тихонько отправился к племяннику Хао готовить вещи к отъезду. Попросил друзей дать мне в сопровождение пару — другую солдат. Тем из знакомых и приятелей, с кем до отъезда никак не получалось встретиться, отправил письма с извинениями и выражениями благодарности. Сообщив всем, что возвращаться домой буду по суше, я тем временем тайно распорядился нанять лодку на причале Чангтин. Те, кто знал об отъезде — Чатьчунг-хау, офицеры гарнизонов *Киеухуу*, *Чатьюу*, *Танюэ* — пришли проводить меня.

Ранним утром двенадцатого числа десятого месяца по лунному календарю мы дошли до ворот *Хоаньдинь*,¹ до того участка, который контролировали солдаты Левого столичного гарнизона. Я зашёл попрощаться к начальнику — расставание чрезвычайно взволновало его. Он преподнёс мне в подарок мешочек хорошего чая и стихи со вступлением:

«За долгое время службы здесь я так и не смог ничего стоящего преподнести Вам в подарок, и это печалило меня. Сейчас у меня как раз есть кан² чая “Батьхао”, который я дарю Вам, дабы Вы встретили с ним будущее цветение сливы. Прошу Вас принять его.

*Не страшась холодной росы зимними ночами, непрестанно я думаю о Вас!
Бесконечная тоска охватывает меня при мысли
О десяти тысячах ли, что разлучат нас!
На западе горный пик окутан вечерней тучей, как глубока моя боль!»*

Со своими попутчиками я дошёл до причала Чангтин. Там мы расселись по лодкам и отправились в путь. Любуясь проплывавшими мимо пейзажами, я пил чай, вёл разговоры — и чувствовал себя так свободно, словно птица, вырвавшаяся из клетки, словно рыба, ускользнувшая из рыбацких сетей! Душа неслась как стрела — так она ликовала при мысли о возвращении домой! Длинные цепи гор темнели на западе, и каждый раз, глядя на них, я думал, что вижу свои родные. Дабы выразить всё то, что творилось в душе, прочитал такие стихи:

*Прощаюсь с Императорским двором и дорогой к трону,
Спешно покидаю столицу, взяв с собой меч и дан.
Конь узнаёт старый путь — и идёт лёгким шагом,
Лодка, плывущая по течению, не повернёт уже обратно.
Любимые горы защищают меня от жары.
Они, всё понимающие, будто нежно улыбаются мне.
Десять тысяч пиков на западе — все изумрудного цвета.
Две горы похожи на те, что на родине моей.*

Течение было сильным, лодка двигалась легко — плыла на всех парусах, так что уже днём мы оказались в Туанлане.³ Я сошёл на берег и отправился к пагоде Нгуэтдыонг.⁴ Она стояла на горе.

¹Ворота на юге столицы

²1 кан = 604,5 г

³В совр. пров. Хынгвиен. На карте в приложении — Шоннам

⁴Пагода получила своё название в честь формы озера. Оно даже воспевалось в стихах: в 1898 году проводился поэтический конкурс, где первое место получил вьетнамский поэт Фан Мань Зань (1866–1942) за восемь своих стихотворений, посвящённых красоте озера

Входные ворота, окружённые соснами, выходили на большую дорогу. За ними было озеро в форме полумесяца. Там росли пышные деревья. Перед озером, за богато украшенной стеной, начиналась дорога к пагоде. На земляных холмах, что высились по правую и левую стороны двора, стояли колокольни. Между ними была большая и просторная пагода. То тут, то там возникали башенки и павильоны для медитаций. Стены были разрисованы великолепно. Извилистые галереи утопали в ароматных цветах. В монастыре по обе стороны длинного, облицованного белым камнем коридора тысячи дверей стояли друг напротив друга. Я прогулялся ещё немного по пагоде — и без того всем известной, так что добавить мне больше нечего. Да, действительно — возможности человеческие весьма ограничены, и не сопоставить их с неисчерпаемыми силами и красотами природы. Вот почему учёные мужи и поэты ищут вдохновения в лесах и горах. Тут же я сочинил стихи, которые записал на стене пагоды:

*Только один путь ведёт к озеру «полумесяца»,
Многочисленные павильоны и башни охраняют в деревню проход.
Входы и выходы в извилистых коридорах утопают в цветах.
Галереи укрыты навесами из бамбука.
В пагоде о девяти ярусах днём и ночью
Мерцают свечи с благовониями.
Тишина и покой таятся в этих соснах и катальпах.
Только жаль, что нет обезьяны, срывающей фрукты с деревьев.*

(Я хотел бы сказать, что хоть и царят в тех местах тишина и покой, но их нельзя и сравнить с величественными лесами и природными источниками).

Закончив писать стихи, я отправился на поклон к чиновнику-*тхыки*, в резиденцию *Хиеннам* — мы были земляками и давно знали друг друга. Когда-то давно он служил вместе с сановником-*тяньдыонгом* в Хоантяу. Я задержался на несколько дней — нужно было купить кое-какие лекарства и китайские товары. Взяв в сопровождение шестерых уездных солдат, **шестнадцатого числа по лунному календарю** я тронулся в путь — в деревню Нгуенса, уезда Хоайан, где жили родственники моей жены. Ранним утром **восемнадцатого числа** мы уже были там. Я приготовил жертвоприношение к алтарю предков и отправился к родственникам. У них как раз в гостях сидел правитель уезда Тиенхынг. Он был рад меня видеть: рассказал мне о всех своих болезнях. Я посоветовал ему тонизирующее средство, в которое нужно было бы добавить *ланг* корицы. Правитель уезда долго меня благодарил.

Меня сопровождало двадцать человек, включая слуг и солдат. Если бы мы отправились из столицы по главной дороге, то поездка сюда заняла бы один день. Однако, боясь возможных преград моему возвращению домой, я выбрал окружной путь, и поэтому потратил дней семь — восемь. Скоро выйдет всё продовольствие — дольше задерживаться нельзя. **Девятнадцатого числа по лунному календарю** мы тронулись в путь. Все пейзажи были мне знакомы — в молодости я жил здесь у приёмного отца. В те дни я частенько совершал пешие прогулки к знаменитым местам: к югу располагались пагоды Хыонгтить, Зайоан, Тиенам, Тьетшон, и рядом, к западу от них, пещеры Хыонгдай, Хыонгтян, Ванмонг, Тиеншон. Если плыть на лодке, то можно сразу их все увидеть. Я так и поступил: попросил у правителя уезда лодку и отправился из Нгуенса в Хаса. Там жили родственники по матери моего отца — семья пришла в упадок, поэтому я и не знал, к кому идти. На лодке мы подплыли к общинному дому. Я поклонился захоронениям предков. Из общины Чиньтиет мы проплыли около четырёх — пяти *замов* до общины Фувиен. Нашим взорам открывались прекрасные виды — я помнил все эти места, в которых часто бывал в юности. Кто остался здесь из прежних приятелей, а кто ушёл из жизни? От печальных раздумий меня отвлек колокол монастыря Маннгует. Я сразу же сочинил такие стихи:

*Тридцать лет тому назад я покинул эту деревишку, что стоит на берегу реки.
Сейчас я вернулся — и всё здесь, как прежде.*

*У ночной пристани рядом с общинным домом
Ха распустились цветы,
В рыбацкой деревне Дангса белые аисты
резвятся на песчаных наносах.
На юге монастырь Хьонгтить
проплывает в холодной зелени вечера.
На западе пик Туетиона
выступает из холодных вод.
Если монах горного монастыря
поймёт поэта, поющего о своей душевной боли,
То не позволит звону колокола тревожить его!*

Поздним вечером мы причалили у деревни Тяукау, где остались на ночь. Утром следующего дня мы отправились в путь. Ничего не происходило: ночью отдыхали, днём плыли. Через несколько дней мы добрались до Виньзиня. Я отправился на поклон к чиновнику-*тхычану*, с которым мы так долго не виделись. Солдаты, сопровождавшие меня, сильно устали, и я попросил дать мне ещё несколько человек.

Второго числа одиннадцатого месяца по лунному календарю я вернулся в родные горы и увидел жену и детей. Отпустил солдат утром следующего дня — они вернулись кто к себе, кто в столицу. Я принёс жертвы предкам — уведомил их о возвращении домой. Пришли в гости друзья и родственники. Мы вели душевные беседы, но ни слова не было сказано о делах суетных. Через несколько дней до меня дошли вести о смерти сановника-*тяньдыонга* и всей его семьи.

Я опечалился. Богатства, почести так же мимолётны и скоротечны, как облака на небе! Песни и звуки флейты, башни и храмы — быть им столько, сколько длится утро!

С другой стороны, я обрадовался: «Скрыв себя от мира среди лесов и источников, не думая о богатстве и мирских почестях, получил однажды приказ ехать в столицу — и отправился туда с посохом в руке, и целый год провёл там, подвергаясь тысячам притеснений. И смог вернуться домой! Прояви я мягкость — пришлось бы служить чиновником. И опозорил тем самым своё имя, а какой стыд! Даже если бы раскаялся — было бы слишком поздно! К счастью, я всегда держу обещание, данное любимым горам. Даже живя среди почестей и богатств, я не позволил им вскружить мне голову. Гордо я ушёл — и безмятежным вернулся. В любимых горах постелью мне будут цветы, а мягкой подушкой — камень». Однажды во сне услышал я голос. Испугавшись, я проснулся и сказал себе: «Если меня ни в чём не винули, так это только благодаря тому, что никогда я не был жадным!»

В свободное время, наслаждаясь вином и музыкой, веду записки о том, что было — от начала и до самого конца, дабы могли мои заметки послужить уроком для потомков. За основу поведения в жизни следует взять такой принцип: «уметь приспособливаться к обстоятельствам и довольствоваться тем, что имеешь, знать меру и вовремя останавливаться, никогда не жадничать — и почитать это за добродетель».

Написано в сорок четвёртый год под девизом правления Кань-хынг, в одиннадцатом месяце по лунному календарю года под циклическими знаками куи-мао (1783).

